ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ

ЯНКОВИЧЪ ДЕ-МИРІЕВО

или

НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА ВЪ РОССІИ

при

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й.

А. ВОРОНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1858.

Александру Михайловичу

[illegible]

от глубоко его уважающего

автора.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ЯНКОВИЧЪ ДЕ-МИРІЕВО.

Педагогическое движеніе, обнаружившееся въ послѣднее время въ нашей литературѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія; вопросъ о воспитаніи во всѣхъ его видахъ, во всѣхъ примѣненіяхъ сдѣлался однимъ изъ современныхъ насущныхъ вопросовъ, вѣрнаго рѣшенія котораго добиваются настойчиво и повсемѣстно, какъ такого рѣшенія, отъ котораго зависитъ будущность отечества. Всѣ многочисленныя сочиненія по этому предмету могутъ быть причислены къ тремъ главнымъ родамъ: въ однихъ изъ нихъ, и наибо́льшихъ числомъ, развиваются педагогическія системы образованныхъ государствъ Европы и Америки; другіе, ме́ньшіе числомъ, имѣютъ предметомъ примѣненіе теорій о воспитаніи, выработанныхъ за границей, къ русскому ученію и воспитанію, и наконецъ весьма немногіе педагогическіе труды посвящены изученію историческаго движенія педагогики въ нашемъ отечествѣ. Труды перваго рода легче: основаніемъ имъ служатъ уже готовые разработанные матеріалы; тѣмъ не менѣе, по обилію идей и разнообразію способовъ ихъ примѣненія къ жизни, они представляютъ съ одной стороны драгоцѣнные источники для сравненія, а съ другой — возвышаютъ наше общество до уровня педагогической современности. Труды втораго рода требуютъ бо́льшихъ усилій, бо́льшей наблюдательности и бо́льшаго таланта; но,

для достиженія полнаго успѣха, съ ними должны соединяться и даже предшествовать имъ труды третьяго рода. Жизнь каждаго народа разнообразна до неуловимости, а потому одна и та же идея проявляется различно въ разныхъ средахъ; несмотря на общность идей, педагогическія системы англичанъ, французовъ, нѣмцевъ и сѣверо-американцевъ рѣзко отличаются другъ отъ друга; не вдругъ образовалось это различіе; оно выработалось жизнію и выковалось изъ нея въ горнилѣ продолжительныхъ испытаній. Ясно послѣ этого, что проведеніе въ жизнь той или другой педагогической теоріи обусловливается мѣстными обстоятельствами, духомъ народа. Всякая попытка въ этомъ родѣ, удачная или неудачная, должна сдѣлаться предметомъ тщательнаго и подробнаго изученія; опытъ — великое дѣло; но едва ли не больше умѣнье пользоваться имъ, пріобрѣтаемое строгимъ анализомъ фактовъ, представляемыхъ жизнію. Можетъ быть намъ возразятъ, гдѣ же эти опыты примѣненія у насъ педагогическихъ теорій къ жизни? Не въ послѣднее ли время мы принялись только за это дѣло основательно? Въ отвѣтъ укажемъ изъ многихъ замѣчательныхъ лицъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія на митрополита Петра Могилу, Петра Великаго, Ломоносова, И. И. Шувалова, Екатерину Великую, Шварца, Н. И. Новикова, Бецкаго, графа Завадовскаго, митрополита Платона, Янковича де-Миріево, графа Сперанскаго, графа С. С. Уварова. Подробная оцѣнка дѣятельности такихъ лицъ и вліянія ихъ на характеръ народнаго образованія дастъ возможность представить со временемъ полную исторію русской педагогики, будетъ въ высшей степени поучительна для нашихъ теоретиковъ и въ окончательномъ своемъ выводѣ послужитъ къ разумному рѣшенію у насъ вопросовъ о воспитаніи.

Руководясь этими основаніями, мы выбрали предметомъ настоящей нашей статьи изложеніе педагогической дѣятельности Ѳедора Ивановича Янковича де-Миріево, перваго директора народныхъ училищъ, учрежденныхъ у насъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й. Сербъ по происхожденію, родной намъ по языку и вѣрѣ, Ѳедоръ Ивановичъ вы-

званъ былъ въ Россію для великаго дѣла устройства народныхъ училищъ въ 1782 году, въ то время, когда густая тьма невѣжества покрывала еще все пространство обширной нашей имперіи. Учебныя заведенія были только въ столицахъ; внѣ ихъ ученіе происходило въ немногихъ духовныхъ училищахъ въ нѣсколькихъ городахъ имперіи; гимназія, кромѣ Москвы и Петербурга, была въ одной Казани; кое-гдѣ занимались еще обученіемъ юношества недоучившіеся дьячки, или шарлатаны-иностранцы, нашедшіе у насъ въ званіи учителя выгодное для себя ремесло. Въ городахъ не только маленькихъ, но и большихъ не было никакого правильнаго ученія, а о селахъ и говорить нечего [1].

Біографическія свѣдѣнія объ Янковичѣ, къ крайнему сожалѣнію нашему, весьма не полны, а потому въ статьѣ нашей мы преимущественно должны ограничиться оффиціальною его дѣятельностью. Фамилія Янковичей была одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій и владѣла близъ Бѣлграда селомъ Миріево. Когда турки овладѣли Сербіею, Янковичи вмѣстѣ съ многими знатными сербами переселились въ 1459 году въ Венгрію. Здѣсь, впродолженіе многихъ столѣтій, отличались они геройскими подвигами въ войнахъ противъ турокъ, за что Императоромъ Леопольдомъ I-мъ пожалованы были важными преимуществами. Имѣніе ихъ находилось въ Темешварскомъ Банатѣ, на правой сторонѣ рѣки Темеша, въ двухчасовомъ разстояніи отъ Уйпеча; это было мѣстечко Рудна, имѣвшее православную церковь и населенное илліріянами, исповѣдывавшими православную вѣру. Ѳ. И. Янковичъ родился въ 1741 г., въ мѣстечкѣ Каменицѣ-Сремской, близъ Петервардейна, а окончательное образованіе получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ юриспруденцію, камеральные предметы и науки, касающіяся внутренняго государственнаго благоустройства и дохода. Этимъ обстоятельствомъ можно объяс-

[1] Исключеніе представляютъ только Остзейскія и смежныя съ Польшею губерніи, гдѣ были училища во многихъ мѣстахъ. См. «Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи», Кеппена, С. Петербургъ, 1827 г.

нить особенную любовь его къ наукамъ реальнымъ, отразившуюся въ его взглядѣ на народное образованіе. Первоначально Янковичъ поступилъ на службу секретаремъ къ Темешварскому православному епископу Викентію Іоанновичу Видаку, бывшему впослѣдствіи архіепископомъ Карловачскимъ и митрополитомъ всего Иллирійскаго Славянскаго народа. Здѣсь, при знаніи разныхъ языковъ и миролюбивомъ характерѣ, оказалъ онъ большія услуги Правительству, внушая православному духовенству чувства приверженности къ престолу и поддерживая въ немъ миръ и согласіе съ католическимъ духовенствомъ и народомъ римско-католическаго исповѣданія. Потомъ въ 1773 г. Янковичъ опредѣленъ былъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ Банатѣ, гдѣ дѣятельность его по устройству училищъ обратила на него вниманіе правительства: въ 1774 г. Императрица Марія-Терезія пожаловала ему дворянское достоинство Австрійской имперіи, съ присовокупленіемъ къ настоящей фамиліи названія де-Миріево, по имени села, принадлежавшаго предкамъ его въ Сербіи. Въ грамотѣ сказано: «мы благосклонно примѣтили, видѣли и узнали его хорошіе нравы, добродѣтель, разсудокъ и дарованія, о которыхъ намъ съ похвалою донесено» и проч.

Въ 1782 г., по указанію Императора Іосифа II-го, Императрица Екатерина II-я вызвала Янковича въ Россію, «какъ человѣка, трудившагося уже въ устроеніи народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія Его Величества Императора Римскаго, какъ знающаго языкъ Россійскій и нашъ православный законъ исповѣдывающаго» (¹).

Съ этого времени Янковичъ посвятилъ всего себя новому своему отечеству, и втеченіе двадцати слишкомъ лѣтъ трудился на пользу его неутомимо и съ самоотверженіемъ, исправляя должность директора народныхъ училищъ съ 1-го января 1783 г. по 27-е августа 1784 г., директора главнаго народна-

(¹) Архивъ Герольдіи Правительствующаго Сената, Дѣло № 736, о внесеніи герба рода Янковичевъ де-Миріево въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи и «Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи», Кеппена, стр. 95.

го училища по 27-е мая 1785 г., учонаго чиновника при коммиссіи училищъ по 11-е января 1796 г., члена коммиссіи училищъ по 8-е сентября 1802 г., и наконецъ члена главнаго правленія училищъ. Въ послѣдніе годы, съ 1803 г. до самой смерти своей, послѣдовавшей 22-го мая 1814 г. (1), онъ страдалъ совершеннымъ истощеніемъ умственныхъ и физическихъ силъ, естественнымъ слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ его трудовъ. «Я обязанъ», говоритъ Аделунгъ, благодушію Янковича отличнымъ экземпляромъ имъ обработаннаго словаря (2), но его совершенно угасшая память не позволила ему сообщить мнѣ подробностей о павшемъ на него выборѣ Императрицы, о планѣ его труда, пособіяхъ и т. п. (3).

Отличительными чертами характера Янковича были прямота, соединенная съ скромностью, необыкновенная акуратность, безукоризненная честность и строгая набожность безъ всякой примѣси религіозной нетерпимости, чѣмъ онъ заслужилъ уваженіе еще во время службы своей въ Австріи. Въ пріемной залѣ г. Министра Народнаго Просвѣщенія есть портретъ Янковича; черты лица правильныя и строгія выражаютъ невозмутимое спокойствіе и непреклонную силу воли; напудренные волосы составляютъ рѣзкій контрастъ съ черными бровями, расходящимися вверхъ подъ угломъ и осѣняющими блестящіе темнокаріе глаза; широкая грудь и полный станъ обличаютъ крѣпкое тѣлосложеніе. Вообще на портретѣ видѣнъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, но еще бодрый, свѣ-

---

(1) Прахъ его погребенъ въ С. Петербургѣ, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

(2) Здѣсь говорится о сравнительномъ словарѣ всѣхъ языковъ, составленномъ Янковичемъ въ 1790—1791 г. по порученію Императрицы, о чемъ подробно изложено будетъ ниже.

(3) Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, von Fr. Adelung, 1815, стр. 94. Въ изданной нами въ 1849 г. книгѣ «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго Округа съ 1715 по 1828 г.», на стр. 39-й, годъ смерти Янковича ошибочно показанъ въ 1803 году, что и считаемъ нужнымъ исправить настоящею оговоркою; точно также и Аделунгъ невѣрно относитъ смерть Янковича къ 1813 году.

жій и энергическій. По соображенію о лѣтахъ Янковича и по напудреннымъ волосамъ мы заключаемъ, что портретъ этотъ списанъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Представивъ эти скудныя данныя о частной жизни Янковича, мы должны бы были перейти къ подробному изложенію его педагогической дѣятельности въ нашемъ отечествѣ; но желая придать статьѣ нашей возможную полноту и оконченность, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать предварительно краткій обзоръ учебной и воспитательной части въ Россіи со временъ Петра Великаго до эпохи учрежденія народныхъ училищъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. Тогда только мы поймемъ, на какой почвѣ долженъ былъ трудиться Янковичъ, какими препятствіями сопровождалось у насъ учрежденіе народныхъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнѣе оцѣнимъ средства, принятыя правительствомъ для достиженія предположенной цѣли. Обнимая такое множество предметовъ еще недостаточно обработанныхъ, обзоръ нашъ не можетъ имѣть притязанія на строгую критическую оцѣнку избранной нами эпохи, а представляетъ только нѣкоторые выводы изъ матеріаловъ, находившихся у насъ подъ рукою, или заключаетъ въ себѣ указанія на предметы, требующіе еще подробнаго изученія. Поэтому мы придали статьѣ нашей приличное ей, по нашему мнѣнію, названіе: «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ.»

При вступленіи на престолъ Императора Петра Великаго единственными разсадниками образованія были у насъ Кіевская Духовная Академія, называвшаяся тогда Коллегіею (основ. 1589 г.) и Московская Духовная Академія, носившая названіе Греко-Славяно-Латинскаго или Заиконоспасскаго училища (основ. въ 1682 г.). Здѣсь впервые у насъ ученіе сложилось въ систему и приняло опредѣленный характеръ, имѣвшій болѣе или менѣе рѣшительное вліяніе на наши училища не только духовныя, но и отчасти свѣтскія. Поэтому весьма важно опредѣлить духъ ученія и характеръ воспитанія въ первыхъ нашихъ духовныхъ академіяхъ, и особенно Кіевской,

долго служившей образцомъ для всѣхъ прочихъ духовныхъ училищъ.

Кіевская Духовная Академія, первая по времени учрежденія, устроена была въ свою очередь по образцу иностранныхъ коллегій и академій, отъ которыхъ она заимствовала не только направленіе ученія, но и внѣшній порядокъ училищнаго устройства и даже самыя названія классовъ и должностныхъ лицъ.

Въ отношеніи учебнаго курса Академія во времена Петра Могилы, управлявшаго ею съ 1631 по 1647 годъ, раздѣлялась на два отдѣленія: низшее и высшее; воспитанники младшаго отдѣленія: назывались скромнымъ именемъ учениковъ, старшаго — студентами. Весь курсъ распредѣленъ былъ по восьми классамъ [1], изъ которыхъ шесть составляли нисшее отдѣленіе и два — высшее.

Въ первомъ классѣ, называвшемся *аналогіею* или *фарою*, учили читать и писать на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и славянскомъ; въ слѣдующихъ трехъ классахъ, носившихъ названіе *инфимы, грамматики* и *синтаксимы*, учили постепенно грамматикѣ выше означенныхъ трехъ языковъ и упражняли учениковъ въ переводахъ съ нихъ на отечественный языкъ; кромѣ того проходили православный катихизисъ, ариѳметику, нотное пѣніе и отчасти музыку. Въ пятомъ классѣ *поэзіи* или *пiитики* преимущественно занимались стихосложеніемъ латинскимъ и разными его родами и видами; изрѣдка только сообщались воспитанникамъ немногія правила стихосложенія отечественнаго. Низшее отдѣленіе заключалось классомъ *риторики*, состоявшей обыкновенно изъ трехъ частей: объ изобрѣтеніи, росположеніи и выраженіи, и имѣвшей главнымъ предметомъ научить воспитанниковъ писать бывшія тогда въ большой модѣ рѣчи поздравительныя, благодарственныя, привѣтственныя и т. п.

---

[1] Не считая приходскаго, въ которомъ обучали чтенію и письму на славянскомъ языкѣ.

«Питомцы Академіи, говоритъ Преосвященный Макарій, спѣшили произносить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ предъ знакомыми и даже незнакомыми людьми, знатными и незнатными. Этимъ пріобрѣтали они себѣ иногда небольшую славу, а всегда хлѣбъ насущный.»

Въ философскомъ классѣ, кромѣ философіи, обучали еще геометріи и астрономіи, а въ богословскомъ, независимо отъ богословія, излагалась еще гомилетика (наука о церковномъ проповѣдничествѣ); руководствомъ для философіи служилъ преимущественно Аристотель, а для богословія — Ѳома Аквинатскій; послѣдній предметъ проходился съ особенною подробностью, а потому полный курсъ его продолжался четыре года, курсъ философіи — два года, а для прочихъ классовъ назначался только одинъ годъ (1).

Сравнивъ этотъ курсъ съ курсомъ ученія въ іезуитскихъ коллегіяхъ Западной Европы, мы увидимъ, что онъ составляетъ близкій съ него сколокъ: и тамъ классы раздѣлены были на два отдѣленія:

I. Studia inferiora съ 5 классами: 1) Infima classis grammaticae 2) Media classis grammaticae, 3) Suprema classis grammaticae, или синтаксисъ, 4) Humanitas, 5) Rhetorica; недостаетъ только низшаго класса *фары*, который въ 1774 году упраздненъ былъ и при Кіевской Академіи (2).

II. Studia superiora съ двумя классами: философскимъ и богословскимъ. Даже самое число лѣтъ, назначенныхъ на ученіе, здѣсь и тамъ одинаково (3). Но еще важнѣе этого внѣшняго сходства въ числѣ предметовъ и распредѣленіи ихъ по классамъ мы считаемъ сходство въ изложеніи философіи и богословія въ духѣ схоластическомъ; вслѣдствіе этого направленія, лишеннаго внутренняго содержанія, у насъ водворил-

(1) «Исторія Кіевской Духовной Академіи», соч. Макарія Булгакова, стр. 54, 62, 69 и 78.

(2) «Исторія Кіевской Академіи», стр. 125. Классъ этотъ, слившись съ классомъ инфимы, получилъ названіе информаторскаго класса.

(3) Geschichte der Pädagogik von C. v. Raumer, 3 изд., томъ I, стр. 334—342.

ся на долго формализмъ въ преподаваніи всѣхъ наукъ, изученіе буквы, а не духа ихъ, пристрастіе къ формѣ и пренебреженіе живой сущности предмета.

Схоластика въ этомъ смыслѣ образовалась въ средніе вѣка; цвѣтущій періодъ ея относится къ времени отъ XI до XIV вѣка; но и потомъ еще долго, до половины XVII столѣтія, схоластическое направленіе болѣе или менѣе преобладало во всѣхъ училищахъ Западной Европы. Предметомъ схоластики первоначально были богословіе и философія; въ первомъ главнымъ авторитетомъ служилъ Ѳома Аквинатскій, а въ послѣдней — Аристотель. Существенный характеръ ея заключается въ томъ, что схоластики заботились не столько о содержаніи науки, сколько о подведеніи всѣхъ знаній подъ условно-составленныя формы. Въ религіи всѣ вопросы уже рѣшены заранѣе, а потому дѣятельность учоныхъ богослововъ-монаховъ обратилась на соглашеніе знанія съ вѣрою по извѣстнымъ предписаннымъ формамъ; отсюда явились искусныя логическія опредѣленія, не касавшіяся впрочемъ сущности дѣла, а представлявшія тонкія хитросплетенія богословскихъ истинъ съ схоластическими положеніями. При рѣшеніи каждаго богословскаго вопроса употреблялись одинаковые, опредѣленные пріемы: приведемъ одинъ изъ такихъ пріемовъ, извѣстный подъ именемъ вопроса (quaestio) и употреблявшійся у насъ въ духовныхъ училищахъ. Сначала составлялись опредѣленія и дѣленія главныхъ понятій въ вопросѣ; потомъ слѣдовалъ отвѣтъ, который также состоялъ изъ нѣсколькихъ положеній: на каждое изъ нихъ приводились доказательства, заимствованныя не изъ одного только священнаго писанія, но и часто изъ мнѣній схоластическихъ богослововъ. Затѣмъ слѣдовали возраженія, опять таки взятыя не всегда изъ Священнаго писанія, а часто придуманныя самими схоластиками и поражающія своею нелѣпостью. Возраженія эти заключались отвѣтами [1]. При такомъ пренебреженіи къ содержанію и стремленіи къ формальному рѣшенію вопросовъ науки, въ богословіе

---

[1] «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 145.

проникали часто странныя толкованія. Такъ напримѣръ въ главѣ о договорѣ вообще, послѣ вопросовъ объ обѣтахъ, о ростѣ, о симоніи, слѣдуетъ трактатъ о договорахъ съ дьяволомъ. Ректоръ Московской Академіи, знаменитый Ѳеофилактъ Лопатинскій, такъ опредѣляетъ и дѣлитъ это понятіе. Договоръ съ дьяволомъ есть условіе съ нимъ заключонное: онъ выражается въ колдовствѣ, суевѣрномъ предсказаніи, суетномъ поклоненіи (vana observantia) и въ порчѣ (1). Вслѣдствіе такого формальнаго направленія схоластики отличались страстью къ утонченнымъ изслѣдованіямъ. Напр. въ статьѣ объ Ангелахъ рѣшались такіе вопросы: гдѣ сотворены Ангелы? Могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? Сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать Ангелъ и т. п. (2).

Схоластическая философія употребляла тѣ же пріемы и слѣдовала тому же направленію, какъ и богословіе (3). Изъ частей философіи особенно тяжелый отпечатокъ схоластики легъ на логику; стоитъ только указать для этого на множество формъ, придуманныхъ для силлогизмовъ и означаемыхъ пресловутыми условными терминами: Barbara, Celarent, Darii, Ferio. Мы, учившіеся еще этой безполезной формальности, живо помнимъ, сколько тяжкой муки терпѣли отъ нея. Къ какимъ странностямъ приводила страсть къ формальной системѣ въ философіи, укажемъ примѣръ изъ изложенія метафизики. Въ трактатѣ о тѣлѣ одушевленномъ, или о душѣ, послѣ главы о душѣ слѣдуетъ трактатъ о волосахъ, который входитъ сюда потому, что признавали нужнымъ опредѣлить, есть ли въ волосахъ жизненная сила, причемъ рѣшаются и второстепенные вопросы, отъ чего у стариковъ выпадаютъ волосы, отъ чего у женщинъ не ростетъ борода и т. п. (4).

---

(1) «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 150.

(2) Тамъ же, стр. 144.

(3) Кромѣ вышепоказаннаго пріема изложенія, начинающагося съ вопроса (quaestio), употреблялись еще два пріема: разсужденіе (tractatum) и преніе (disputatio).

(4) «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 165.

Соотвѣтственно съ такимъ безжизненнымъ направленіемъ, схоластика, усвоившая себѣ мертвый латинскій языкъ, выработала его по своему и наложила на него ту же печать тяжести: много латинскихъ словъ изобрѣтено ею, многимъ придано новое условное значеніе, такъ-что средневѣковая латынь сдѣлалась доступною только посвящоннымъ въ хитросплетенія схоластики (¹).

Сказаннаго о схоластикѣ мы считаемъ достаточнымъ для объясненія идеи этого направленія; желающимъ же составить болѣе подробное понятіе объ этомъ предметѣ рекомендуемъ прекрасную книгу г. Смирнова: «Исторію Московской Духовной Академіи», которая служила для насъ источникомъ. Прослѣдимъ теперь далѣе направленіе ученія въ духовныхъ нашихъ училищахъ. Мы уже выше сказали, что схоластика оказала вредное вліяніе на училища, водворивъ у насъ надолго формализмъ въ преподаваніи наукъ, изученіе буквы, а не духа ихъ.

Преподаваніе риторики и піитики въ нашихъ духовныхъ училищахъ служитъ разительнымъ тому доказательствомъ. Главнымъ источникомъ, при изложеніи этихъ наукъ, служили Цицеронъ и Квинтиліанъ, правила которыхъ приведены были въ строгую систему схоластиками среднихъ вѣковъ. И здѣсь система эта отличается мертвымъ механизмомъ, нисколько не способствовавшимъ развитію учащихся. Во всемъ господствовали формы, изъ которыхъ ученикъ не могъ выступать. Такъ напр. въ риторикѣ заключались правила, какъ похвалить зданіе, поле, рѣку и т. п. При похвалѣ зданію слѣдовало хвалить: мѣстоположеніе, улицу, видъ, обширность крыльца и сѣней, широту и высоту, красоту спальни, драгоцѣнность дерева, камней, разнообразіе скульптуры и украшеній. Мало того, составленъ былъ цѣлый списокъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ, служащихъ къ похвалѣ, или порицанію, цѣлый наборъ словъ и выраженій, относящихся къ украшенію рѣчи, причемъ въ особенномъ почотѣ были миѳологическія названія.

(¹) Тамъ же, стр. 150.

Весь этотъ механическій процесъ, какъ бы въ насмѣшку, назывался главою объ изобрѣтеніи мыслей. Для выраженія ихъ были опять своего рода подмостки; и здѣсь представлялись ученику готовые матеріалы: примѣры изъ исторіи, изрѣченія учоныхъ, символическія изображенія, надписи, гербы, девизы, относящіеся къ извѣстному предмету. Въ заключеніе весь этотъ хламъ располагался по правиламъ, въ предписанномъ порядкѣ и такимъ образомъ составлялось сочиненіе чисто механическое, при которомъ ученику не предстояло никакой надобности даже знать тотъ предметъ, о которомъ онъ писалъ. Къ довершенію всего скажемъ, что и здѣсь господствовалъ преимущественно латинскій языкъ; только съ половины XVIII вѣка начали допускать риторическія упражненія и на русскомъ языкѣ, хотя впрочемъ преподаваніе оставалось по прежнему на латинскомъ (¹).

Въ низшихъ классахъ духовныхъ училищъ преобладалъ латинскій языкъ; кромѣ того здѣсь учили, какъ уже выше сказано, славянскому и греческому языкамъ; успѣхи въ послѣднемъ вообще были незначительны, можетъ быть потому, что на латинскій языкъ употреблялась бо́льшая часть времени, или, что еще вѣроятнѣе, потому что такъ было въ западныхъ школахъ. Для достиженія полнаго успѣха въ привилегированномъ языкѣ и у насъ употреблялись тѣ же средства, что на Западѣ: всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса, излагались на латинскомъ языкѣ; на немъ писались всѣ почти сочиненія; онъ же былъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ внѣ класса. Чтобы пріучить учениковъ низшихъ грамматическихъ классовъ говорить между собою по латыни, и у насъ, какъ въ іезуитскихъ училищахъ, употреблялся калькулюсъ, деревянный футляръ съ вложеннымъ въ него листомъ бумаги, на которомъ записывалось имя ученика, сказавшаго, хотя одно слово не по латыни, или и по латыни, но съ ошибкою. Сдѣлавшій такую вину получалъ футляръ и носилъ его до тѣхъ поръ, пока не провинялся кто

(¹) «Исторія Московской Духовной Академіи», Смирнова, стр. 171.

либо другой; хуже всего было такому ученику, у котораго оставался калькулюсъ при приходѣ учителя въ классъ: онъ подвергался неминуемо наказанію (1). Мѣра полезная для латинскаго языка, но вредная въ нравственномъ отношеніи: посредствомъ ея легко развивалась наклонность къ доносамъ, разрушавшая духъ товарищества. Поддержанію механизма въ преподаваніи въ низшихъ классахъ содѣйствовала особенно система употребленія такъ-называемыхъ аудиторовъ. Обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы до прихода учителя переспросить уроки, или просмотрѣть письменныя задачи у порученныхъ имъ учениковъ; отмѣтки о степени знанія урока, или о числѣ ошибокъ въ задачахъ аудиторы представляли учителю, который по временамъ повѣрялъ ихъ и потомъ задавалъ новые уроки. По субботамъ тѣ же аудиторы, а иногда и учители, требовали отчета въ пройденномъ за недѣлю, и тутъ же обыкновенно чинилась расправа съ лѣнивыми учениками. Могъ ли такой способъ ученія дѣйствовать на развитіе учащихся? Большинство выучивало свои уроки наизустъ, и если не понимало выученнаго, то могли ли это замѣтить аудиторы, ихъ же товарищи? А учителю мало было до нихъ надобности; онъ успѣвалъ только спрашивать аудиторовъ, задавать новые уроки и наказывать неисправныхъ учениковъ (2). Къ схоластическимъ принадлежностямъ духовныхъ училищъ мы должны отнести и такъ-называемые публичные диспуты, происходившіе въ высшихъ двухъ классахъ и всегда съ большою торжественностью. Обыкновенно диспуты назначались въ концѣ учебнаго года; предметомъ ихъ были отвлеченныя богословскія, или метафизическія положенія; бо́льшею частью споры касались словъ, а не сущности дѣла, или представляли сплетеніе схоластическихъ тонкостей. Общество наше любило собираться на эти диспуты, «чтобы», по удачному выраженію Преосвященнаго Макарія, «внимать имъ или, правильнѣе, смотрѣть на нихъ, потому что диспуты производились на языкѣ

(1) «Исторія Кіевской Духовной Академіи», соч. Макарія, стр. 75.
(2) Тамъ же, стр. 58.

латинскомъ, вовсе не понятномъ для народа» (1). Уже по этой послѣдней причинѣ такое явленіе нельзя объяснить сочувствіемъ къ наукѣ; скорѣе его слѣдуетъ приписать общей тогда страсти къ эффектнымъ зрѣлищамъ и торжествамъ. На театральныя представленія мистерій, даваемыя Кіевскими и Московскими студентами, точно такъ же собиралась публика, какъ и на диспуты. И студенты въ свою очередь, по наказу, также участвовали въ разныхъ торжественныхъ дѣйствіяхъ. Такъ въ 1703 году, когда Петръ Великій, послѣ завоеванія Ингерманландіи, пріѣхалъ въ Москву, предъ домомъ Академіи устроены были тріумфальные ворота съ разными аллегорическими изображеніями и надписями, и студенты говорили Государю разныя поздравительныя рѣчи (2).

Схоластическій формализмъ въ ученіи, господствовавшій въ духовныхъ училищахъ, проникалъ и въ массу народа, потому что въ училища эти до половины XVIII-го столѣтія, по недостатку свѣтскихъ учебныхъ заведеній, поступали лица всѣхъ сословій. Въ 1721 г. въ Духовной Александро-Невской школѣ въ С. Петербургѣ большинство учащихся принадлежало не къ духовному званію; въ числѣ другихъ упоминаются здѣсь двое дворянскихъ дѣтей Пѣвцовы, нѣсколько купеческихъ и иноземцевъ, одинъ арабъ, присланный отъ Высочайшаго Двора, одинъ индѣецъ и одинъ калмыкъ (3). Въ Московскую Духовную Академію въ 1736 г. поступило 158 дворянскихъ дѣтей и между ними князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе. Тутъ же обучались дѣти подъяческіе, канцелярскіе и солдатскіе (4). Въ Кіевской Духовной Академіи получили между прочимъ образованіе Григорій Васильевичъ Козицкій, князь Александръ Андреевичъ Безбородко, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, Дмитрій Прокопьевичъ Трощинскій (5).

(1) «Ист. Кіевской Дух. Акад.», соч. Макарія, стр. 59.
(2) «Ист. Московской Дух. Акад.», соч. Смирнова, стр. 187.
(3) «Ист. С. Петербургской Духовной Акад.», Чистовича, стр. 11.
(4) «Ист. Московской Дух. Акад.», Смирнова, стр. 107.
(5) «Ист. Кіевской Дух. Акад.», Макарія, стр. 191—192.

До сихъ поръ мы говорили о вредѣ схоластическаго направленія, заключающемся преимущественно въ томъ, что оно обременяло учащихся безплодными трудностями и подавляло умы тяжестью формы. Но схоластика принесла своего рода пользу: углубляя умъ въ діалектическія тонкости, она изощряла его и тѣмъ самымъ содѣйствовала развитію логическаго соображенія. Довольствоваться этимъ конечно было нельзя, а потому лучшіе умы XVIII-го вѣка признавали въ схоластикѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Ѳеоѳанъ Прокоповичъ, въ письмѣ своемъ къ профессорамъ Кіевской Академіи, говоритъ, что «схоластика занимаетъ учениковъ пустыми спорами и поселяетъ въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости; что нужно преподавать науку основательно и достойно важности предмета, а не дѣлать изъ нея комедію» (³). Въ словахъ этихъ уже видно вліяніе новыхъ философскихъ системъ, явившихся на Западѣ и сильно потрясшихъ зданіе схоластики.

Митрополитъ Платонъ изданіемъ въ 1765 г. на русскомъ языкѣ Богословія снялъ окончательно обманчивую оболочку съ схоластическаго богословія; вмѣстѣ съ тѣмъ кончилось и господство Аристотеля въ философіи, и замѣнилъ его Баумейстеръ, ученикъ философа Вольфа. Такія преобразованія повлекли за собою и многія другія; въ курсъ духовныхъ училищъ стали входить мало-по-малу исторія, географія, естественныя науки и новѣйшіе иностранные языки. Тѣмъ не менѣе тяжелые слѣды схоластики оставались еще надолго: сглаживаясь съ каждымъ шагомъ науки впередъ, они, скажемъ откровенно, кое-гдѣ замѣтны еще теперь. Вотъ причина, почему мы считали необходимымъ такъ долго останавливаться на объясненіи схоластическаго направленія въ наукѣ: первые наши народныя училища при Императрицѣ Екатеринѣ получали наставниковъ почти исключительно изъ семинарій; а потому новый способъ ученія по методѣ Янковича необходимо долженъ былъ встрѣтиться у нихъ съ привычкою къ механическому ученію, вынесенною изъ школы: вслѣдствіе этого

(³) Ист. Московской Дух. Акад., Смирнова, стр. 157.

возникла борьба, нерѣдко оканчивавшаяся торжествомъ прежняго формальнаго механизма въ преподаваніи, чему содѣйствовали впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, и другія причины, кромѣ указанной нами. Ослабленію схоластическаго направленія въ духовныхъ училищахъ безъ сомнѣнія содѣйствовало также примѣненіе къ нимъ новой методы преподаванія, введенной Янковичемъ въ народныя училища. Синодскій указъ по этому предмету послѣдовалъ 27-го декабря 1785 года; но исполненіемъ его, какъ видно, не вездѣ поспѣшили; по крайней мѣрѣ въ С. Петербургской семинаріи новая метода введена была не скоро, въ низшихъ же классахъ Московской Академіи она употреблялась уже въ 1786 году. Вмѣстѣ съ новою методою приняты были въ духовныхъ училищахъ по многимъ предметамъ новые руководства, составленныя для народныхъ училищъ, на основаніи новаго взгляда на преподаваніе, и написанныя на русскомъ языкѣ, что въ свою очередь не могло остаться безъ вліянія на характеръ преподаванія въ духовныхъ училищахъ. Любопытны были бы свѣдѣнія, какими результатами сопровождались такія нововведенія въ духовныхъ училищахъ, какія препятствія встрѣчали они въ своемъ примѣненіи къ дѣлу; но, по недостатку свѣдѣній, къ сожалѣнію, мы не можемъ ничего сообщить объ этомъ предметѣ (1).

Въ дополненіе представленной нами картины собственно ученія скажемъ, по возможности коротко, о характерѣ воспитанія въ духовныхъ училищахъ. Ученики, какъ казенные, жившіе въ бурсѣ и получавшіе весьма скудное содержаніе натурою или деньгами, такъ и своекоштные, состояли подъ строгимъ надзоромъ училищнаго начальства. Для жившихъ въ бурсѣ установлено было время, когда ложиться спать и вставать, порядокъ во время молитвы, трапезы, рекреацій, что особенно подробно обозначено въ Духовномъ Регламентѣ, со-

(1) «Ист. С. Петербургской Дух. Акад.», Чистовича, стр. 77; «Ист. Московской Акад.», Смирнова, стр. 314, и «Ист. Кіевской Дух. Акад.», Булгакова, стр. 146. Подробности о методѣ Янковича изложены будутъ ниже.

ставленномъ Өеоөаномъ Прокоповичемъ ([1]). Здѣсь же указаны нѣкоторыя гигіеническіе мѣры для сохраненія веселости духа и здоровья. Такъ, для отвращенія скуки, ученіе должно было смѣняться «играми честными и тѣлодвижными», лѣтомъ въ саду, а зимою въ комнатахъ, на что назначалось каждый день по два часа, и кромѣ того одинъ или два раза въ мѣсяцъ позволялись прогулки по окрестностямъ. Семинаристы должны были помѣщаться въ одномъ домѣ, въ каждой комнатѣ по осьми или девяти человѣкъ подъ присмотромъ префекта, что впрочемъ не всегда исполнялось на дѣлѣ. Такъ по словамъ И. И. Бецкаго въ Александро-Невской Семинаріи въ 1734 г. было до 50-ти учениковъ больныхъ цынгой, оттого что они спали всѣ въ одной большой избѣ, въ нижнемъ этажѣ, въ спертомъ воздухѣ и притомъ часто нераздѣваясь; вмѣсто постели служили имъ доски, или нары, какъ въ многолюдной караульнѣ ([2]). Въ отношеніи исправительныхъ мѣръ въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ соблюдалась постепенность, поражающая своею форменностью. Такъ въ духовныхъ школахъ Нижегородской Епархіи первой половины XVIII-го вѣка наставники, за неважные проступки, дѣлали учащимся до *двухъ разъ* словесный выговоръ, за третью вину смиряли *шелепами*, за четвертую и пятую *плетьми и тюремнымъ арестомъ на недѣлю.* Въ послѣднемъ случаѣ преступника, скованнаго подъ карауломъ, отправляли въ Нижній-Новгородъ, на его подводахъ и коштѣ. Этому же наказанію подвергались и тѣ, которые были уличены, хотя и въ первый разъ, въ воровствѣ, или въ другихъ важныхъ преступленіяхъ. Чаще впрочемъ, безъ соблюденія постепенностей, прибѣгали за всякую вину прямо къ розгамъ, или къ оскорбительнымъ выраженіямъ, которыя (такова сила привычки) никого не оскорбляли, и потому приводили опять къ необходимости употреблять жестокія наказа-

([1]) Полн. Собр. Зак., Т. VI, «Духовн. Регламентъ», 25-го января 1721 г.

([2]) «Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи», Т. I, 1789 г., стр. 209.

нія. Даже самые кроткіе изъ наставниковъ увлекались такимъ общимъ направленіемъ. Миролюбивый Селлій, бывшій учителемъ Александро-Невской семинаріи съ 1734 по 1737 годъ, одного изъ воспитанниковъ, Степана Брызгалова, лечилъ отъ лѣности розгами, а отъ сплетничанья плетьми [1]. Легко понять послѣ этого, какъ первые учителя народныхъ училищъ, взятые изъ семинарій и получившіе первоначальное воспитаніе въ суровой школѣ побоевъ и лишеній всякаго рода, должны были исполнять предписанія училищнаго устава, запрещавшія не только тѣлесное наказаніе, но даже употребленіе бранныхъ и предосудительныхъ названій въ отношеніи къ ученикамъ. Прибавимъ къ этому понятія окружающаго ихъ общества и тогда согласимся, что проведеніе въ народныя училища новыхъ идей воспитанія, высказанныхъ Янковичемъ, должно было встрѣтить препятствія едва ли преодолимыя. Опредѣливъ такимъ образомъ характеръ и направленіе воспитанія и ученія въ духовныхъ училищахъ, которые имѣли такое огромное вліяніе на развитіе народныхъ училищъ, основанныхъ при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, мы не ставимъ однако высказанныхъ нами недостатковъ въ вину духовнымъ учебнымъ заведеніямъ: въ настоящемъ случаѣ они платили только дань своему вѣку. Напротивъ, несмотря на все это, мы охотно признаемъ большія заслуги за этими училищами, вопервыхъ потому, что они постоянно давали церкви пастырей, между которыми находятся славныя имена Стефана Яворскаго, Ѳеоѳана Прокоповича, митрополита Платона и другихъ; вовторыхъ потому, что долгое время они одни были у насъ разсадниками народнаго образованія, каково бы оно ни было, и въ третьихъ наконецъ потому, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужны были грамотные люди для практическихъ или учоныхъ цѣлей, долго они одни служили постояннымъ и неизсякаемымъ источникомъ, снабжая своими воспитанниками Академію Наукъ, народныя училища, госпитали, типографіи, аптеки; были случаи, что воспитанники духовныхъ семинарій отправляемы бы-

---

[1] «Ист. С. Петербургской Дух. Акад.», Чистовича, стр. 19.

ли въ миссіи, въ качествѣ миссіонеровъ, и въ заграничныя путешествія съ учоною цѣлью (1). Наконецъ въ похвалу духовенства скажемъ, что оно болѣе прочихъ сословій обнаруживало охоту къ ученію; этою чертою отличалось впрочемъ только духовенство югозападной Россіи; по причинѣ ранняго основанія Академіи, или отъ болѣе частыхъ сношеній съ сосѣднею Польшою, духовныя лица здѣсь понимали уже выгоды науки; самыя бѣдныя дѣти учились, мужественно перенося всѣ возможныя лишенія и униженія. «Многіе бѣдные ученики», говоритъ преосвященный Макарій, «каждый день въ обѣденное время ходили по Кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ у окна, или у воротъ пѣли разные священные стихи, испрашивая себѣ у жителей христіанской милостыни. Даже студенты, которые занимались высшими окончательными науками, не стыдились, подобно малолѣтнимъ, съ тою же цѣлію, каждый вечеръ, при захожденіи солнца, пѣть хорами, въ честь разныхъ святыхъ и чудотворныхъ иконъ, своего собственнаго сочиненія партесные канты, то предъ домами кіевлянъ, то на житной площади для торгашей, оставшихся тамъ на ночлегъ въ своихъ лавкахъ. И все это продолжалось не одинъ, не два, не три года, а цѣлое столѣтіе, изъ года въ годъ» (2). Но на сѣверѣ и вообще въ мѣстахъ, гдѣ вновь устроивались училища, духовенство, къ сожалѣнію, также раздѣляло съ прочими сословіями общую тому времени боязнь ученія. Правительство, для собранія учениковъ въ школы, должно было прибѣгать къ принужденію. Въ 1733 г., напримѣръ, Синодскимъ указомъ предписано было отобрать дѣтей у отцовъ и доставить ихъ въ Александро-Невскую семинарію; изъ 79 человѣкъ, записанныхъ въ вѣдомости и подлежавшихъ ученію, до 1736 года, втеченіе трехъ лѣтъ могли набрать только 19 человѣкъ, остальные же нашли возможность уклониться отъ ученія (3). Обыкновенно священники городскихъ и сельскихъ приходовъ, по наученіи дѣтей грамотѣ, оставляли

(1) «Ист. Московской Дух. Академіи», Смирнова, стр. 230—237.
(2) «Ист. Кіевской Дух. Академія», Макарія, стр. 106.
(3) «Ист. С. Петербургской Дух. Акад.», Чистовича, стр. 17.

ихъ пономарями при своихъ церквахъ, а дѣти дьяконовъ и дьячковъ переписывались въ крестьянство, чтобы съ молоду помогать отцамъ въ ихъ хозяйствѣ [1]. Мало того, что дѣти духовныхъ лицъ не доставлялись въ школы, но весьма часто и доставленные туда убѣгали, проводя потомъ бродяжническую жизнь, или скрываясь въ дому родителей, такъ что духовное начальство поставлено было въ необходимость налагать на родителей денежный штрафъ за недоставленіе дѣтей ихъ къ ученію и брать кромѣ того подписки, что они не будутъ укрывать ихъ въ случаѣ побѣга изъ училища [2]. Фактъ печальный, изъ котораго можно заключить, какого рода трудности должно было встрѣтить правительство при учрежденіи народныхъ училищъ. Если многіе изъ духовныхъ лицъ такъ мало цѣнили ученіе, то чего можно было ожидать отъ темной массы городскихъ и сельскихъ жителей?

Въ противоположность схоластическому направленію духовныхъ училищъ, съ начала XVIII-го вѣка стало образовываться у насъ другое направленіе въ ученіи — чисто практическое. Переворотъ въ государственномъ устройствѣ и нашемъ общественномъ и домашнемъ быту, произведенный Петромъ Великимъ, породилъ новыя потребности; при новой администраціи вездѣ почувствовался недостатокъ въ людяхъ способныхъ и практически знающихъ дѣло; отправленіе съ этою цѣлью молодыхъ людей за границу далеко не могло удовлетворить всѣхъ насущныхъ нуждъ. Сознавая необходимость науки для упроченія новаго порядка вещей, Государь самъ учился, доказывая своимъ державнымъ примѣромъ необходимость науки. Видя плоды просвѣщенія въ западной Европѣ, онъ, при необыкновенной энергіи своего характера, хотѣлъ не только перенести къ намъ науку, но и пожать вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же плоды ея. Создавши флотъ и войско, онъ обратилъ вниманіе и на образованіе моряковъ, артиллеристовъ и инженеровъ изъ природныхъ русскихъ. Съ этою цѣлью

---

(1) «Ист. С. Петербургской Дух. Акад.», Чистовича, стр. 45.
(2) «Ист. Московской Дух. Акад.», Смирнова, стр. 107.

учреждены имъ въ Москвѣ: въ 1701 году навигацкая школа, послужившая основаніемъ нынѣшнему Морскому Корпусу и въ 1712 году — инженерная и артиллерійская школы, образовавшія впослѣдствіи С. Петербургскій Второй Кадетскій Корпусъ.

Навигацкая школа заключала въ себѣ преимущественно морскія науки; но кромѣ моряковъ, она приготовляла инженеровъ, артиллеристовъ, учителей въ другія школы, геодезистовъ, архитекторовъ, гражданскихъ чиновниковъ, писарей, мастеровыхъ и проч. Незнающіе грамоты, поступали въ первый классъ, называвшійся русскою школою, слѣдующій за тѣмъ классъ ариѳметики составлялъ цифирную школу. Дѣти разночинцевъ большею частью оканчивали здѣсь ученіе и опредѣлялись въ писаря, архитекторскіе помощники и т. п. Дѣти дворянъ обязаны были продолжать ученіе далѣе и учиться геометріи, тригонометріи съ приложеніемъ къ геодезіи и мореплаванію, навигаціи, астрономіи и фехтованію ([1]). Лучшіе изъ окончившихъ курсъ въ навигацкой школѣ посылались для усовершенствованія за границу въ Голландію, Англію, Данію, Францію, Венецію и Испанію, гдѣ они поступали волонтерами на военные корабли и галеры для практическаго изученія мореплаванія, а нѣкоторые изъ нихъ кромѣ того учились еще и въ заграничныхъ морскихъ школахъ. Такое практическое направленіе навигацкая школа сохраняла во все царствованіе Петра Перваго, и по переводѣ ея въ С. Петербургъ и переименованіи въ Морскую Академію.

Любопытна внутренняя жизнь этой первой свѣтской школы. Основаніе ея встрѣчено было общею недовѣрчивостью. Сухаревскую Башню, въ которой помѣщалась первоначально школа, почитали въ народѣ очарованнымъ жилищемъ нечистой силы. Несмотря на строгіе указы, многіе недоросли не являлись въ школу; самыя жестокія мѣры употреблялись противъ ослушниковъ: ихъ посылали даже въ галерныя работы, за нехожденіе въ школу били батогами и наказывали денеж-

---

([1]) «Очеркъ Исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса», стр. 11.

нымъ штрафомъ; бѣжавшихъ изъ школы отыскивали, и подъ карауломъ присылали въ С. Петербургъ, а имѣніе ихъ отбирали въ казну. Та же безпощадная строгость во всей своей силѣ господствовала и въ самой школѣ. Дядька, находившійся въ каждомъ классѣ, при малѣйшемъ безпорядкѣ билъ учениковъ хлыстомъ, несмотря ни на какое званіе, а между тѣмъ въ школѣ, кромѣ разночинцевъ, были и дѣти самыхъ знатныхъ фамилій; за болѣе важные проступки виновныхъ наказывали на школьномъ дворѣ плетьми.

Ученіе совершалось здѣсь на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ, что составляетъ уже важный шагъ къ совершенству. Но нельзя не признаться однако, что учебники были чрезвычайно темны и сбивчивы, и наполнялись многословными и ничего неопредѣляющими опредѣленіями. Таковы напр. опредѣленія ариѳметики и географіи. «Ариѳметика, или числительница, есть художество честное, независимое и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ въ разныя времена являвшихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное.» «Географія есть математическое смѣщенное, изъясняетъ, фигура или корпусъ и ѳикція свойство земноводнаго корпуса, купно съ феноминами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ: солнца, луны и звѣздъ (1).» При ученіи грамотѣ способъ ученія употреблялся старинный; за выучкою азбуки церковнославянской печати слѣдовалъ часословъ, потомъ псалтырь и послѣ того уже приступали къ чтенію гражданской печати. Остальныя науки преподавались каждая отдѣльно; по изученіи одной приступали къ другой (2). Отсутствіе разнообразія при этой системѣ крайне утомляло вниманіе учащихся, а потому естественно, что при такомъ ученіи и по такимъ учебникамъ главную роль играла память; не учились, а заучивали наизустъ, и такимъ образомъ много дорогаго времени тратилось по пустому. Тѣмъ не менѣе плоды этой школы не замед-

(1) «Очеркъ Исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса», стр. 13 и 14.
(2) Тамъ же, стр. 95—97.

лили обнаружиться въ скоромъ времени. Изъ навигаторовъ, отправленныхъ за границу для практическаго изученія мореплаванія, образовались будущіе адмиралы: Зотовъ, Головинъ, князь Голицынъ, Соймоновъ, Бѣлосельскій, Калмыковъ, Лопухинъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Шереметевъ и др.; изъ этой же школы вышли первые наши инженеры, артиллеристы, геодезисты, т. е. гидрографы, топографы и землемѣры; въ числѣ ихъ упомянемъ составителя перваго полнаго атласа Россіи Кирилова, служившаго впослѣдствіи оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ. Наконецъ въ навигацкой же школѣ приготовлялись учителя для первоначальныхъ школъ, возникшихъ при Петрѣ Великомъ въ разныхъ мѣстахъ подъ именемъ цифирныхъ, или адмиралтейскихъ школъ, гдѣ курсъ ученія ограничивался грамотою и цифирью.

По смерти Петра Великаго Морская Академія, переименованная въ 1752 г. въ Шляхетный Морской Кадетскій Корпусъ, продолжала свое существованіе до времени вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II-й въ томъ же духѣ и направленіи относительно способа ученія и взгляда на воспитаніе, приготовляя преимущественно морскихъ офицеровъ, штурмановъ, геодезистовъ и учителей. Замѣчательно, что во все это время учителя здѣсь, за исключеніемъ нѣсколькихъ англичанъ, преимущественно были русскіе, и между ними встрѣчаются знаменитые въ свое время Магницкій и Кургановъ. Кругъ спеціальныхъ наукъ расширился, но преподаваніе ихъ было преимущественно практическое: учили больше на дѣлѣ, а теоретическія свѣдѣнія, сообщавшіяся въ корпусѣ, вообще были скудны; наукъ, необходимыхъ для общаго образованія, не преподавалось, даже иностраннымъ языкамъ здѣсь учились не всѣ ([1]). Поэтому изъ Корпуса выходили практическіе люди, но съ весьма ограниченнымъ образованіемъ. Только уже при Императрицѣ Екатеринѣ II-й въ кругъ предметовъ преподаванія введены словесныя науки, къ которымъ отнесены философія, мораль, исторія и географія, риторика, *генеалогія?*,

([1]) «Обозрѣніе Исторіи Морскаго Корпуса», Веселаго, стр. 111.

права и языки французскій, датскій, шведскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій. Этимъ преобразованіемъ Морской Корпусъ обязанъ былъ ходатайству директора Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, считавшагося въ числѣ образованнѣйшихъ людей своего времени. «Въ гостиной его», по словамъ Веселаго, «можно было встрѣтить почти всѣ наши русскія и иностранныя знаменитости: учоныхъ, литераторовъ и художниковъ» (1). Тѣмъ не менѣе новый курсъ Морскаго Корпуса, по своей обширности, былъ неудобопримѣнимъ; въ немъ не соблюдено было благоразумной бережливости въ опредѣленіи числа учебныхъ предметовъ. Притомъ сдѣлана была еще другая важная ошибка, именно оставленъ былъ при Корпусѣ существовавшій уже прежде отдѣльный классъ геодезіи, гдѣ приготовлялись разные подмастерья и учителя для Корпуса по предметамъ спеціальнымъ. Ученики геодезическаго класса составляли и прислугу для кадетовъ. Могли ли они, сдѣлавшись учителями, имѣть на нихъ нравственное вліяніе и пользоваться ихъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что имъ недоставало общаго образованія, а знанія ихъ исключительно ограничивались спеціальными предметами? (2).

Замѣчательно, что готовившіеся въ преподаватели ученики учились латинскому языку на томъ основаніи, что «нѣтъ молодого учителя искуснаго, который бы не снискивалъ великаго успѣха въ словесныхъ наукахъ отъ чтенія латинскихъ древнихъ писателей» (3). Подъ вліяніемъ новыхъ гуманныхъ идей обращеніе съ кадетами приняло также другой характеръ; тѣлесныя наказанія употреблялись только за большія вины и замѣнялись въ обыкновенныхъ проступкахъ другими: лишеніемъ обѣда, арестомъ, карцеромъ, одеждою въ штрафное платье (сѣрую куртку) и т. п. (4). Таковы по крайней мѣрѣ были требованія инструкціи и это уже важно, что явились

---

(1) «Обозрѣніе Исторіи Морскаго Корпуса», Веселаго, стр. 142 и 149.
(2) Тамъ же, стр. 146.
(3) Тамъ же, стр. 150.
(4) «Обзоръ Исторіи Морскаго Корпуса», стр. 164.

онѣ, хотя на дѣлѣ нерѣдко продолжали руководствоваться прежнею системою воспитанія.

Инженерная и артиллерійская школы, учрежденныя въ 1712 году, какъ мы уже выше замѣтили, въ Москвѣ, во все время существованія своего, и по переводѣ въ С.-Петербургъ, до вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II, подобно Морскому корпусу, страдали всѣми недостатками исключительно практическаго образованія; предметы ученія состояли здѣсь изъ ариѳметики, геометріи, тригонометріи, артиллеріи и фортификаціи, и притомъ послѣднія двѣ науки изучались преимущественно на практикѣ. Такъ въ артиллерійской школѣ до 1735 года теорія артиллеріи восе не преподавалась, да и потомъ сообщались учащимся только первыя начала артиллеріи и фортификаціи. Незнающіе грамоты поступали сначала въ приготовительные классы, носившіе названіе русскихъ школъ. Поэтому и здѣсь не давалось образованія въ собственномъ смыслѣ, а приготовлялись только практики-артиллеристы и инженеры [1]. Даниловъ, обучавшійся здѣсь: сначала въ Московскомъ, а потомъ С.-Петербургскомъ отдѣленіи, говоритъ, что въ 1737 году въ Московскую школу записано было до 700 дворянъ; ученики жили на вольныхъ квартирахъ и въ ученіи не было ни малѣйшаго порядка. Слѣдующій разсказъ его лучше всего характеризуетъ состояніе школы и взглядъ на воспитаніе въ ней господствовавшій: «Я былъ охотникъ рисовать: зная мою къ рисованію охоту, сидящій близь меня ученикъ Жеребцовъ (который нынѣ имѣетъ честь быть въ артиллеріи полковникомъ), сыскавъ не знаю гдѣ-то рисунокъ на полулистѣ, принесъ съ собою въ школу показать мнѣ рисованье; а при учителѣ нашемъ, Прохорѣ Алабушевѣ, были тогда приватные не записанные ученики: князь Волконской и князь Сибирской. Они по большой части, бродя въ школѣ по всѣмъ покоямъ безъ дѣла, разныя дѣлали шутки и шалости. Изъ оныхъ шалуновъ одинъ, увидя рисунокъ у Жеребцова, вырвалъ его изъ рукъ и побѣжалъ съ великою ско-

---

[1] «Сборн. свѣд. о военно-учебн. завед.», Т. I, стр. 19 и 34.

ростію, какъ съ побѣдою, являть учителю Алабушеву: «Жеребцовъ, ученикъ не учится, а вотъ какіе рисунки въ рукахъ держитъ». Алабушевъ былъ человѣкъ пьяный и вздорный» *по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу:* вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева, а потому можно знать, сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи. Алабушевъ велѣлъ привесть Жеребцова передъ себя и, не принявъ отъ него никакого оправданія въ невинности, поваля его на полъ, велѣлъ рисунокъ положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, покуда рисунокъ розгами разстегали весь на спинѣ; помню, что не одинъ рисунокъ пострадалъ, а досталось и подкладкѣ. Оное странное награжденіе, за рисованье оказанное, я, видя, положилъ самъ себѣ обѣщаніе твердое, чтобъ никогда не носить никакихъ рисунковъ съ собою въ школу и товарищу своему Жеребцову совѣтовалъ тожъ всегда припоминать, что въ нашей школѣ, вмѣсто похвалы, наказаніе за рисованье учреждено; однако не устрашило меня Жеребцова наказаніе и я продолжалъ учиться рисовать, только не въ школѣ. Ученики были всѣ помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ: когда позволялось покинуть ученье и идти обѣдать, или по домамъ, тогда бывало учинятъ великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно «шебашъ» [1].

Петербургская школа, въ которую перешелъ Даниловъ въ 1740 г., была лучше. Директоръ ея, капитанъ Гинтеръ, по словамъ Данилова, «былъ человѣкъ прилежный, тихій и въ тогдашнее время первый знаніемъ своимъ, который всю артиллерію привелъ въ хорошую препорцію» [2].

Не ранѣе какъ уже съ 1756 года, именно со времени назначенія генералъ-фельдцейхмейстеромъ графа П. И. Шувалова, обращено было вниманіе не только на улучшеніе учебной части обѣихъ школъ, но и на нравственное воспитаніе

[1] «Записки Артиллеріи Маіора Данилова», Москва, 1842 г., стр. 53—54.

[2] Тамъ же, стр. 58.

учащихся. Составленный графомъ проектъ о преобразованіи школъ и соединеніи ихъ въ одну, подъ названіемъ артиллерійскаго и инженернаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, осуществился уже въ 1762 году въ царствованіе Императрицы Екатерины II (¹). Кругъ наукъ значительно расширился: къ прежнимъ предметамъ прибавлены были алгебра, механика, гидравлика, фейерверочное искусство (?), гражданская архитектура, химія, физика, исторія, географія, нѣмецкій и французскій языки и изъ искуствъ рисованіе, военная экзерциція, фехтованіе и танцованіе (²), а въ 1784 г. по плану директора корпуса П. И. Мелиссино присоединены еще къ наукамъ тактика и естественная исторія и къ искусствамъ верховая ѣзда (³). Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ Морскомъ корпусѣ, кромѣ спеціальныхъ наукъ, введены были науки необходимыя для общечеловѣческаго образованія. Разница только въ томъ, что, по счастливой мысли Мелиссино, имѣвшаго въ виду планъ ученія въ главныхъ народныхъ училищахъ, предметы общіе проходились здѣсь преимущественно кадетамъ перваго и втораго возраста, а спеціальные излагались уже старшимъ воспитанникамъ третьяго возраста. Распредѣленіе предметовъ преподаванія въ классахъ первыхъ двухъ возрастовъ сдѣлано было согласно съ распредѣленіемъ ученія въ главныхъ народныхъ училищахъ, составленнымъ Янковичемъ, и въ отношеніи способа преподаванія введена его метода. Выгода такого устройства заключалась въ томъ, что, вопервыхъ, кадеты на прочномъ фундаментѣ общечеловѣческаго образованія утверждали уже изученіе спеціальныхъ наукъ и, вовторыхъ, въ томъ, что оказывавшіеся неспособными къ наукамъ заблаговременно могли быть удаляемы изъ корпуса. Янковичъ, разсматривавшій планъ Мелиссино, по порученію Коммиссіи Училищъ, въ которую онъ былъ препровожденъ по Высочайшему повелѣнію, одобряя вообще планъ этотъ, оставилъ любопытныя замѣтки о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя могли бы быть

(¹) «Сборн. свѣд. о военно-учебн. завед.», Т. I, стр. 34 и 51.
(²) Тамъ же, стр. 52.
(³) Тамъ же, стр. 95.

еще сдѣланы въ немъ. По его мнѣнію, классы первыхъ двухъ возрастовъ слѣдовало бы вовсе закрыть при корпусѣ, а оставить только классы старшаго возраста, въ которыя принимать учениковъ, имѣющихъ уже общее образованіе, что при существованіи главныхъ народныхъ училищъ было бы возможно. «Симъ образомъ будетъ корпусъ всегда имѣть способныхъ кадетовъ и притомъ гораздо бо́льшее число, если вмѣсто малолѣтнихъ кадетъ первыхъ двухъ возрастовъ принимаемо будетъ бо́льшее число въ третій, изъ котораго потому и скорѣй въ дѣйствительную службу поспѣшать будутъ. Ибо о малыхъ дѣтяхъ такихъ, которыя лишь азбукѣ учиться начинаютъ, нельзя ничего заключить, будутъ ли они когда къ наукамъ математическимъ способны, или нѣтъ, тоже угадать, будутъ ли еще и къ службѣ военной годны.» Мысль эта, обличающая въ Янковичѣ практическій и свѣтлый взглядъ на вещи, не была приведена въ исполненіе, хотя справедливость ея признавали и Коммиссія Училищъ, и Мелиссино; осуществленіе ея было отложено до повсемѣстнаго распространенія главныхъ народныхъ училищъ, а впослѣдствіи, съ измѣненіемъ взгляда на этотъ предметъ, и вовсе оставлено. Другое замѣчаніе Янковича относится къ пріему дѣтей въ корпусъ по возрасту, именно отъ 10 до 11 лѣтъ. «Чрезъ опредѣленіе возраста къ пріему заграждается входъ въ артиллерійскій и инженерный корпусъ тѣмъ, которые, можетъ быть, въ другихъ училищахъ оказали хорошіе успѣхи и одарены особливою склонностію и остротою къ наукѣ артиллерійской и инженерной, но опредѣленный возрастъ къ пріему перешли. Поэтому пріемъ въ корпусъ слѣдуетъ чинить не по лѣтамъ, а по склонностямъ и дарованіямъ.» Мнѣніе это было принято, также какъ, по мысли Ятковича, допущены были къ слушанію ученія въ корпусѣ, и особенно въ третьемъ возрастѣ, кромѣ казенныхъ кадетъ, всѣ желающіе изъ благороднаго званія — приходящіе ученики. По сближенію съ настоящимъ всѣ эти мысли Янковича заслуживаютъ особеннаго вниманія ([1]). Улуч-

---

([1]) Журн. Ком. Учил., 12-го августа 1783 г., Арх. Деп. Народн. Просвѣщенія. Замѣтимъ кстати, что почти подобными же основа-

шеніе внѣшняго порядка въ корпусѣ сдѣлано было еще предшественникомъ Мелиссино, генералъ-маіоромъ Мордвиновымъ. Воспитаніе заключалось въ внушеніи правилъ нравственности, *амбиціи* и *субординаціи;* за обыкновенные проступки назначалось наказаніе фухтелемъ , а за болѣе значительные — розгами, что исполнялось въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ (1); изъ поощрительныхъ мѣръ важнѣйшею была раздача отличнѣйшимъ серебрянныхъ , вызолоченныхъ медалей, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ вензеля Императрицы (2) и съ надписью на оборотѣ : за *прилежность* и *благонравіе.* Замѣчательно противорѣчіе въ этой системѣ воспитанія , требующей съ одной стороны внушенія кадетамъ амбиціи и съ другой — допускающей публичныя тѣлесныя наказанія ; ясно, что здѣсь представляется смѣшеніе старыхъ идей о воспитаніи съ новыми , которыя только что начинали проникать въ жизнь и большинствомъ сознавались еще неясно и смутно.

Другой характеръ имѣетъ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, возникшій по мысли Миниха въ 1732 г. въ

ніями руководился и сенаторъ Соймоновъ при учрежденіи въ С. Петербургѣ въ 1773 г. Горнаго Училища, нынѣшняго Горнаго Кадетскаго Корпуса. Въ училищѣ этомъ , по мысли учредителя , были только спеціальные классы, гдѣ учили математикѣ (ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи) , Маркшейдерскому искусству, минералогіи и металлургіи, химіи, механикѣ, гидравликѣ, физикѣ и рисованію. Принимали молодыхъ людей не ранѣе 16-ти лѣтъ изъ Московскаго университета , знающихъ языки латинскій , нѣмецкій и французскій, также ариѳметику, геометрію и начальныя основанія химіи. Кромѣ казенныхъ воспитанниковъ, въ училище допущены были и своекоштные пансіонеры, которые однако обязаны были жить вмѣстѣ съ пансіонерами казенными (Полн. Собр. Зак., Т. XIX, 1773 г., № 14,048). Впрочемъ, Горный Корпусъ былъ не первымъ спеціальнымъ училищемъ по этой части ; въ 1722 г. генераломъ Гининымъ заведена была въ Екатеринбургѣ горная школа , гдѣ обучались только дѣти мастеровыхъ ; какъ видно изъ указа объ учрежденія Горнаго Корпуса, она не могла способствовать развитію у насъ знаній по горной части и была преимущественно школою грамотности.

(1) «Сборн. свѣд. о военно-учебн завед.», стр. 80.

(2) Тамъ же, стр. 99.

царствованіе Императрицы Анны Іоанновны. Назначеніемъ его было образованіе молодыхъ дворянъ не только для военной, но и для гражданской службы. Предметы преподаванія распредѣлены были по четыремъ классамъ: въ четвертомъ нисшемъ: русскій, латинскій языки и ариѳметика; въ третьемъ: геометрія, грамматика и географія; во второмъ: фортификація, артиллерія, исторія, *правильный въ письмѣ складъ и стиль,* риторика, юриспруденція, мораль, геральдика *и прочія воинскія* и *политическія науки.* Первый классъ назначался уже для спеціальнаго изученія предметовъ, смотря по наклонностямъ кадета и роду службы имъ избираемой. Слѣдовательно въ этомъ классѣ мы видимъ уже раздѣленіе предметовъ на факультеты. Кромѣ того, во всѣхъ классахъ преподавались нѣмецкій и французскій языки, и кадеты учились рисованію, танцованію, фехтованію, верховой ѣздѣ и солдатскимъ экзерциціямъ, упражняясь въ томъ или другомъ изъ этихъ искусствъ, смотря по склонности (¹).

При поверхностномъ взглядѣ на этотъ планъ ученія уже оказывается его неудобопримѣнимость къ дѣлу: курсъ второго класса — слишкомъ обширенъ; кромѣ поименованныхъ наукъ, здѣсь заключаются еще науки, которыхъ названіе неопредѣлено и подъ которыми кажется слѣдуетъ понимать между прочимъ логику и физику, судя по распредѣленію предметовъ, назначенныхъ указами 6-го мая 1736 г. и 9-го февраля 1737 г. для экзамена недорослей изъ дворянъ при Сухопутномъ Корпусѣ (²). Естественнымъ слѣдствіемъ такого излишества предметовъ было поверхностное и механическое ихъ изученіе, или изученіе ихъ только на бумагѣ, а не на дѣлѣ. Обучать латинскому языку положено только въ нисшемъ классѣ; какія познанія могъ пріобрѣсти въ немъ кадетъ втеченіе одного года? Не было ли это напрасною тратою времени? Съ другой стороны въ планѣ положено обученіе русскому языку и правильному въ письмѣ складу и стилю, что весьма замѣчательно въ то

(¹) «Сборн. свѣд. о военно-учебн. завед., Т. I, стр. 10.
(²) Тамъ же, стр. 21 и 22.

время, когда преподаванiе родного языка считали излишнимъ. Здѣсь надобно понимать не простое ученiе грамотѣ, потому что въ Корпусъ принимались уже умѣющiе читать и писать, а грамматическое изученiе языка и чтенiе писателей. Такое полезное нововведенiе не осталось безъ плода; уже въ 1750 г. кадеты составили между собою общество любителей Россiйской словесности, гдѣ читались ихъ сочиненiя и переводы. Одинъ изъ членовъ общества кадетъ, Сумароковъ, прочелъ здѣсь первую свою трагедiю «Хоревъ», которая въ 1749 году разыграна была кадетами, а потомъ въ слѣдующемъ году представлена и во дворцѣ, что послужило, какъ извѣстно, основанiемъ Русскаго театра. Наконецъ въ выборѣ предметовъ преподаванiя не видно никакого обдуманнаго плана, что такъ ясно выражается въ неопредѣленности даже при названiи наукъ; не говоримъ уже о томъ, что въ общемъ направленiи ученiя не было никакого единства, и что для исполненiя плана ученiя не доставало способныхъ учителей. Зато съ другой стороны Сухопутный Корпусъ сообщалъ своимъ воспитанникамъ внѣшнiй лоскъ; кадеты здѣсь научались французскому языку, танцованiю, и прiобрѣтали хорошiя манеры, что ставило ихъ высоко во мнѣнiи тогдашняго общества, считавшаго такое образованiе не только достаточнымъ, но и совершеннымъ. Притомъ кадеты здѣсь пользовались лучшимъ содержанiемъ, бо́льшею свободою и удобствами, что дѣлало для нихъ менѣе чувствительною разлуку съ домашнимъ очагомъ; имъ позволялось даже имѣть при себѣ свою прислугу. Вотъ почему дворяне наши отдавали сюда дѣтей своихъ охотно, избѣгая въ то же время школы Инженерной и Артиллерiйской и Морскаго Корпуса, въ особенности послѣдняго (¹).

Имѣя эти преимущества предъ прочими военно-учебными заведенiями, Сухопутный корпусъ касательно системы воспитанiя слѣдовалъ однимъ съ ними началамъ до самаго преобразованiя своего Бецкимъ. Исправительныя мѣры какъ тамъ,

---

(¹) Полн. Собр. Зак., Т. XIV, № 10730 и «Очеркъ Исторiи Морскаго Корпуса», стр. 88 и 92.

такъ и здѣсь заключались преимущественно въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. По словамъ Бецкаго «кадеты много терпѣли отъ фухтелей, и нѣкоторые, по выпускѣ изъ корпуса, оставались оттого навсегда хворыми».

Вступивъ въ управленіе Сухопутнымъ Корпусомъ въ 1763 г., И. И. Бецкій далъ ему совершенно новое направленіе, обративъ преимущественно вниманіе на физическое и нравственное воспитаніе юношества. Взглядъ Бецкаго на воспитаніе, образовавшійся подъ вліяніемъ западныхъ педагоговъ Монтеня и Локка, а въ особенности послѣдняго, поражаетъ насъ возвышенностью своего направленія и гуманностью идей, ставившими его на неизмѣримую высоту надъ его современниками. Этимъ объясняется и то неограниченное довѣріе и глубокое сочувствіе, которыя питала къ Бецкому Императрица Екатерина II-я, считавшая, подобно ему, воспитаніе корнемъ всякаго добра и зла. По этимъ причинамъ мы находимъ необходимымъ въ краткихъ словахъ изложить педагогическую систему Бецкаго, имѣвшую у насъ такое широкое примѣненіе къ жизни.

Печальныя картины общественнаго и семейнаго нашего быта живо поражали Бецкаго; онъ видѣлъ, какъ и тѣ немногіе люди, которые получали образованіе, утрачивали плоды его среди невѣжественной и грубой массы. Вина такого явленія заключалась, по мнѣнію Бецкаго, въ томъ, что дѣти, при неблагопріятной домашней обстановкѣ, вступали въ училища уже съ испорченными наклонностями, а потому школа не могла ихъ исправить. Для устраненія этого зла на будущее время, онъ находилъ единственное средство въ томъ, чтобы отдѣлить воспитываемыхъ дѣтей совершенно отъ семейства и общества и помѣстить ихъ въ закрытыя воспитательныя училища, гдѣ они должны оставаться безвыходно отъ 5 и 6 лѣтняго возраста до 18 и 20-ти лѣтняго. Этимъ способомъ онъ надѣялся «создать новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые могли бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить, какія получили они сами и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣ-

тямъ и такъ слѣдуя изъ родовъ въ родъ въ будущіе вѣки» (¹).

Система по теоріи обѣщавшая много, но на дѣлѣ принесшая болѣе вреда, чѣмъ пользы. Дѣти, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ оторванныя отъ семействъ, не могутъ развить въ себѣ святыхъ чувствъ семейной любви къ родителямъ и своимъ кровнымъ роднымъ, дѣлаются холодными, сухими по сердцу. Не соприкасаясь нисколько съ обществомъ, они остаются въ невѣдѣніи всѣхъ общественныхъ условій, а потому пріобрѣтаютъ ложный и нерѣдко гибельный для себя взглядъ на свои отношенія къ обществу. Умные и любящіе воспитатели, которыми думалъ замѣнить Бецкій семейство, даже при лучшихъ качествахъ ума и сердца и при полной любви къ дѣтямъ — все же не то, что родители; любовь ихъ, не истекая изъ кровныхъ отношеній, холодна и неспособна согрѣвать нѣжныя сердца дѣтей; въ ней нѣтъ самоотверженія материнской и силы отцовской любви. Притомъ же много ли такихъ способныхъ воспитателей? Не наполняются ли ряды ихъ бо̀льшею частью наемниками, непризванными къ святому дѣлу воспитанія? Слѣдовательно, въ самомъ основаніи своемъ, система Бецкаго оказалась несостоятельною. Но зато, разсматривая воспитательныя средства, которыя способны были, по мнѣнію Бецкаго, создать изъ воспитываемыхъ по его системѣ дѣтей новую отличную породу, мы находимъ, что каждое наставленіе здѣсь проникнуто чистою, высокою любовью къ человѣчеству и глубокимъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству; многое въ примѣненіи къ нашему быту угадано вѣрно и именно обращено вниманіе на устраненіе такихъ недостатковъ, которые дѣйствительно подтачивали въ корнѣ жизнь современнаго ему русскаго общества. Наконецъ важно и то, что идеи о воспитаніи здѣсь впервые являются у насъ въ такой полной и стройной системѣ, обнимающей собою воспитаніе физическое, нравственное и собственно ученіе.

(¹) Собр. учрежд. и предпис. касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества, Т. I, 1789 г., Генеральн. учрежд. о воспит., стр. 5.

Касательно физическаго воспитанія Бецкій близко сходится съ Локкомъ; на пищу и воздухъ, какъ главныя условія здоровья, обращено имъ особенное вниманіе; затѣмъ слѣдуетъ чистота и опрятность, за соблюденіемъ которой онъ поручаетъ слѣдить неуклонно. По его системѣ дѣтей слѣдуетъ пріучать ко всему, «дабы они все сносить могли, когда нужда ни потребуетъ, а особливо въ пищѣ, въ содержаніи тѣла, и иному бы правилу не слѣдовали какъ только тому, чтобы не имѣть никакого правила».

«Воздержность и работа, по его мнѣнію, суть лучшія лекарства для человѣка»; на этомъ основаніи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Бецкаго, уничтожена была всякая роскошь и оставлено только самое необходимое; дѣти пріучались къ труду и должны были, особенно въ старшихъ возрастахъ, обходиться по возможности безъ прислуги и сами одѣваться, а въ женскихъ заведеніяхъ и сами вязать себѣ чулки и шить платья. Пріучая дѣтей обходиться безъ прислуги, Бецкій имѣлъ въ виду достигнуть чрезъ то еще другой цѣли — предохранить ихъ отъ дурнаго вліянія, которое могло бы на нихъ имѣть частое обращеніе съ слугами, и въ этомъ отношеніи онъ справедливо раздѣлялъ съ Локкомъ предубѣжденіе противъ нихъ. Труды соединялись съ играми, чтобы такимъ образомъ *сохранять въ дѣтяхъ силу, бодрость и веселость духа, столь нужную и для здоровья и для доброты сердца;* въ играхъ предоставлялась дѣтямъ полная свобода: *ибо по приказанію веселиться невозможно.* Наставленія эти, заключающія въ себѣ столько здравыхъ мыслей, были отпечатаны особо подъ названіемъ «Физическихъ примѣчаній о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества» и въ 1766 г., по Высочайшему повелѣнію, разосланы по всѣмъ городамъ Имперіи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, для общенароднаго руководства; но, какъ кажется, онѣ не встрѣтили къ себѣ большаго сочувствія: привычка жить по старинѣ и закоренѣлые предразсудки не допустили имъ распространиться въ массѣ народа.

Нравственное воспитаніе Бецкій основываетъ на живыхъ

примѣрахъ, которые должны подавать дѣтямъ воспитатели; онъ мало цѣнитъ, и весьма справедливо, «школьную мораль, по которой люди, не исправляясь, выученное наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ». Изъ идеала главнаго надзирателя Воспитательнаго Дома, начерченнаго Бецкимъ, можно видѣть, въ какомъ отношеніи воспитатель долженъ былъ служить примѣромъ для воспитанниковъ. «Главный надзиратель» потребенъ человѣкъ разумъ имѣющій, здравыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, мысли *вольныя, правъ къ раболѣпству непреклонный* и не такое *великодушіе*, которое въ *гордость* и *высокоуміе* превращается, *говорить долженъ, какъ думаетъ, а дѣлать какъ говоритъ;* отъ неправды и притворства при всякомъ случаѣ *убѣгать*, какъ отъ самыхъ *мерзкихъ* дѣлъ». «Всѣ наставленія будутъ безполезны, когда приставники сами неокажутъ примѣровъ исполненія *честностію своею, скромностію, трезвостію и кротостію.* Въ ихъ особѣ и ихъ поступкахъ представляются питомцамъ *всѣ* правоучительныя книги» (¹).

На основаніи этого опредѣленія характера наставниковъ, они въ обращеніи съ дѣтьми должны были отличаться кротостью и терпѣніемъ. Поэтому непремѣннымъ закономъ принимаетъ Бецкій «никогда и ни за что не бить дѣтей, ибо не удары въ ужасъ приводятъ, но страхъ умножается въ нихъ отъ рѣдкости наказаній, что есть самое дѣйствительное средство къ ихъ поправленію; да и по физикѣ доказано, что бить дѣтей, грозить имъ и бранить, хотя и причины къ тому бываютъ, есть существенное зло. Кромѣ того, что сіе дѣлаетъ перемѣну въ ихъ здоровьѣ, слѣдовательно и въ живости естественной, становятся чрезъ то *мстительны, притворны, обманщики, угрюмы и нечувствительны*. Сердца ихъ ожесточаются, въ нравахъ лишаются *кротости*, которая есть мать человѣчеству». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Страшными наказаніями произвесть добродѣтели невозможно. Она-*дщерь* кротости, любви и почитанія къ родителямъ, наставникамъ и къ

(¹) «Генер. планъ Москов. Воспит. Дома», часть 3, гл. IX.

знаемымъ» ([1]). Такимъ образомъ признавая, подобно Локку, вредъ унизительныхъ тѣлесныхъ наказанiй, Бецкiй зашелъ далѣе англiйскаго философа, который допускалъ эти наказанiя только за крайнее упрямство и ложь, разсчитывая при этомъ не столько на страхъ боли, сколько на возбужденiе чувства стыда. Не трудно предвидѣть, что при столкновенiи съ прежнею системою наказанiй, освященною вѣками, новая система Бецкаго не могла устоять на-долго, что дѣйствительно и случилось. Какъ бы то ни было, но въ тотъ вѣкъ она представляла замѣчательное явленiе, понятное только потому, что на престолѣ Русскомъ была Екатерина, благоволившая отмѣнить всѣ наказанiя, уродующiя человѣческое тѣло. «Самое надежнѣйшее обузданiе отъ преступленiй есть не строгость наказанiя», говорится въ безсмертномъ Ея наказѣ, «но когда *люди подлинно знаютъ,* что преступающiй законъ непремѣнно будетъ наказанъ» ([2]).

Взглядъ Бецкаго собственно на ученiе впадаетъ въ крайность; основнымъ правиломъ онъ принимаетъ *учить дѣтей играючи* и не обременять ихъ такими знанiями, которыя не согласуются съ ихъ природными наклонностями. Первое изъ этихъ положенiй можетъ быть примѣнено только къ нѣжному дѣтскому возрасту и отнюдь не должно распространяться на болѣе взрослыхъ дѣтей, для ума и характера которыхъ такая система столько же вредна, по выраженiю Мутчеля, сколько лакомства вредны для желудка. Дѣйствуя такъ, педагогъ никогда не прiучитъ дѣтей къ труду, не разовьетъ ихъ способностей, а потому и никогда не достигнетъ вѣрнаго опредѣленiя, къ какимъ именно наукамъ дѣти чувствуютъ особенную склонность; чрезъ что и второе положенiе Бецкаго уничтожается само собою. Весь этотъ взглядъ, заимствованный у Локка, объясняется тѣмъ ложнымъ предположенiемъ, что науки не имѣютъ образовательнаго характера, а нужны только для практическихъ цѣлей въ жизни. Въ наше время стран-

([1]) Полн. Собр. Зак., Т. XVII, стр 982.

([2]) «Соч. Императрицы Екатерины», Т. I, стр. 55, изд. Смирдина.

но было бы доказывать серьозно его несостоятельность: теперь всѣ педагоги понимають, что нравственнаго образованія въ высшемъ смыслѣ этого слова не можетъ быть безъ научнаго; только послѣднее сообщаетъ человѣку истинное пониманіе жизни и природы, безъ котораго всѣ нравственныя правила шатки и человѣкъ бродитъ во тьмѣ. Эта крайность взгляда Бецкаго составляетъ противоположность другой крайности: она вызвана обыкновеннымъ въ то время зрѣлищемъ безнравственности такъ называемыхъ образованныхъ людей. Но объясненіе такого печальнаго факта слѣдовало отъискивать не въ системѣ ученія, а въ односторонности тогдашняго воспитанія, которое, для полнаго успѣха, должно заключаться въ стройномъ и гармоническомъ развитіи всѣхъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣка: небреженіе въ какомъ нибудь изъ этихъ отношеній необходимо влечетъ за собою уродство. Естественно, что при такомъ понятіи Бецкаго объ ученіи, учебная часть въ созданныхъ имъ воспитательныхъ училищахъ не могла развиться, какъ слѣдуетъ; учебные курсы его распредѣлены вездѣ по тремъ, четыремъ и пяти возрастамъ: въ воспитательномъ училищѣ при Академіи Художествъ (учрежд. въ 1764 г.) по тремъ, въ обществѣ воспитанія дѣвицъ благородныхъ (учрежд. въ 1764 г.) по четыремъ; въ Коммерческомъ училищѣ, при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ (учрежд. въ 1772 г.) и въ сухопутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ (преобр. въ 1765 г.) по пяти возрастамъ; въ первомъ возрастѣ дѣти отъ 6 до 9 лѣтъ и въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ должны были находиться подъ руководствомъ надзирательницъ и учительницъ. Въ воспитательныхъ домахъ Московскомъ (учрежд. 1764 г.) и С.-Петербургскомъ (учрежд. 1770 г.), гдѣ воспитаніе дѣтей начиналось съ самой колыбели, для ученія назначены были три возраста [1]. Въ распредѣленіи предметовъ преподаванія по возрастамъ соблюдена постепенность, но въ назначеніи числа

---

[1] Полн. Собр. Законовъ, Т. XVI, №№ 12,275, 12,103, 12,154, 12,741.

ихъ нѣтъ строгой обдуманности; въ однихъ заведеніяхъ, какъ въ Воспитательныхъ домахъ, предметовъ учебныхъ слишкомъ мало, въ другихъ, какъ въ сухопутномъ корпусѣ, слишкомъ много. На способъ преподаванія, правда, обращено вниманіе; но все дѣло здѣсь ограничилось нѣсколькими общими указаніями, что дѣтей слѣдуетъ пріохочивать къ ученію и учить наглядно, «больше отъ смотрѣнія и слышанія, нежели отъ твержепія уроковъ». Плохіе результаты ложнаго взгляда Бецкаго на ученіе обнаружились при пересмотрѣ плана ученія, произведенномъ въ 1784 г. въ сухопутномъ корпусѣ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, по порученію Коммиссіи Училищъ, Янковичемъ. На дѣлѣ оказалось, что здѣсь ни въ одномъ возрастѣ не проходился вполнѣ учебный курсъ, назначенный по уставу.

Въ первомъ возрастѣ, *по причинѣ слабости понятія дѣтей*, выпущены были Законъ Божій и нѣмецкій языкъ; во второмъ возрастѣ: географія, исторія, миѳологія, геометрія, начала славянскаго языка, по той же причинѣ и *по употребленію большаго времени на изученіе языковъ;* въ третьемъ возрастѣ: хронологія, исторія — по *незнанію географіи*, геометрія — по *недостаточному знанію ариѳметики*, латинскій языкъ — по *неимѣнію охотниковъ,* основанія военной и гражданской архитектуры — по *незнанію ариѳметики* и *геометріи,* бухгалтерство — по *незнанію ариѳметики.* Затѣмъ къ положеннымъ въ этомъ возрастѣ по уставу началамъ наукъ: физики, астрономіи, географіи вообще, наутики, натуральной исторіи, воинскаго искусства, фортификаціи, артиллеріи и химіи, совсѣмъ не приступали. Въ четвертомъ возрастѣ не преподавалась ни одна наука, назначенная для него по уставу; даже нѣкоторыя науки низшихъ возрастовъ здѣсь еще не проходились, какъ напр. гражданская архитектура, назначенная въ третьемъ возрастѣ и отложенная по незнанію геометріи — предмета втораго возраста, по той же причинѣ отложена и въ четвертомъ возрастѣ. Естественно, что при такомъ порядкѣ въ пятомъ послѣднемъ возрастѣ должно было соединяться множество наукъ, которыя или проходились кое-какъ, или и вовсе не проходились;

а почему такъ дѣлалось, *это и самимъ приставникомъ кадетскаго корпуса не было извѣстно*. Фактъ поучительный, показывающій съ одной стороны, къ чему ведетъ система учить взрослыхъ дѣтей играючи, и съ другой, какими послѣдствіями сопровождается стремленіе блистать обширными программами учебнаго курса. Другое обстоятельство, поражающее въ курсѣ сухопутнаго корпуса, это преобладаніе, данное французскому языку: изъ 43 учителей — 14 было для одного французскаго языка; въ первомъ возрастѣ, изъ 28 учебныхъ часовъ въ недѣлю, 16 часовъ, т. е. болѣе половины, употреблялось на французскій языкъ. Таково было общее настроеніе вѣка, которому подчинялся и Бецкій, одинъ изъ лучшихъ его представителей. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что и недостатокъ въ хорошихъ наставникахъ и учителяхъ много способствовалъ тому, что сѣмена, посѣянныя Бецкимъ, не принесли надлежащаго плода. Онъ самъ предвидѣлъ это, сказавши въ уставѣ сухопутнаго кадетскаго корпуса: «Подобныя сему училища обыкновенно оттого только приходятъ въ упадокъ, что недостаетъ искусныхъ *управителей* и *учителей*. Все ученіе тогда не токмо никакой не производитъ пользы, но паче ко вреду бываетъ (¹). Мнѣніе это справедливо, но не вполнѣ: неудачное примѣненіе системы Бецкаго, кромѣ недостатка въ хорошихъ исполнителяхъ, происходило, какъ мы выше замѣтили, и отъ другихъ причинъ. Но не такъ думалъ Бецкій. Дорожа своимъ созданіемъ, онъ старался и надѣялся упрочить его образованіемъ способныхъ учителей; съ этою цѣлью при сухопутномъ корпусѣ, по докладу его, въ 1772 г. предписано было воспитывать вмѣстѣ съ кадетами опредѣленное число мѣщанскихъ дѣтей, для приготовленія ихъ въ учителя при корпусѣ. И въ этомъ учрежденіи, какъ вездѣ у Бецкаго, преобладали нравственныя побужденія; онъ надѣялся такимъ способомъ пріучить кадетъ изъ дворянъ въ товарищахъ своихъ, нисшихъ по состоянію, уважать не породу, а прямыя достоинства, возбудить между ними взаимное сорев-

(¹) Полн. Собр. Законовъ, Т. XVII, стр. 975.

нованіе къ наукамъ и наконецъ пріобрѣсти въ этихъ молодыхъ людяхъ, воспитанныхъ въ корпусѣ, людей вполнѣ преданныхъ мѣсту своего воспитанія. Но могъ ли корпусъ, при недостаткѣ основательнаго ученія, необходимаго учителю, приготовить ихъ для этого званія, объ этомъ и не подумали, и такимъ образомъ главная задача оставлена была въ тѣни, а потому и рѣшеніе ея на дѣлѣ оказалось неудовлетворительнымъ ([1]).

Для исправленія по возможности вышеозначенныхъ недостатковъ ученія въ Сухопутномъ Корпусѣ, по указанію Янковича, Коммиссія училищъ сократила курсъ гражданскихъ наукъ, которыя для лицъ, приготовляющихся къ военному званію, не нужны въ обширности ([2]); исключила лишнія науки, какъ напр. наутику; уменьшила число учителей по языкамъ; преподаваніе въ первомъ возрастѣ возложила вмѣсто учительницъ на учителей; ввела въ нисшіе классы методу преподаванія, существующую въ народныхъ училищахъ, и сдѣлала лучшее распредѣленіе предметовъ, назначивъ для каждаго опредѣленное число часовъ въ недѣлю ([3]).

Подобнаго же рода исправленіе учебнаго курса сдѣлано было Янковичемъ еще раньше въ 1783 г. въ обществѣ воспитанія благородныхъ и училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ. Говоря о преимуществѣ новаго учебнаго способа, введеннаго здѣсь вмѣсто прежней механической методы ученія, Янковичъ совѣтуетъ при этомъ употреблять общія субботнія повторенія въ присутствіи всѣхъ учителей. «Повтореніе сіе учителя производятъ въ разговорахъ, распрашивая учащихся каждый по своей наукѣ. Напр. учитель *катехизиса* спрашиваетъ, какое существо называемъ мы Богомъ? Кто создалъ міръ сей и проч. Учитель *географіи*, услышавъ о мірѣ, спрашиваетъ, какъ раздѣляется

([1]) Полн. Собр. Законовъ, Т. XIX, № 13,895.

([2]) По идеѣ Бецкаго съ 5-го возраста кадеты раздѣлялись на два отдѣленія или факультета: военное и гражданское, такъ какъ было и прежде, см. выше стр. 30.

([3]) Арх. Департ. Народн. Просв., Журналъ Коммиссіи Училищъ 13, 16, 20, 23 и 25-го іюля 1784 г.

міръ сей на глобусѣ? Учитель *геометріи* изслѣдываетъ фигуру онаго, спрашиваетъ, какъ найти его центръ, какъ вычислить поверхность. Учитель *исторіи* спрашиваетъ изъ Священной Исторіи, кто описалъ созданіе міра? Когда жилъ святой историкъ Моисей? Какія написалъ онъ книги? Какія государства и народы въ вѣкъ его были и проч.»

Далѣе, послѣ исчисленія способа вопросовъ, которые могли бы быть предложены всѣми остальными учителями, Янковичъ заключаетъ, что «сей способъ ученія для учащихся весьма полезенъ и пріятенъ, потому что состоитъ въ разговорѣ и связи всѣхъ наукъ, которымъ онѣ обучаются, изъ чего усматриваютъ онѣ наукъ взаимное между собою отношеніе».

Замѣчанія свои объ учебномъ курсѣ въ обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ Янковичъ заключаетъ слѣдующими словами: «Какъ намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ состоитъ наипаче въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ со временемъ добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями, то нужно сочинить для того такую книжку, по которой бы онѣ, читая ее подъ присмотромъ надзирательницъ своихъ, наставляемы быть могли:

а) Въ правилахъ, какъ въ супружескомъ состояніи въ разсужденіи мужа поступать.

б) Какъ вести себя, какъ матери, въ разсужденіи дѣтей.

в) Въ правилахъ домоводства [1].»

Подъ послѣдними разумѣется здѣсь не только домашнее хозяйство, но и знаніе вообще городскаго и сельскаго хозяйства.

Нельзя не видѣть во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ Янковича педагога-практика, избирающаго воспитательныя средства, и вѣрныя и удобопримѣнимыя къ дѣлу.

Замѣчательно, что недостатки ученія въ обществѣ воспитанія благородныхъ и состоявшемъ при немъ училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ, были общи съ указанными нами недостатками Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса. И здѣсь бо́льшая часть предметовъ, какъ-то: исторія, географія, физика и др. препо-

[1] Арх. Департ. Народн. Просвѣщенія, Журн. Комм. Училищъ 25-го апрѣля 1783 г.

давались на иностранныхъ языкахъ, худо понимаемыхъ учащимися; учительницы, обучавшія иностраннымъ языкамъ, сами не знали ихъ основательно и въ распредѣленіи предметовъ ученія по возрастамъ не было никакого порядка; переводили въ высшіе классы чаще по лѣтамъ, а не по успѣхамъ въ наукахъ, такъ-что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1783 г. пришлось, по представленію Янковича, многихъ воспитанницъ обратно перевести въ нисшіе возрасты: изъ 4-го въ 3-й, изъ 3-го во 2-й, изъ 2-го въ 1-й. Коммиссія училищъ, которой поручено было, по Высочайшему повелѣнію 28-го марта 1783 г., преобразованіе учебной части и завѣдываніе ею въ обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ, возложила это важное дѣло преимущественно на Янковича. Втеченіе одного года, благодаря его неутомимой дѣятельности, учебная часть приняла здѣсь иной видъ: введено преподаваніе всѣхъ наукъ на родномъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ, составленнымъ для народныхъ училищъ, неспособные учители замѣнены лучшими, учительницы вовсе устранены отъ преподаванія, при обученіи наукамъ и иностраннымъ языкамъ усвоены новыя методы, содѣйствующія развитію учащихся, и для общаго непосредственнаго надзора за ходомъ ученія опредѣленъ особый надзиратель изъ учителей общества. Душою всѣхъ этихъ улучшеній былъ Янковичъ: все совершалось по его наставленіямъ и подъ личнымъ его руководствомъ. Императрица Екатерина II-я, во время присутствія на публичныхъ экзаменахъ, происходившихъ 22-го и 23-го марта 1784 г., удостовѣрясь въ замѣчательныхъ успѣхахъ, втеченіе одного года оказанныхъ воспитанницами, въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ трудамъ Янковича по Обществу, соизволила пожаловать его орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, а сотрудниковъ его подарками и денежными наградами, о чемъ, для общенароднаго свѣдѣнія, публиковано было по распоряженію Коммиссіи училищъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 29-го марта 1784 г. (1).

(1) Арх. Департ. Народнаго Просвѣщенія, Журналъ Коммиссіи Училищъ 1-го и 25-го апрѣля, 13-го іюня и 9-го сентября 1783 г. и 16-го и 26-го марта 1784 г.

Изъ всего вышеизложеннаго можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, на какой степени, въ эпоху учрежденія народныхъ училищъ, стояло воспитаніе въ обширномъ смыслѣ этого слова, въ нашихъ спеціальныхъ военныхъ училищахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ по мысли Бецкаго, также и въ какомъ отношеніи къ нимъ находился Янковичъ, игравшій немаловажную роль во всѣхъ реформахъ по учебной части, которыми отличается особенно первая половина царствованія Екатерины Великой.

Предоставляя другимъ подробное опредѣленіе огромныхъ заслугъ, оказанныхъ русскому просвѣщенію И. И. Бецкимъ, по праву заслужившимъ въ потомствѣ прекрасное имя друга человѣчества, мы перейдемъ къ обозрѣнію тѣхъ мѣръ, которыя принимались у насъ собственно для общаго народнаго образованія со временъ Петра Великаго до эпохи устройства нормальныхъ народныхъ училищъ.

Въ духовныхъ училищахъ, какъ мы видѣли изъ предъидущаго, кромѣ лицъ духовнаго званія, учились дѣти дворянъ и другихъ сословій; въ Сухопутномъ корпусѣ молодые люди образовывались также не для одной военной, но и для гражданской службы; слѣдовательно эти заведенія, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, служили вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и для народнаго образованія; мы говоримъ отчасти, потому-что по самому устройству своему онѣ не могли быть общедоступны; необходимо было создать особую систему для народнаго образованія высшаго и элементарнаго. Петръ Великій положилъ начало тому и другому. Учрежденная имъ Академія Наукъ должна была служить разсадникомъ образованія на всю Россію. На академиковъ, кромѣ ученыхъ разысканій, возложена была обязанность читать публичныя лекціи и имѣть каждому двухъ молодыхъ людей изъ природныхъ русскихъ, «дабы оные потомъ другихъ Россіянъ обучать могли». На этомъ основаніи при Академіи образованы были учебно-воспитательныя заведенія: низшее — гимназія, и высшее — университетъ. Въ курсъ послѣдняго, какъ видно изъ регламента 24-го іюля 1747 г., входили: элоквенція и стихотворство, логика, метафизика и

нравоучительныя науки, древности и исторія литературная, математика и физика, исторія политическая и юриспруденція. Гимназическій курсъ составляли латинскій языкъ, чтеніе и письмо, нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, ариѳметика, геометрія и рисованіе [1]. Университетъ и гимназія управлялись ректорами, избиравшимися обыкновенно изъ академиковъ. Окончившіе гимназическій курсъ производились въ студенты, которые въ свою очередь приготовлялись къ занятію мѣстъ академиковъ и профессоровъ.

Къ сожалѣнію гимназія и университетъ при Академіи никогда не имѣли полнаго дѣйствія. Причины такого неудовлетворительнаго состоянія этихъ учебныхъ заведеній объяснены Ломоносовымъ, оставившимъ по этому предмету драгоцѣнныя замѣтки, относящіяся къ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ гимназіи былъ постоянный недостатокъ въ способныхъ учителяхъ; въ верхнихъ классахъ ихъ не было, по словамъ Ломоносова, «уже много лѣтъ, а когда и были, то почти недостойные; напротивъ того въ низшихъ классахъ учителей — за излишкомъ и почти всѣ негодные, у которыхъ школьники время теряютъ; нѣкоторые изъ нихъ приняты изъ жалости и, получая не малое жалованье, никого въ гимназіи не обучаютъ, а живутъ при дѣтяхъ у знатныхъ господъ; многіе учителя латинской школы не знаютъ русскаго языка и объясняютъ на нѣмецкомъ, которому ученики должны еще учиться». Классы раздѣлены были на верхній, средній и нижній; раздѣленіе это перешло въ Московскую и устроенную по образцу ея Казанскую гимназію, чего по числу предметовъ было недостаточно. Далѣе въ распредѣленіи преподаванія наукъ не было никакого плана; «ученіе шло произвольно и безъ системы». Поэтому не мудрено, что гимназія почти не доставляла студентовъ университету. «Въ семь лѣтъ ни одного студента изъ гимназіи», говоритъ Ломоносовъ; «аттестованы были семь человѣкъ, но и тѣ, по незнанію латинскаго языка, не могли быть приняты въ студенты». Притомъ же и въ регламентѣ положено было

---

[1] Полн. Собр Законовъ т. XII, № 9425

20 казенныхъ учениковъ въ гимназіи, а въ университетѣ 30 казенныхъ студентовъ, т. е. меньше учениковъ, чѣмъ студентовъ, тогда какъ слѣдовало бы наоборотъ; не всякій ученикъ могъ сдѣлаться студентомъ, какъ не всякой студентъ профессоромъ. «Приходящіе ученики», говоритъ Ломоносовъ, «не замѣна, потому-что должны быть и студенты приходящіе». Изъ позднѣйшей черновой записки Ломоносова, относящейся, какъ надобно полагать, ко второй половинѣ XVIII столѣтія, видно, что даже это комплектное число студентовъ не наполнялось, именно было всего только 17 человѣкъ студентовъ (1). Естественно, что при такомъ порядкѣ вещей университетъ какъ дерево, не связанное корнями своими съ почвою, долженъ былъ самъ по себѣ изсохнуть. Студентовъ набирали со стороны и преимущественно изъ духовныхъ училищъ. Ломоносовъ горько жалуется на неустройство университета и бездѣйствіе его: «Лекціи читаются не постоянно и прекращаются безъ продолженія; съ 1725 по 1732 г. не было при Академіи ни одного русскаго студента, который бы слушалъ лекціи академиковъ; студенты набранные въ 1732, 1736 и 1748 годахъ изъ Спасской, Новгородской и Невской школъ оставались безъ дѣла» (2). Постороннихъ студентовъ почти не было, да и не могло быть, потому-что лекціи читались профессорами почти исключительно на латинскомъ языкѣ, для пониманія котораго нужно было предварительное приготовленіе; да и не всѣмъ открытъ былъ доступъ въ университетъ; сюда не принимались лица податнаго состоянія. «Будто бы сорокъ алтынъ», говоритъ Ломоносовъ, разумѣя подъ ними годовой подушный окладъ, «столь великая и казнѣ тяжолая сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе учонаго природнаго россіянина, и лучше выписывать. Довольно бы и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ». Обращеніе съ

(1) Очерки Россіи Пассека, книга V, 1840 г., стр. 15 и 16: «о состояніи Академической гимназіи, собственноручная черновая Ломоносова».

(2) Изъ 16 человѣкъ, набранныхъ въ 1736 г, Ломоносовъ и Виноградовъ были отправлены потомъ за границу.

студентами было суровое; по словамъ Ломонова, ихъ *штрафовали подло*; поощреній въ виду не имѣлось никакихъ. Университетъ не производилъ въ ученыя степени и не давалъ никакихъ преимуществъ. Профессоровъ вообще было мало, жалованье имъ производилось неровное, въ ущербъ наукѣ; въ общемъ служебномъ порядкѣ они поставлены были слишкомъ низко, что въ тогдашнее время господства привилегій, вмѣстѣ съ другими вышеизложенными причинами, отвращало желающихъ отъ поступленія въ учебныя заведенія Академіи, которая такимъ образомъ, по выраженію Ломоносова, какъ учебно-воспитательное заведеніе «уподоблялась нѣкоторому безобразному тѣлу, которое отъ болѣзни неровное питаніе въ членахъ производящей, имѣетъ тѣ части больше и тучнѣе, которыя въ здравомъ состояніи должны быть ровны, или еще и меньше» (¹).

Но напрасны были жалобы Ломоносова. Университету и гимназіи при Академіи не суждено было достигнуть надлежащаго развитія. На опытѣ оказалось неудобоисполнимымъ соединеніе Академіи и Университета. Академики, имѣя въ виду преимущественно ученыя разысканія въ области наукъ, неохотно и изрѣдка только читали публичныя лекціи, отвлекавшія ихъ отъ главныхъ занятій. Съ учрежденіемъ Московскаго университета и съ введеніемъ при Императрицѣ Екатеринѣ II-й новой системы народнаго образованія, все яснѣе и яснѣе становилась истина, что учебная часть не должна входить въ кругъ Академическихъ занятій; поэтому публичныя лекціи при Академіи сами собою прекратились въ концѣ XVIII столѣтія, а гимназія въ 1805 г. слилась съ учрежденною въ то время С.-Петербургскою гимназіею (нынѣшнею Второю).

Не осуществились мысли Ломоносова объ учрежденіи при Академіи наукъ высшаго учебнаго заведенія, но онѣ не пропали даромъ; нѣтъ сомнѣнія, что открытіе Московскаго университета, послѣдовавшее въ 1755 году въ царствованіе Импе-

(¹) Соч. Ломоносова, изд. Смирдина, т. I: Мнѣніе объ исправленіи Императорской Академіи Наукъ.

ратрицы Елисаветы Петровны, по мысли Ивана Ивановича Шувалова, произошло не безъ вліянія Ломоносова; въ одномъ изъ писемъ своихъ къ этому знаменитому покровителю русской науки онъ высказываетъ нѣсколько замѣчательныхъ мыслей касательно устройства новаго университета. Согласно съ уставомъ Академіи Наукъ, Московскій университетъ образовался въ самомъ началѣ изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго, и притомъ съ гимназіею, «безъ которой», по словамъ Ломоносова, «университетъ былъ бы то же, что пашня безъ сѣмянъ».

Неизмѣримо важно значеніе этого факта въ исторіи русскаго образованія. Основаніе университета въ Москвѣ сдѣлало надолго эту древнюю нашу столицу центромъ просвѣщенія, которое разливалось отсюда хотя медленно, но постоянно по всѣмъ предѣламъ обширнаго нашего отечества. Здѣсь во все продолженіе XVIII столѣтія мы видимъ наибольшее проявленіе нашихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ; здѣсь наука добыла себѣ у насъ право гражданства, здѣсь получили образованіе Фонъ-Визинъ и Жуковскій, здѣсь образовались и дѣйствовали Новиковъ и Карамзинъ и наконецъ здѣсь же современныя тогдашнему образованному міру педагогическія идеи нашли болѣе удачное примѣненіе.

Вооруженные доспѣхами знанія, педагоги-профессоры университета смотрѣли на дѣло воспитанія глубже Бецкаго, признавая науку за одно изъ важнѣйшихъ образовательныхъ средствъ; а потому ихъ воспитательныя идеи, посѣянныя на благодарной почвѣ науки, принесли болѣе зрѣлые плоды. Не легко опредѣлить педагогическое вліяніе Московскаго университета; имѣя въ виду другую цѣль, мы ограничимся здѣсь только необходимыми для нашей статьи указаніями на общій характеръ первоначальной учебной и воспитательной дѣятельности Московскаго университета. Основою для университета служили гимназіи, которыхъ было двѣ: одна для дворянъ и другая для разночинцевъ; при общемъ объемъ курсѣ послѣдняя имѣла въ виду преимущественно приготовленіе образованныхъ художниковъ и артистовъ; поэтому, кромѣ наукъ, здѣсь

учили пѣнію, музыкѣ и механическимъ искусствамъ (¹). Успѣвшіе въ гимназическихъ наукахъ поступали въ студенты университета (²). Преобладающими предметами въ гимназіи были древніе классическіе языки и изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ: французскій и нѣмецкій; изъ 36 учителей, бывшихъ въ обѣихъ гимназіяхъ въ 1757 году, 5 учителей преподавали французскій языкъ и столько же — нѣмецкій; кромѣ того 10 учителей, какъ иностранцы, учили на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, и собственно рускихъ учителей было только 15. Съ перваго взгляда въ этой системѣ ученія мы видимъ сходство съ системою Сухопутнаго кадетскаго корпуса, именно въ отношеніи преобладанія языковъ иностранныхъ. Обстоятельство это объясняется личнымъ взглядомъ Шувалова, придававшаго, подобно Бецкому, важное значеніе знанію новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Нельзя не признать отчасти вѣрности этого мнѣнія, особенно въ примѣненіи къ тому времени, когда въ наукѣ нельзя было сдѣлать и шагу безъ знанія этихъ языковъ. Но зато съ другой стороны въ курсѣ гимназическомъ съ первой поры является вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе древнихъ классическихъ языковъ, чего не было въ Сухопутномъ корпусѣ, — обстоятельство важное, давшее гимназическому ученію прочную и широкую основу. Жаль только, что число другихъ предметовъ было слишкомъ велико; желаніе научить всему и вдругъ увлекало тогда самые свѣтлые умы.

(¹) Изъ воспитанниковъ гимназіи для разночинцевъ составился при университетѣ свой домашній театръ, на поддержаніе котораго Шуваловъ обращалъ особенное вниманіе: здѣсь образовался знаменитый актеръ Плавильщиковъ. Изъ воспитанниковъ же этой гимназіи приготовлялись художники для вновь учрежденной, по идеѣ Шувалова, Академіи Художествъ; между ними особенно прославился архитекторъ Баженовъ.

(²) Кромѣ гимназій, при университетѣ съ 1779 г. учреждено было дворянское воспитательное училище подъ именемъ Вольнаго Благороднаго пансіона, гдѣ учили и воспитывали молодыхъ людей на одинаковомъ основаніи съ прочими гимназическими и университетскими пансіонерами. (Ист. Моск. Унив., Шевыревъ, стр. 214).

Такъ напримѣръ ректоръ гимназіи Шаденъ, кромѣ курса философіи и древней словесности, предлагалъ для желающихъ даже языки халдейскій и еврейскій. Опытъ не научилъ еще тогда благоразумной умѣренности въ выборѣ предметовъ для ученія; на молодыя силы, какъ бы надѣясь на нихъ, навьючивали непомѣрныя тяжести. Поэтому дѣти, которымъ давали слишкомъ многое и притомъ преимущественно на непонятномъ для нихъ языкѣ, не могли усвоить себѣ основательно сообщаемыхъ имъ знаній; да наконецъ въ первыя времена и самая личность учителей, при тогдашнемъ общемъ въ нихъ недостаткѣ, не возбуждала сочувствія учащихся.

Сохранившееся для насъ свидѣтельство одного изъ тогдашнихъ питомцевъ университета, Фонъ-Визина, о состояніи университета въ первое время подтверждаетъ сказанное нами. «Въ бытность мою въ университетѣ, говоритъ Фонъ-Визинъ, учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой — нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо». Далѣе описаніе экзаменовъ, сдѣланное Фонъ-Визинымъ, показываетъ еще ярче младенческое состояніе науки въ юномъ университетѣ или, вѣрнѣе сказать, въ гимназіи при университетѣ:

«Наканунѣ экзамена въ нижнемъ латинскомъ классѣ дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришолъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся *смѣшными*», говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ», продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, «извольте слушать все, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую,

то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете».

Еще оригинальнѣе былъ экзаменъ изъ географіи. Учениковъ по этому предмету было только трое «Но какъ учитель нашъ», говоритъ Фонъ-Визинъ, «былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ, куда течетъ Волга? «Въ *Черное* море», отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища: «въ *Бѣлое*», отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: «не знаю», сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго правоученія, но отнюдь не географическаго.»

При чтеніи этого описанія, которое можетъ быть нарисовано слишкомъ яркими красками, намъ представляется естественно вопросъ, какая необходимость была присуждать медаль, когда никто ее не заслуживалъ? Здѣсь видна черта, общая тому времени: торжественный актъ безъ раздачи медалей былъ бы неудобенъ, потерялъ бы много въ отношеніи блеска, а тогда торжественныя рѣчи, торжественные праздники, торжественныя награды считались необходимостью; наружнымъ блескомъ своимъ они способнѣе были поразить общество, еще недостаточно развитое для пониманія скромныхъ подвиговъ науки. Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятнымъ, почему 16-го декабря 1756 г., т. е. на другой годъ основанія университета, на гимназическомъ актѣ ученики говорили уже на языкахъ греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ рѣчи, въ которыхъ славили пользу наукъ вообще и особенно въ Россіи и щедрость Государыни.

Напрасно прибавлять, что рѣчи эти сочинены были для нихъ учителями. Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій въ своей автобіографіи разсказываетъ между прочимъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела на публику рѣчь, сочиненная для

него профессоромъ Чеботаревымъ и произнесенная имъ въ 1778 г. на русскомъ языкѣ, когда онъ былъ еще ученикомъ, а не студентомъ университета. Оратора, по прочтеніи рѣчи, сопровождали громкія рукоплесканія, раздавшіяся по всей залѣ (1). Такое же значеніе имѣли и публичные диспуты, происходившіе, по примѣру духовныхъ училищъ, въ университетѣ и въ гимназіи на латинскомъ, а чаще на французскомъ языкѣ. Будучи остаткомъ схоластики, они торжественностью своею соотвѣтствовали и духу времени.

Впрочемъ такіе недостатки въ устройствѣ характеризують только первое время университета. Фонъ-Визинъ въ чистосердечномъ признаніи своемъ, относящемся къ послѣдней четверти XVIII-го столѣтія, свидѣтельствуетъ, что «нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ». Доказательствомъ служитъ и то, что гимназія уже съ 1759 г. въ состояніи была доставить студентовъ университету.

Классическое направленіе въ ней болѣе и болѣе утверждалось, благодаря трудамъ профессора Шадена, отличнаго латиниста, бывшаго ректоромъ гимназіи втеченіе 20-ти лѣтъ. По словамъ Фонъ-Визина, слушавшаго у него логику на латинскомъ языкѣ, «онъ имѣлъ отличное дарованіе читать лекціи и изъяснялся необыкновенно внятно».

«Въ университетѣ обучаясь по-латыни», пишетъ Фонъ-Визинъ, «положилъ я основаніе нѣкоторымъ моимъ познаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ.»

Метода ученія въ гимназіяхъ, изложена въ *способѣ ученія*, приготовляющаго къ университету, напечатанномъ въ 1771 г., по приказанію куратора Мелиссино, на четырехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Не имѣя въ рукахъ этого документа, который далъ бы намъ возможность сравнительно съ нимъ оцѣнить способъ ученія, введен-

---

(1) Автобіографія князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Москвитянинъ 1844 г., № 11, и 1845 г., № 2.

ный Янковичемъ въ народныхъ училищахъ, мы ограничимся здѣсь указаніями, которые нашли въ Исторіи Московскаго Университета, профессора Шевырева (стр. 180).

Въ *способъ ученія* главное вниманіе обращено на изученіе языковъ иностранныхъ: древнихъ и новыхъ (французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго). Для достиженія этой цѣли предложены *подробныя* правила, къ сожалѣнію намъ неизвѣстныя; знаемъ только, что при переводахъ съ иностранныхъ языковъ на русскій учителямъ вмѣнено было въ обязанность указывать на сходства и различія между этими языками и языкомъ природнымъ, что̀ встрѣчаемъ мы и въ методѣ Янковича. Кромѣ того, судя по тому, что профессоромъ Шаденомъ еще въ 1768 г. изданъ былъ Orbis visibilis Коменія съ русскимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и итальянскимъ текстомъ, мы имѣемъ основаніе думать, что *способъ ученія* слѣдовалъ принципу Коменія: «слова безъ знанія предмета — пустыя слова», а потому начиналъ съ изученія предметовъ, при которомъ усвоивалось и названіе ихъ.

Вѣроятно такое изученіе слѣдовало послѣ предварительнаго ознакомленія съ буквами и упражненія въ ясномъ и правильномъ ихъ произношеніи, о чемъ упоминаетъ профессоръ Шевыревъ. Метода эта еще полнѣе была развита профессоромъ Шварцомъ въ рѣчи: «О способахъ ученія языкамъ», произнесенной имъ 13-го сентября 1779 г. при вступленіи въ профессоры нѣмецкаго языка. Отдавая должное практическому способу изученія языковъ, Шварцъ считалъ необходимымъ соединять съ нимъ и теоретическое его изученіе, важное по образовательному своему характеру (1). Изъ другихъ предме-

---

(1) Біогр. Слов. Проф. Моск. Унив., кн. 2, Шварцъ, стр. 576. Къ сожалѣнію теоретико-практическая метода Шварца, требующая со стороны учителя большой энергіи и основательнаго филологическаго образованія, на дѣлѣ выполнялась и до сихъ поръ выполняется очень рѣдко. Любопытно было бы подробное сравненіе методы изученія языковъ у Мелиссино, Шварца и Янковича; о методѣ послѣдняго сказано будетъ ниже, также и объ отношеніи ея къ методѣ Коменія.

товъ въ *способѣ ученія* говорится только объ ученіи исторіи и математики, и то весьма коротко.

Преподаваніе исторіи должно имѣть нравоучительный характеръ; метода изложенія принята хронологическая, въ связи съ синхронистическою; наставленія заключаются общимъ правиломъ — не вытверживать наизустъ, а пересказывать все своими словами.

Въ преподаваніи математики *способъ ученія* требуетъ раціональной методы изложенія съ доказательствами.

Какъ ни коротки эти указанія, но онѣ важны въ томъ отношеніи, что выражаютъ уже сознаніе необходимости употреблять при ученіи разумную методу, способствующую развитію учащихся.

Характеръ собственно воспитанія въ гимназіяхъ и университетѣ отличался гуманностью; по крайней мѣрѣ стремилось къ тому высшее начальство и за тѣмъ же наблюдала конференція университета. Шуваловъ неразъ предписывалъ быть мягче съ учениками и избѣгать жестокости въ наказаніяхъ; конференція 23-го марта 1766 г. предложила, въ замѣну обычая учителей бить ферулами по рукамъ учениковъ гимназіи, наказывать виновныхъ крестьянскою одеждою; послѣднее наказаніе примѣнялось и къ студентамъ, которыхъ кромѣ того за дурное поведеніе сажали на хлѣбъ и на воду, лишали жалованья за мѣсяцъ, или права носить шпагу, и наконецъ удаляли изъ университета временно или навсегда. О внутренней жизни университета приведемъ слова Ил. Ѳ. Тимковскаго, произведеннаго въ студенты въ 1790 году:

«Студенты, получая жалованье изъ университетскаго казначейства, сто рублей въ годъ, по третямъ, сами себя содержали. Живущіе въ университетѣ, съ помѣщеніемъ, прислугою и отопленіемъ, получали также понедѣльно свѣчи, а для стола своего составляли партіи отъ 10-ти до 12-ти человѣкъ, складкою отъ 3-хъ до 4-хъ рублей въ мѣсяцъ, чего по тогдашнимъ цѣнамъ и курсу на серебро, хотя и съ нуждою, достава-

ло. Складочныя деньги поручали хозяйливому товарищу на распоряженіе. Изъ того имѣли сторожа купчиною и прислужникомъ, платили поварихѣ изъ живущихъ въ нижнемъ этажѣ семей. По истеченіи мѣсяца недостатокъ переводили въ слѣдующій мѣсяцъ. За столомъ совѣтовались о заказахъ на завтра и новыхъ потребностяхъ. Посуду и скатерти заготовляли особою складкою, а столовый приборъ и салфеты каждый содержалъ отъ себя. Такихъ столовъ межъ ними было три, и свободно было всякому, по согласію въ началѣ трети, переходить изъ одного стола въ другой.»

«Въ одѣяніи студенты не имѣли никакой опредѣленной формы. Даже свой университетскій мундиръ не всѣ имѣли. Каждый, и состоящій на жалованьѣ, одѣтъ былъ, какъ могъ и какъ хотѣлъ. Однимъ довольно было на лѣто сюртука, а въ зиму благопріятствовалъ фризъ сюртукомъ или шинелью; но большая часть одѣвались достаточнѣе. Иные же являлись по тогдашнему въ красныхъ драповыхъ плащахъ и высокихъ островерхихъ шляпахъ, въ модныхъ кафтанахъ до пятъ, съ огромными узорно-литыми англійской стали пуговицами, съ оцѣпленными часами, все лѣто въ башмакахъ, зимою въ сизоенотовыхъ шубахъ, въ отвернутыхъ по икрѣ бархатныхъ сапогахъ.»

«Недостатокъ жалованья на одѣяніе, книги и прочія потребности пополнялся или пособіями изъ дому, большей или меньшей руки, или собственными трудами. Рачительному студенту съ своими достоинствами всегда легко было, въ родѣ отдыха и прогулки, имѣть одно мѣсто, давать уроки по часамъ; иной жертвовалъ собою и больше. Это же знакомило его съ обществомъ, и сходки на лекціи наполнялись столичными разсказами. Но другой, лучшій способъ доходовъ состоялъ *въ переводахъ книгъ на вольную продажу;* а вошедшіе въ нѣкую именитость были на то соглашаемы договоромъ и по великости труда раздѣляли его съ однимъ или двумя товарищами, подъ общею политурою. Сими способами иные и одѣвали себя до описаннаго щегольства и *составляли свои библі-*

отеки, и позволяли себѣ роскошь; бывали въ театрѣ, на концертахъ и въ собраніяхъ. Кромѣ того, гдѣ omne nimium est vitium, все это постепенно вводило юношу въ образованный кругъ будущей его судьбы, иного въ разсѣяніе, другого въ большую силу.»

Далѣе подробности жизни студентовъ и гимназистовъ представляются въ слѣдующемъ описаніи профессора Шевырева: «Гимназисты и студенты казеннаго содержанія помѣщались въ длинныхъ и обширныхъ залахъ главнаго зданія, именуемыхъ камерами. Студентовъ было 50, гимназистовъ втрое болѣе. На половинахъ дворянской и разночинской камеръ было по восьми. Въ каждой помѣщалось по тремъ внутреннимъ стѣнамъ отъ осьми до десяти учениковъ, у четвертой наружной давались мѣста тремъ или четыремъ студентамъ. Одинъ изъ нихъ, благонравнѣйшій и отличнѣйшій по успѣхамъ, занималъ первое лучшее мѣсто подъ образами, въ переднемъ углу, и назывался *камернымъ*. Онъ смотрѣлъ за порядкомъ, чистотою, тишиною, занятіями, за безотлучностью учениковъ и приходомъ стороннихъ лицъ, и получалъ за это, кромѣ обыкновенныхъ студенческихъ ста рублей, двадцать рублей серебромъ въ годъ. Всякое утро камерный обязанъ былъ ходить съ отчотомъ къ *эфору поведенія*. Эфоры поведенія и ученія назначались изъ профессоровъ гимназіи и состояли подъ прямымъ начальствомъ инспектора. Эта должность, по мнѣнію П. Ил. Страхова, образовалась не прежде 1783 г. Въ камерахъ разночинской половины находилась и библіотека, которою завѣдывалъ старшій изъ камерныхъ студентовъ той половины. *Библіотека была довольно значительна*. Въ нее поступало по экземпляру всѣхъ книгъ, какія печатала тогда университетская типографія. Здѣсь получались вѣдомости и журналы, выходившіе при университетѣ. Студенты *сходились сюда для чтенія и для бесѣды о прочитанномъ*. Какъ они, такъ и ученики, могли брать книги подъ росписку; но уходя домой, обязаны были на время отлучки возвращать книги.»

«Сближеніе студентовъ съ учениками приносило имъ, по

свидѣтельству очевидцовъ, взаимную пользу. Студенты передъ младшими поддерживали благородство своего званія и старались вести себя прилично и скромно. Ученикамъ помогали они въ приготовленіи уроковъ и объясняли трудное въ наукахъ и языкахъ. Камерному въ этомъ отношеніи помогали и другіе студенты, называвшіеся *подкамерными*. Дежурные студенты водили учениковъ чиннымъ строемъ въ столовую и тамъ наблюдали за ними и раздавали имъ кушанье. Нѣкоторыя молитвы пѣлись общимъ хоромъ; другія читались лучшими учениками по очереди. Пребываніе студентовъ казеннокоштныхъ въ гимназіи было конечно полезно для нихъ и въ отношеніи къ той педагогической цѣли, для которой они назначали себя въ университетѣ. Заранѣе пріучались они, подъ надзоромъ старшихъ, къ тѣмъ пріемамъ воспитанія и ученія, въ которыхъ рановременная опытность конечно всегда необходима.»

«Церковь университетская, при Императрицѣ Екатеринѣ построенная и расписанная архитекторомъ и живописцемъ Клауди, поражала своимъ благолѣпіемъ и красотою. Студенты и гимназисты составляли полный благозвучный хоръ и пѣли литургію на хорахъ церкви по воскресеньямъ и праздникамъ. Попеченіемъ директора Фонъ-Визина лучшіе артисты призывались для выбора и устройства хора. Ил. Ѳ. Тимковскій помнилъ студента Мошкова, удивлявшаго всѣхъ своимъ прекраснымъ теноромъ.»

«Студенты дѣлили съ учениками и важныя занятія и игры свои. На Пасху, на дворѣ университета ставились двое или трое качелей. Съ Ѳоминой недѣли, т. е. съ весны, начинались по вечерамъ военныя экзерциціи. Студенты, наставляемые офицерами, дѣлили учениковъ по желанію ихъ на роты и учили ружейнымъ пріемамъ, выправкѣ, маршировкѣ и строю. Въ лѣтнюю вакацію эти занятія повторялись еще чаще и продолжались до сентября. Осенью бывалъ университетскому потѣшному баталіону смотръ, въ присутствіи Московскаго коменданта, или шефа полка изъ стоявшихъ въ столицѣ.»

«Зимою, особенно на святкахъ, во время вакаціи, театръ

составлялъ общее удовольствіе студентовъ и гимназистовъ. Домашній театръ университета имѣлъ полный запасъ кулисъ и гардероба, пріобрѣтенный или пожертвованіями знатныхъ лицъ, доброжелателей университета, или складчиною участниковъ въ удовольствіи. О святкахъ или на масляную давали обыкновенно два, три представленія, съ своею музыкою. Женскія роли исполнялись обыкновенно учениками. Пьесы были комедіи: «Недоросль», «Скупой», «Такъ и должно»; оперы: «Мельникъ» Аблесимова, «Добрые солдаты» Хераскова, «Севильскій цирюльникъ». Отличались на университетскомъ театрѣ: Ник. Ник. Сандуновъ, Вас. Ив. Макаровъ, Гаврила Гер. Политковскій, Ив. Ос. Тимковскій, Петръ Вас. Зловъ. Херасковъ однажды приглашалъ университетскую труппу въ свою Калужскую деревню, на берега Угры. Кромѣ театра, о святкахъ и на масляницу бывали въ столовой залѣ и смежныхъ съ нею камерахъ дворянской половины маскерады, куда съѣзжались съ своими семействами начальники, профессоры, учители, родственники студентовъ и учениковъ. По воскресеньямъ и праздникамъ случались иногда вечерніе танцы, или концерты. Но бывало также, какъ свидѣтельствовалъ П. С. Полуденскій въ своихъ напечатанныхъ запискахъ, что ученики гимназіи, только не студенты, принимали участіе въ кулачныхъ бояхъ на Неглинной или на Никольской, около Заиконоспасскаго монастыря. Ученики семинаріи или академіи вступали въ бой съ гимназистами. Это бывало или до классовъ, или между двухъ и двѣнадцати часовъ днемъ. Къ гимназистамъ присоединялись и служители изъ столовой, куда ученики ходили обѣдать. Студентъ, получившій шпагу, долженъ былъ вести себя благородно и избѣгать подобныхъ игрищъ, которыя исчезли передъ силою образованія и времени.»

«Такъ проходила жизнь университетскаго студента въ концѣ XVIII-го столѣтія. Строгія его занятія наукою осѣняла молитва въ храмѣ Божіемъ, а собранія литературныя, искусство въ разныхъ своихъ видахъ, военныя игры и экзерциціи, жизнь общественная безъ вреднаго разсѣянія, предлагали ему благо-

родный отдыхъ, среди котораго развивались въ немъ силы нравственно-эстетическія и силы тѣлесныя ([1]).»

Такія благородныя стремленія къ новому лучшему могли развиться только подъ животворнымъ вліяніемъ университетской науки и провозвѣстниковъ ея, профессоровъ университета. Незабвенныя заслуги ихъ русскому просвѣщенію показаны въ біографіяхъ ихъ, изданныхъ по случаю празднованія столѣтняго юбилея Московскаго университета; мы же коснемся здѣсь педагогической дѣятельности только нѣкоторыхъ изъ первыхъ профессоровъ Московскаго университета, наиболѣе отличившихся на этомъ поприщѣ. Дѣятельность эта выражалась въ образованіи наставниковъ, изданіи учебниковъ и распространеніи въ обществѣ новыхъ педагогическихъ идей посредствомъ особыхъ сочиненій и рѣчей. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь личность профессора Шварца, друга и сотрудника Н. И. Новикова. Онъ прибылъ въ Россію въ іюнѣ 1776 г. съ цѣлью посвятить себя воспитанію юношества, въ августѣ 1779 г. поступилъ въ университетъ профессоромъ нѣмецкаго языка и въ томъ же году 13-го ноября получилъ должность инспектора первой у насъ по времени педагогической семинаріи, учрежденной по его плану и мысли при университетской гимназіи. «Въ семействахъ русскаго дворянства, которое алкало просвѣщенія», говоритъ Шевыревъ, «Шварцъ своею пылкою душою, своимъ религіозно-нравственнымъ характеромъ, своимъ краснорѣчіемъ возбуждалъ большое сочувствіе. Кругъ его знакомства умножался въ Москвѣ ежедневно. Благолюбивый иноземецъ, любившій просвѣщеніе всею силою души, былъ въ восторгѣ отъ этого гостепріимства русскихъ дворянъ, во имя его любимой мысли. Шварцъ много способствовалъ распространенію въ Москвѣ нѣмецкаго языка и сло-

---

([1]) Казанская гимназія, учрежденная 21-го іюля 1758 г., состояла, подобно Московской, изъ двухъ отдѣленій, и не отличалась отъ нея ни по духу ученія, ни по характеру воспитанія.

весности, и здѣсь со всею вѣроятностью можно поставить первое начало того вліянія, которое впослѣдствіи германская литература оказала на нашу въ лицѣ Карамзина и его послѣдователей. Ближе узнавая положеніе воспитанія домашняго, ввѣряемаго по большей части иностранцамъ, Шварцъ захотѣлъ противодѣйствовать этому злу, — и потому задумалъ основать общество, котораго цѣлью предполагалось: вопервыхъ, распространять въ публикѣ по возможности правила воспитанія; вовторыхъ, помогать предпріятію Новикова переводомъ и изданіемъ сочиненій полезныхъ, и въ третьихъ, или привлекать изъ-за границы достойныхъ иностранныхъ воспитателей или, что еще лучше, на свои издержки приготовлять русскихъ наставниковъ».

Мысль эта осуществилась открытіемъ въ Москвѣ 6-го ноября 1782 г. учонаго Дружескаго общества, главною цѣлью котораго было воспитаніе юношества. Собраніе университетскихъ питомцевъ, учрежденное Шварцомъ еще прежде 18-го марта 1781 года, съ цѣлью читать и обсуживать литературные опыты, примкнуло къ этому новому обществу, доставляя свои статьи въ журналы, издаваемые Новиковымъ: «Московское ежемѣсячное изданіе» (1781), «Вечерняя заря» (1782) и «Покоящійся трудолюбецъ» (1784). Послѣдній изъ этихъ журналовъ имѣлъ по преимуществу педагогическое направленіе; въ немъ встрѣчаются уже статьи, написанныя собственно для дѣтей.

«Дѣтское чтеніе для сердца и разума», печатавшееся также въ типографіи Новикова съ 1785—1789 г. при Московскихъ вѣдомостяхъ, вѣроятно не безъ содѣйствія Дружескаго общества, назначалось уже исключительно для дѣтей, представляя въ то время первый опытъ дѣтской литературы. Въ этомъ изданіи участвовали трудами своими, между прочими питомцами университета, Прокоповичъ-Антонскій Антонъ, Подшиваловъ, Карамзинъ и другъ его Петровъ.

Съ тою же цѣлью и въ тѣхъ же видахъ открыта была Шварцомъ въ іюлѣ 1782 г. при Московскомъ университетѣ

филологическая или переводческая семинарія, назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы переводить на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ писателей. Для приготовленія наставниковъ, на счотъ Дружескаго учонаго общества, содержались постоянно въ педагогической семинаріи нѣсколько бѣдныхъ молодыхъ людей. Изъ числа этихъ питомцевъ образовались извѣстные впослѣдствіи два брата Антонскіе Михаилъ и Антонъ, Павелъ Сохацкій, Матвѣй Десницкій (митрополитъ Михаилъ), Стефанъ Глаголевскій (митрополитъ Серафимъ) и Дмитрій Дмитревскій.

Подробное изложеніе заслугъ профессора Шварца находится во второмъ томѣ Біографическаго словаря профессоровъ Московскаго университета, изд. въ 1855 г., откуда мы заимствовали настоящія свѣдѣнія; желательно однако, чтобы устройство первой педагогической семинаріи и планъ ученія и воспитанія въ ней, также и труды Шварца по преобразованію гимназіи, для которой онъ начерталъ новый планъ ученія, примѣненный къ дѣлу подъ личнымъ его надзоромъ, были раскрыты подробно, что, вмѣстѣ съ оцѣнкою рѣчей профессоровъ и изложеніемъ особенныхъ трудовъ ихъ по воспитанію юношества, могло бы представить довольно полную и любопытную картину состоянія тогдашней педагогики. Чѣмъ болѣе подробностей и частностей собрано будетъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ лучше и яснѣе представится самое дѣло.

За Шварцемъ въ отношеніи педагогическихъ заслугъ слѣдуютъ профессоры Шаденъ, Поповскій и Барсовъ.

Первый изъ нихъ издалъ въ 1768 г. Orbis visibilis Коменія на латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и французскомъ языкахъ съ особымъ предисловіемъ, и тѣмъ положилъ начало новому взгляду на преподаваніе у насъ иностранныхъ языковъ; изъ многочисленныхъ рѣчей его, касающихся воспитанія и произнесенныхъ имъ на латинскомъ языкѣ, укажемъ на слѣдующія: 1) «О правѣ обладателя въ разсужденіи воспитанія и просвѣщенія науками и художествами подданныхъ» (1770 г. 30 іюня), перев. на русс. яз. Ильею Гра-

чевскимъ. 2) О правѣ родителей на воспитаніе дѣтей (1773 г. 22 апрѣля. Не менѣе заслуживаетъ вниманія профессоръ Шаденъ какъ воспитатель и содержатель одного изъ отличнѣйшихъ частныхъ пансіоновъ, въ которомъ между прочими воспитывался и Карамзинъ.

Профессоръ Поповскій перевелъ въ 1759 году на русскій языкъ книгу о воспитаніи знаменитаго педагога Локка, имѣвшаго у насъ, какъ мы уже видѣли, многихъ послѣдователей. Въ пользу свѣтлаго ума Поповскаго и необыкновеннаго по тому времени взгляда его на воспитаніе служитъ любимая мысль его, которую онъ жарко защищалъ въ конференціяхъ университета, о томъ, что науки въ университетѣ должны преподаваться на родномъ языкѣ. «Нѣтъ такой мысли, кою бы по русски изъяснить было невозможно», утверждалъ Поповскій въ защиту своего мнѣнія; но господствовавшій въ то время предразсудокъ о необходимости излагать науку на латинскомъ языкѣ воспрепятствовалъ на время осуществленію мысли Поповскаго, которой суждено было исполниться уже послѣ смерти его въ 1767 году, когда, по Высочайшему повелѣнію, предписано было всѣмъ русскимъ профессорамъ читать лекціи на русскомъ языкѣ. Глубоко сознавая ту истину, что въ дѣлѣ воспитанія всего важнѣе примѣръ, Поповскій въ извѣстномъ своемъ стихотворномъ письмѣ къ И. И. Шувалову: «о пользѣ наукъ и воспитаніи въ опыхъ юношества», говоритъ между прочимъ:

«Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, продерзкими дѣлами,
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты, деньгами обклавшися, дрожишь,
Полушки нищему одной не удѣлишь,
Надѣешься ль, чтобъ сынъ не зналъ къ богатству страсти,
Чтобъ бѣдныхъ искупалъ изъ скудости, напасти?
Когда насильственно обидишь немощныхъ,
Безъ всякой жалости смотря на слезы ихъ:
Когда ихъ образомъ тѣснишь безчеловѣчнымъ

То сынъ твой будетъ-ли, то зря, мягкосердечнымъ?
Ты въ роскошахъ уснулъ, во сладости погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякій часъ:
А хочешь, чтобъ былъ сынъ воздерженъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ и въ словѣ былъ бы вѣренъ?
За то же ремесло, за кое и отецъ,
Примается и сынъ, смотря на образецъ.
Купеческій сынокъ смышляетъ, какъ взять втрое:
Смѣкаетъ, какъ продать за цѣлое гнилое. —
О картахъ и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ надъ оными сидитъ.
Какъ язва, такъ примѣръ пороковъ переходитъ
И, заразивъ отцовъ, дѣтямъ болѣзнь наводитъ.»

Профессоръ Барсовъ занималъ нѣсколько лѣтъ важную въ педагогическомъ отношеніи должность инспектора гимназіи, гдѣ долго употреблялись его учебники: латинская грамматика и краткія правила россійской грамматики. Подробная же грамматика русскаго языка, сочиненная имъ по порученію Коммиссіи Народныхъ Училищъ, осталась ненапечатанною. Но едва ли не самымъ лучшимъ трудомъ его слѣдуетъ считать сочиненный имъ, по мысли И. И. Бецкаго, генеральный планъ, или уставъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Если онъ былъ здѣсь только исполнителемъ идей Бецкаго, то уже по прекрасному исполненію заслуживаетъ полной благодарности, а по высокой гуманности, которою проникнутъ весь этотъ трудъ, возбуждаетъ къ себѣ полное сочувствіе.

Важность всѣхъ этихъ трудовъ заключается особенно въ томъ, что университетъ, развивая новыя идеи о воспитаніи, приготовлялъ и ратоборцевъ за эти идеи; изъ него, какъ изъ живого источника, постоянно били свѣтлыя струи, освѣжавшія и обновлявшія какъ семейную, такъ и общественную нашу жизнь. Будучи представителемъ прогреса, онъ смывалъ со всего, къ чему ни прикасался, наростую вѣками плѣсень невѣжества, или отсталой рутины. Вліяніе его, какъ мы видѣли, не ограничивалось одиѣми стѣнами аудиторій; а съ 1757 года оно стало проникать еще далѣе въ семейное наше воспитаніе,

когда на Московскій университетъ, наравнѣ съ С.-Петербургскою Академіею Наукъ, возложена была обязанность повѣрять знанія лицъ, занимавшихся частнымъ ученіемъ.

Домашнее и частное ученіе у насъ со временъ Петра Великаго, находясь внѣ правильнаго надзора, представляло своего рода особенности, которыя могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи: ученіе славяно-русской грамотѣ и отчасти цифири, т. е. первымъ основаніямъ ариѳметики и ученіе иностраннымъ языкамъ и преимущественно французскому. Ученье грамотѣ существовало у насъ издавна еще до Петра Великаго; учащихся было не много, но все же они были. Умѣнье читать книги церковной печати и писать считалось уже важнымъ искусствомъ. Приготовлявшіеся къ духовному званію, къ приказному дѣлу и изрѣдка дѣти бояръ, для практическихъ цѣлей, учились этому искусству у людей грамотныхъ; прочіе же жители не считали для себя нужною грамоты, какъ лишняго бремени, и въ рѣдкихъ случаяхъ надобности въ ней, какъ напримѣръ при дѣлахъ тяжебныхъ, обращались къ людямъ грамотнымъ, что́ особенно способствовало страшному размноженію ябедниковъ, которымъ открывалось такое широкое раздолье ловить рыбу въ мутной водѣ. Замѣчательно, что грамотныхъ людей было больше между раскольниками, чѣмъ между православными: религіозный фанатизмъ заставлялъ ихъ учиться, чтобы имѣть возможность читать церковныя книги и толковать ихъ, не вникая въ духъ ученія, а придерживаясь мертвой буквы. Способъ ученія вездѣ былъ одинаковъ: за выучкою буквъ, произносимыхъ по-славянски, слѣдовало твержепіе складовъ, потомъ чтеніе часослова и наконецъ псалтыри; потомъ уже учили письму. Со временъ Петра Перваго прибавилось еще чтеніе книгъ гражданской печати и знаніе цифири, что́ уже считалось роскошью. Плата за такое обученіе была самая ничтожная; въ Петербургѣ напр. около 1780 г. брали помѣсячно, по 1 руб. въ мѣсяцъ и меньше, или за выучку: за чтеніе отъ 4 до 6 рублей, а за цифирь 3 рубля. Учителя для ученія приходили на домъ къ ученикамъ, или послѣдніе собирались у учителя, вслѣдствіе чего возникли

частныя русскія школы. Какой былъ порядокъ въ нихъ, можно заключать уже по тому, что учитель съ каждымъ ученикомъ занимался отдѣльно и всѣ учились по разнымъ книгамъ, какая у кого случалась и притомъ часто по книгамъ, по содержанію своему недоступнымъ для дѣтей. Учителя, какъ въ этихъ частныхъ школахъ такъ и обучавшіе по домамъ, бо́льшею частью были отставные унтеръ-офицеры, канцеляристы, или причетники приходскихъ церквей. Въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина ярко изображены эти педагоги въ лицѣ Цифиркина и Кутейкина съ ихъ дидактическими пріемами и взглядомъ на воспитаніе. Въ запискахъ Артиллеріи маіора Данилова, написанныхъ въ 1771 г., въ учителѣ его, пономарѣ Филиппѣ Брудастомъ, видимъ другой образецъ Кутейкина; разница только въ томъ, что Кутейкинъ не внушалъ страха своему воспитаннику, какъ Брудастой, а самъ боялся его.

Приведемъ отрывокъ изъ записокъ Данилова, характеризующій систему тогдашняго домашняго ученія и воспитанія.

«Былъ я, говоритъ Даниловъ, любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи или болѣе (это было около 1717 г.) отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьми его, и казалось, что у него шеи не было; у него въ то же время учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но

какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизустъ, при слушаніи урока въ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня какъ непонятнаго «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ заключаю, что *принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ не полезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость;* явственнѣе можно усмотрѣть сію правду: принудить только ребенка играть сверхъ его воли, тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой; вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

«Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей

(меня и Бориса своего брата постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе) увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителева любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, сѣкъ кота лозою и чтó приговаривалъ, не упомню; только то помню, что мы, на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель: Елисей отъ сего явленія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой притаилъ, не могъ дыхать свободно.

«Брудастой, увидя кота висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришолъ въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, началъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая, подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшеный; стегая Елисея, тою же метлою доставалъ нѣсколько страждущаго, по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чаятельно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы отъ сей драки съ Борисомъ, кромѣ страха, ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату».

Въ этомъ живомъ разсказѣ очевидца заключается вѣрный приговоръ педагогамъ, подобнымъ Брудастому; съ своей стороны мы прибавимъ только, что Брудастые были тогда не рѣдкость: они представляли собою олицетвореніе цѣлой педагогической системы домашняго ученія въ теченіе XVIII столѣтія, системы ограничивавшей ученіе одною славяно-русскою грамотою и считавшей вѣрнымъ къ тому средствомъ усидчивое сидѣнье за книгой и долбленіе буквъ и складовъ.

Другого покроя были домашніе и частные учителя изъ иностранцевъ. Реформа Петра Великаго, сблизившая насъ съ Европою, повела къ необходимости изучать иностранные языки, между которыми главное мѣсто заняли у насъ нѣмецкій и особенно французскій языкъ; нѣмецкій потому, что первые ученые: академики и профессора, вызванные въ Россію, были нѣмцы и первые сановники Двора принадлежали также къ этой націи, выходцы которой мало-по-малу наводнили наше отечество, захвативъ въ свои руки почти всѣ ремесла. Французскій языкъ проникъ къ намъ, какъ языкъ дипломатическій, какъ модный языкъ гостиныхъ; отличаясь бо́льшею легкостью и живостью, онъ скоро одержалъ верхъ надъ тяжолымъ и неуклюжимъ своимъ соперникомъ; знаніе его, въ соединеніи съ граціозностью манеръ, сдѣлалось признакомъ человѣка образованнаго. Фонъ-Визинъ въ своей автобіографіи упоминаетъ о непріятности, случившейся съ нимъ во время ученія въ гимназіи, по незнанію французскаго языка. «Я свелъ знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіогномія моя понравилась; но какъ скоро онъ спросилъ меня, знаю ли я по французски и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ; онъ счолъ меня *невѣждою* и *худо воспитаннымъ*, началъ надо мною шпынять, а я, примѣтя изъ обороту рѣчей его, что *онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо*, не *смыслитъ болѣе ничего*, сталъ отъѣдаться» и т. д.

Впервые знаніе иностранныхъ языковъ вывезли къ намъ изъ-за границы молодые люди, отправленные туда для изученія наукъ Петромъ Великимъ; это было знаніе невольное; но скоро потомъ знатные и богатые люди, для доставленія дѣтямъ своимъ карьеры, стали сами отправлять ихъ учиться за границу и преимущественно во Францію, что́ продолжалось до самой революціи, несмотря на то, что открытіе университета въ Москвѣ доставляло возможность получать образованіе и въ своемъ отечествѣ. Князь Ив. Мих. Долгорукій въ автобіографіи своей говоритъ, что отецъ хотѣлъ отправить его для ученія за границу, но что поступленіемъ своимъ, вмѣсто того,

въ Московскій университетъ онъ обязанъ былъ совѣту, данному отцу его И. И. Шуваловымъ.

Конечно ученіе за границей приносило пользу многимъ, но бо́льшею частью молодые люди того времени выносили оттуда равнодушіе къ своему отечеству и забывали даже языкъ свой. Причина такого прискорбнаго явленія заключалась въ томъ, что дѣти оставались за границей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, въ пору наибо́льшей воспріимчивости и образованія душевныхъ наклонностей. Карамзинъ въ Московскихъ газетахъ 1801 г. пишетъ, что отъ такихъ русскихъ парижанъ онъ слыхалъ фразы: «Мы говоримъ языкъ свой; мы представляемъ наши почтенія согражданамъ» (1). Иванушка сынъ Бригадира въ извѣстной комедіи Фонъ-Визина изображаетъ типъ молодого человѣка, вынесшаго изъ образованія за границей пустоту ума и испорченность сердца. «Всякой, кто былъ въ Парижѣ», по словамъ Иванушки, «имѣетъ уже право, говоря про русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ что онъ уже сталъ больше французъ, нежели русскій». На вопросъ Совѣтницы, можно ли тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, чно они русскіе, онъ отвѣчаетъ: «Totalement нельзя. *Это не такое несчастіе,* которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено». Все это — черты, схваченныя, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрно съ дѣйствительности. Но не всѣ дворяне могли отправлять дѣтей своихъ за границу; такая роскошь доступна была только самымъ знатнымъ и богатымъ; менѣе же достаточные изъ нихъ, или не желавшіе разстаться съ своими дѣтьми, стали выписывать для себя изъ-за границы иностранныхъ учителей и преимущественно французовъ. Тутъ-то началось великое переселеніе къ намъ иноземныхъ учителей, умножавшееся по мѣрѣ того, какъ мода на французскій языкъ проникала и въ средніе слои общества. Не всѣ родители могли оцѣнять учителей своихъ; а потому жившіе въ глуши помѣщики довольствовались кое-какими на-

(1) Соч. Карамзина, т. 3, изд. Смирдина, стр 609.

ставниками, не обращая вниманія ни на ихъ знанія, ни на нравственность, а довольствуясь только тѣмъ, чтобы это были иностранцы. Къ этому условію присоединялись нерѣдко и другія, не имѣвшія никакого отношенія къ ученію. Такъ напримѣръ отъ учителя требовали умѣнья сочинять стихи для домашняго обихода, вести приходныя и расходныя книги, причесывать и убирать волосы и т. п. Отношенія такихъ воспитателей къ семейству воспитанника были самыя унизительныя: учитель, особенно при гостяхъ, не имѣлъ права садиться, жилъ и обѣдалъ бо́льшею частью съ прислугою и вообще представлялъ собою раболѣпнѣйшаго изъ рабовъ (1). Такія требованія, къ сожалѣнію существовавшія, не могли остановить учителей–самозванцевъ. Не ставя ни во что униженіе и руководствуясь только корыстными побужденіями, они храбро поступали въ учителя; но не имѣя ни способности учить, ни знаній, они составили себѣ особую систему воспитанія, заключавшуюся въ томъ, чтобы внушать своимъ питомцамъ презрѣніе ко всему русскому, неуваженіе ко всему святому, пріучать ихъ говорить обо всемъ съ видомъ знатоковъ дѣла и потворствовать дикимъ страстямъ ихъ. Образчики подобныхъ наставниковъ изображены у Фонъ-Визина въ Пеликанѣ, бывшемъ прежде мозольнымъ операторомъ, и въ Вральманѣ, занимавшемъ до своего учительства должность кучера. Каковы были эти учителя, видно изъ свидѣтельства Де-ла-Мессальера, секретаря французскаго посольства, бывшаго у насъ въ царствованіе Елисаветы. «Мы были осаждены», пишетъ онъ, «тучею французовъ всякаго рода, изъ которыхъ бо́льшая часть, испытавъ непріятности съ парижской полиціей, отправились заражать сѣверныя страны. Мы были изумлены и оскорблены, нашедши у многихъ знатныхъ вельможъ — дезертировъ, банкротовъ, распутниковъ и женщинъ такого же покроя, которымъ, по предубѣжденію въ пользу французовъ, поручено было важное дѣло воспитанія дѣтей; видно по все-

(1) См. соч. Фонъ-Визина, изд. Смирдина, письмо помѣщика Дурыкина къ Стародуму, стр. 536.

му, что эта дрянь, выброшенная изъ нашего отечества, раскинулась до самаго Китая; по-крайней-мѣрѣ я находилъ ее вездѣ. Посланникъ думаетъ предложить русскому министру изслѣдовать поведеніе ихъ, сдѣлать между ними разборъ, чтобы самыхъ подозрительныхъ выслать обратно за границу» (¹).

Конечно не всѣ иностранцы–учителя подходили къ этому разряду; были между ними и достойные наставники; но они встрѣчались весьма рѣдко, особенно до революціи, которая привлекла въ Россію многихъ образованныхъ эмигрантовъ, посвятившихъ себя у насъ воспитанію дѣтей. Князь Ив. Мих. Долгорукій, какъ видно изъ его автобіографіи, пользовался наставленіями француза Совере, имѣвшаго основательное образованіе; съ нимъ онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, на которомъ могъ читать Горація, Виргилія, а Корнелія Непота зналъ въ совершенствѣ (²). Впрочемъ и порядочные учителя-французы употребляли странную методу въ ученіи, показывавшую, что они вовсе не приготовлялись къ этому званію. Въ 1750 г. у генералъ-аншефа Маслова, жившаго въ Петербургѣ, училъ дѣтей французъ Лаппи. Болотовъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ дѣтьми Маслова, въ любопытныхъ запискахъ своихъ говоритъ: «Господинъ Лаппи былъ хотя и учоный человѣкъ, чтó можно было заключить по безпрестанному его читанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французскою Академіею и въ которомъ находились только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненіе и толкованіе на французскомъ языкѣ; слѣдовательно по большей части были намъ невразумительны. Сіи статьи и по большой части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть, безъ малѣйшей для насъ пользы. Тогда принужде-

(¹) Истор. Москов. Универ. Шевырева, стр. 38.
(²) Автоб князя Ив. Мих. Долгорукаго, Москвитянинъ, 1844 г., ч. VI, № 11.

ны мы были повиноваться волѣ учителя нашего и все то дѣлать, что онъ приказывалъ. Поньнѣ надсѣдаюсь я со смѣха, вспомнивъ сей родъ ученія и какъ бездѣльники французы не учатъ, а мучатъ нашихъ дѣтей сущими пустяками и бездѣлицами, стараясь только чѣмъ-нибудь да провесть время» (1).

Не довольствуясь обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ, иностранцы начали вмѣстѣ съ тѣмъ заводить у насъ въ столицахъ школы и пансіоны, въ которыхъ дѣти не только учились, но и получали воспитаніе. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, родившійся въ 1693 г., въ запискахъ своихъ упоминаетъ, что онъ учился въ Петербургѣ въ школѣ француза Боро (2). Болотовъ, о которомъ мы уже говорили, передъ поступленіемъ въ домъ Маслова, около 1750 г., воспитывался въ Петербургѣ въ пансіонѣ учителя Сухопутнаго кадетскаго корпуса Ферре, гдѣ болѣе всего обращалось вниманіе на французскій языкъ и кромѣ того учили еще географіи и рисованію.

При Императрицѣ Екатеринѣ II-й, во время освидѣтельствованія пансіоновъ въ Петербургѣ въ 1784 г., оказалось иностранныхъ частныхъ пансіоновъ 22, и школъ 4, считая здѣсь нѣмецкія училища при церквахъ св. Анны и св. Екатерины, а въ Москвѣ въ 1785 г. — 10 пансіоновъ, включая въ это число два частныя училища при лютеранскихъ церквахъ старой и новой. Изъ числа частныхъ пансіоновъ мы исключаемъ здѣсь С.-Петербургское нѣмецкое училище при церкви св. Петра, существовавшее уже съ 1703 года, потому-что училище это, вслѣдствіе особаго Именнаго Указа 7 сентября 1783 г., въ уваженіе продолжительной пользы, оказанной имъ образованію, получило названіе главнаго народнаго училища нѣмецкаго, и должно было служить въ С.-Петербургѣ нормальнымъ училищемъ для дѣтей иностранцевъ, точно такъ же какъ для русскихъ было нормальнымъ главное народное училище русское, открытое 13 декабря 1783 года.

---

(1) Отечеств. Записки, 1850 г. Май, стр. 31, Записки Болотова.
(2) Отечеств. Записки 1823 г.

Общее число учащихся въ С.-Петербургскихъ иностранныхъ пансіонахъ и школахъ простиралось до 500 человѣкъ (до 400 мальчиковъ и до 100 дѣвочекъ, въ томъ числѣ русскихъ до 200) и въ Московскихъ 374 челов. (309 мальчиковъ и 65 дѣвочекъ; изъ нихъ до 264 русскихъ). Главными предметами во всѣхъ этихъ пансіонахъ были французскій и нѣмецкій языки; только въ Москвѣ въ двухъ пансіонахъ и въ двухъ нѣмецкихъ церковныхъ училищахъ и въ С.-Петербургѣ въ Анненскомъ нѣмецкомъ училищѣ обучали еще латинскому языку. Всѣ науки въ частныхъ пансіонахъ С.-Петербургскихъ (вѣроятно то же было и въ Москвѣ) преподавались преимущественно на французскомъ языкѣ и по французскимъ учебникамъ; изъ 72 учителей и учительницъ въ С.-Петербургѣ было только 20 русскихъ, изъ нихъ половина танцмейстеровъ и учителей рисованія, остальные — учителя русскаго языка и ариѳметики, слѣдовательно не приходилось даже по одному русскому учителю на два пансіона (¹).

Подобное направленіе частнаго ученія, перешедшаго преимущественно въ руки иностранцевъ и притомъ бо̀льшею частью невѣжественныхъ, должно было обратить на себя вниманіе Правительства. Необходимо было положить преграду злоупотребленіямъ, совершавшимся безнаказанно втеченіе цѣлаго полстолѣтія.

Прежде всего сдѣлано было ограниченіе въ отношеніи домашнихъ учителей. По именному указу 5 мая 1757 года, всѣ иностранцы, занимающіеся въ Россіи ученіемъ и воспитаніемъ юношества, обязаны были явиться на испытаніе въ Петербургѣ въ Академію Наукъ, и въ Москвѣ въ университетъ. На будущее время никто изъ нихъ не могъ заниматься ни ученіемъ въ частныхъ домахъ, ни содержаніемъ пансіоновъ безъ аттестатовъ, удостовѣряющихъ дѣйствительность ихъ знаній и

(¹) Журн. Комм. Учил. 22 окт. 1784 г. Училищныя дѣла въ Архивѣ С.-Петербург. Прик. Общ. Приз. 1784 г № 11, дѣла Арх. Комм. Учил. №№ 38,497 и 38,493, и Русс. Вѣстн. 1858 г. февраль, книжка 2-я, статья М. Лонгинова

выдаваемыхъ изъ Академіи Наукъ, или изъ Московскаго университета. За нарушеніе этого закона на лицъ, принимающихъ къ себѣ учителей безъ аттестатовъ, наложенъ штрафъ 100 рублей, а сами учителя подвергались высылкѣ за границу (¹). Мѣра — важная по своимъ послѣдствіямъ; если она и примѣнялась не вездѣ, то по-крайней-мѣрѣ съ этого времени самозванцы-учителя не могли дѣйствовать открыто, а должны были скрываться въ темныхъ и отдаленныхъ закоулкахъ Россіи.

Съ учрежденіемъ въ 1782 г. Коммиссіи народныхъ училищъ установленъ былъ строгій надзоръ и за частными пансіонами и школами, которыя по Высочайшему повелѣнію были приведены въ извѣстность и освидѣтельствованы въ С.-Петербургѣ въ 1784 г., а въ Москвѣ въ 1785 году. Результаты осмотра показали, что мѣра эта была необходима. Хотя иностранные пансіоны найдены были вообще въ удовлетворительномъ состояніи, однако многое существенное опускалось въ нихъ изъ виду; такъ Законъ Божій вездѣ преподавался плохо, или вовсе не преподавался; русскому языку почти нигдѣ не учили, наконецъ и между содержателями пансіоновъ нѣкоторые оказались совершенными невѣждами. Христофоръ Ергардтъ, содержавшій пансіонъ въ С.-Петербургѣ, въ Литейной части, въ присутствіи экзаменаторовъ объяснялъ ученикамъ своимъ, что въ словѣ genügsam, довольный, должно писать начальную букву прописную, потому-что оно означаетъ «спокойствіе души». Дюбёфъ, содержатель пансіона въ Москвѣ, кромѣ того, что онъ не имѣлъ права открывать пансіонъ, содержалъ пансіонеровъ своихъ дурно и ничему не училъ ихъ, хотя программа учебнаго курса заключала у него Законъ Божій, русскій, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметику, геометрію, исторію, географію и миѳологію. — Въ этомъ послѣднемъ отношеніи болѣе или менѣе погрѣшали по-

(¹) Пол. Собр. т. XIV, № 10,725.

чти всѣ содержатели пансіоновъ: вездѣ почти программа не выполнялась въ точности; больше обѣщали, чѣмъ дѣлали.

Достойно замѣчанія, что осмотръ частныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ производимъ былъ снисходительнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Въ С.-Петербургѣ, по предварительномъ освидѣтельствованіи частныхъ пансіоновъ и школъ членомъ Коммиссіи училищъ статскимъ совѣтникомъ Крейдеманомъ и директоромъ народныхъ училищъ Козадавлевымъ, поручено было Коммиссіею народныхъ училищъ осмотрѣть во всей подробности русскія школы — профессору главнаго народнаго училища Сырейщикову, а иностранные пансіоны и школы — управѣ народныхъ нѣмецкихъ училищъ, учрежденной въ 1783 г. при главномъ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра. Ревизорами со стороны управы назначены были директоръ главнаго нѣмецкаго училища Кольбе и учителя Краузе, Фогель и Андреевскій, и кромѣ того со стороны Коммиссіи училищъ директоръ народныхъ училищъ Козадавлевъ. Въ Москвѣ же для осмотра всѣхъ пансіоновъ и школъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, кромѣ двухъ профессоровъ университета Барсова и Шадена, двухъ членовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, назначены были еще два лица со стороны духовнаго вѣдомства, и вниманіе ревизоровъ обращено особенно на то, чтобы наблюдать, нѣтъ ли гдѣ въ частныхъ училищахъ *разврата, суевѣрія* и *соблазна*. Правительство, подозрѣвая Новикова и вообще мартинистовъ, имѣвшихъ главный притонъ въ Москвѣ, въ распространеніи разврата и суевѣрія, предполагало ихъ вліяніе на частныя школы, и потому считало нужнымъ поставить ему преграду. Быть можетъ, усиленію такого подозрѣнія содѣйствовала и Коммиссія народныхъ училищъ, начавшая въ 1784 г. преслѣдованіе Новикова, по поводу перепечатанія имъ въ своей типографіи изданныхъ Коммиссіею училищъ учебниковъ: сокращеннаго катихизиса и руководства къ чистописанію; въ такой перепечаткѣ видѣли сначала не одно только нарушеніе права собственности, но и боялись отъ нея злонамѣреннаго искаженія текста, хотя впослѣдствіи все дѣ-

ло объяснилось очень просто: книги эти напечатаны были у Новикова съ разрѣшенія главнокомандующаго въ Москвѣ графа Захара Григорьевича Чернышева ([1]), чтобы удовлетворить настоятельной въ нихъ потребности, такъ-какъ въ Москвѣ чувствовался большой недостатокъ въ учебныхъ книгахъ, которыя невозможно было пріобрѣсти и за деньги.

Временнымъ Коммиссіямъ, назначеннымъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ для осмотра частныхъ пансіоновъ и школъ, поручено было произвести и испытаніе не только содержателямъ пансіоновъ и школъ, но и учителямъ и учительницамъ, въ нихъ обучающимъ. По донесенію этихъ Коммиссій два иностранныхъ пансіона: одинъ въ Москвѣ — Дюбёфа и другой въ С.-Петербургѣ – Ергардта, были закрыты, какъ несоотвѣтствующіе своему назначенію ([2]).

Кромѣ частныхъ пансіоновъ и школъ, содержимыхъ иностранцами, при осмотрѣ оказалось русскихъ школъ въ С.-Петербургѣ 17 съ 159 учащимися въ нихъ и въ Москвѣ 1 школа съ 20 человѣками учащихся. Въ первыхъ ученіе ограничивалось чтеніемъ и письмомъ и въ нѣкоторыхъ, кромѣ того, сообщеніемъ первоначальныхъ свѣдѣній изъ ариѳметики; въ послѣдней, содержимой отставнымъ штыкъ-юнкеромъ Войтяховскимъ, проходилась довольно подробно математика: ариѳметика, алгебра, геометрія и тригонометрія, кромѣ того полевая практика, фортификація, нивелированіе, артиллерія и черченіе; по основательности ученія и порядку школа эта, приготовлявшая молодыхъ людей для военной службы инженерной и артиллерійской, заслужила полное одобреніе ревизоровъ. Напротивъ того, въ С.-Петербургѣ всѣ русскія частныя школы признаны были, по слабости успѣховъ и механическому преподаванію, совершенно безполезными и вслѣдствіе того всѣ онѣ были закрыты, а учащимся въ нихъ пред-

---

([1]) Журн. Ком. Учил 12 ноября 1784 г.
([2]) Журн Ком Учил 28 янгаря 1785 года.

ложено перейти въ народныя училища, гдѣ «они могли удобно помѣститься и получить въ бóльшемъ числѣ предметовъ наставленіе гораздо лучшее, употребляя притомъ еще меньше времени и не платя ничего за ученіе». Такое вмѣшательство Правительства въ дѣло частнаго ученія становится совершенно понятнымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что въ то время въ С.-Петербургѣ существовали уже народныя нормальныя училища, гдѣ употреблялась метода ученія, не подавляющая способностей въ учащихся, а способствующая ихъ развитію. Притомъ же закрыты были плохія русскія школы, а не запрещалось содержать ихъ такимъ лицамъ, которыя окажутся къ этому способными и достаточно приготовленными.

По окончаніи осмотра частныхъ пансіоновъ и школъ Коммиссія народныхъ училищъ поручила Янковичу въ 1785 году составить наказъ для руководства на будущее время въ отношеніи къ частнымъ пансіонамъ и школамъ.

По наказу этому, вошедшему вполнѣ въ Уставъ народныхъ училищъ 5-го августа 1786 года, всѣ частные пансіоны и школы подчинены были наравнѣ съ народными училищами вѣдѣнію Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.

Желающій содержать частный пансіонъ или школу обязанъ былъ представлять въ Приказъ подробный планъ: какія науки будутъ у него преподаваться и какими учителями, какъ распредѣлены будутъ учебные часы и какая плата назначается за содержаніе и ученіе воспитанниковъ. Содержатель пансіона или школы и учителя должны были имѣть свидѣтельства въ томъ, что они знаютъ способъ ученія, употребляемый въ народныхъ училищахъ и кромѣ того учителя — свидѣтельство въ знаніи тѣхъ наукъ, которыя они намѣрены преподавать; свидѣтельства эти, по испытаніи означенныхъ лицъ въ главномъ народномъ училищѣ, выдавались директоромъ.

Подводя частныя училища подъ одинъ уровень съ народными касательно способа преподаванія, наказъ не стѣснялъ однако содержателей частныхъ училищъ въ выборѣ предме-

товъ ученія, и требовалъ только, чтобы всѣ предметы преподавались людьми, знающими и имѣющими въ томъ свидѣтельство. По этому Приказъ имѣлъ право для испытанія въ тѣхъ наукахъ, которымъ не учили въ главномъ народномъ училищѣ, приглашать постороннихъ спеціальныхъ ученыхъ. Ограниченіе въ этомъ отношеніи принято только для Закона Божія и русскаго языка, преподаваніе которыхъ вездѣ сдѣлано обязательнымъ. Расширеніе объема учебнаго курса также вполнѣ зависѣло отъ содержателей частныхъ училищъ; но оно всякій разъ дѣлалось съ разрѣшенія Приказа и по удостовѣреніи въ томъ, что для вновь вводимыхъ предметовъ есть способные преподаватели. Публичные экзамены для повѣрки успѣховъ учащихся назначены каждые полгода по образцу народныхъ училищъ и должны были производиться въ присутствіи директора народныхъ училищъ, бывшаго по училищамъ членомъ Приказа

Воспитаніе въ частныхъ школахъ, по смыслу наказа, должно было отличаться семейнымъ дружелюбіемъ, простотою въ образѣ жизни и совершаться въ религіозномъ духѣ. «Воспитанники должны кушать всегда за однимъ столомъ съ содержателями, которые должны ихъ довольствовать пищею простою и здоровою. Отъ всякія нѣги должны содержатели воспитанниковъ своихъ воздерживать и пріучать ихъ къ бодрости, трезвости и крѣпости. Вставать съ постели заставлять ихъ въ шесть часовъ, а ложиться спать не прежде десяти часовъ.»

Взглядъ сходный съ взглядомъ на этотъ же предметъ Бецкаго. Моральныя средства дѣйствія на воспитанниковъ опредѣляются въ слѣдующихъ словахъ наказа, также напоминающихъ во многомъ идеи Бецкаго: «Паче всего препоручается содержателямъ и учителямъ, дабы они въ питомцахъ и ученикахъ своихъ старались поселить правила честности и добродѣтели, *предшествуя имъ въ томъ и дѣломъ и словами: чего ради быть имъ при нихъ неотлучно и удалять отъ глазъ ихъ все то, что можетъ быть поводомъ къ соблазну.* Отвращать также отъ слуха ихъ всякіе суевѣрные разсказы, коими нерѣдко весе-

лость и самыхъ бодрыхъ отроковъ смущается, но бесѣдовать съ ними о вещахъ полезныхъ и поучительныхъ: содержать однако же въ страхѣ Божіемъ, заставляя ихъ ходить въ церковь и молиться, вставая и ложася спать, предъ начатіемъ и окончаніемъ ученія, передъ столомъ и послѣ стола. Стараться также доставлять имъ невинныя удовольствія, когда есть къ тому удобные случаи, *обращая оныя имъ въ награжденіе и отдавая всегда преимущество прилежнѣйшимъ и благонравнѣйшимъ»* ([1]). Всѣ эти постановленія наказа, составленнаго Янковичемъ, имѣютъ цѣну и теперь; внѣшній же порядокъ, предписываемый имъ, несмотря на административныя измѣненія, въ сущности остался тотъ же и до нашего времени. Не можемъ не замѣтить однако, что на духъ ученія и воспитанія въ частныхъ пансіонахъ и школахъ — наказъ Янковича имѣлъ весьма слабое вліяніе: причины тому заключаются съ одной стороны въ недостаткѣ содержателей, соотвѣтствовавшихъ идеалу воспитателя, представленному въ наказѣ, а съ другой — въ томъ важномъ обстоятельствѣ, что требованія нашего общества стояли далеко ниже этого идеала, и потому дѣлали возможнымъ существованіе плохихъ пансіоновъ, лишь бы учили въ нихъ французскому языку и танцованію. Такой взглядъ на курсъ ученія развился у насъ исторически со времени реформы Петра Великаго и, какъ мы видѣли выше, господствовалъ и въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ; отъ знатныхъ и богатыхъ людей, по свойственной русскому человѣку наклонности къ подражанію, онъ переходилъ мало-помалу и къ сколько нибудь зажиточнымъ людямъ низшихъ сословій, и не истребился даже и въ настоящее время. Всѣмъ извѣстно, что и небогатые мѣщане большихъ городовъ, если только предстоитъ имъ возможность, охотнѣе чѣмъ въ народныя училища отдаютъ дѣтей своихъ въ плохія частныя школы, гдѣ учатъ кое-какъ, но все же учатъ французскому язы-

---

([1]) Полн. Собр. Зак., Т XXII, № 16421.

ку. Мнѣ случалось слышать желанія даже жителей маленькихъ уѣздныхъ городовъ, чтобы въ народныхъ училищахъ введено было преподаваніе французскаго языка. Сообразивъ все вышесказанное, мы не должны удивляться, что русскій языкъ, несмотря на требованія наказа, шолъ въ частныхъ пансіонахъ и школахъ такъ плохо, что Правительство въ 1811 году вынуждено было требовать, чтобы содержатели пансіоновъ знали по-русски, и чтобы науки *непремѣнно* преподавались на русскомъ языкѣ (¹).

Обратимъ вниманіе еще на одинъ пунктъ наказа Янковича о частныхъ пансіонахъ, именно: на позволеніе содержателямъ пансіоновъ воспитывать вмѣстѣ дѣтей мужескаго и женскаго пола. Правда, въ наказѣ сдѣлано ограниченіе въ этомъ отношеніи: содержателямъ вмѣнено въ обязанность имѣть для дѣтей разныхъ половъ особенныя отдѣльныя комнаты; но при всемъ томъ это была коренная ошибка, которую исправили уже позже уставомъ 1804 года. Можно сдѣлать еще одинъ упрекъ наказу: въ немъ говорится только о частныхъ учителяхъ въ пансіонахъ и школахъ, но упущены изъ виду частные учителя, занимающіеся ученіемъ въ частныхъ домахъ. Изъ перваго пункта наказа видно, что и они подчинены были вѣдѣнію Приказа Общественнаго Призрѣнія; но далѣе объ нихъ ничего не говорится; способъ испытанія ихъ и отношеніе къ училищному начальству остаются неопредѣленными. Должны ли они были, на основаніи прежняго указа 1757 г., подвергаться испытанію въ Московскомъ университетѣ и С. Петербургской Академіи Наукъ, или по наказу 1786 года испытываться въ главныхъ народныхъ училищахъ? Такая неопредѣленность повлекла за собою необходимо ослабленіе надзора за домашнимъ ученіемъ и открыла широкое поприще для прежнихъ злоупотребленій, особенно со стороны учителей-

---

(¹) Арх. Деп. Нар. Просв., Дѣла С. Петерб. Учебн. Округа, № 39328.

иностранцевъ. Дѣйствительно, въ 1824 году въ одной С. Петербургской губерніи оказалось 186 домашнихъ учителей языковъ и наукъ, не имѣвшихъ свидѣтельствъ на право ученія; большею частью это были французы и швейцарцы. Замѣчательна мѣра, принятая противъ такого зла университетскимъ правленіемъ: оно для предостереженія родителей публиковало въ газетахъ имена учителей, имѣющихъ право на преподаваніе ([1]). Безъ сомнѣнія, такая неполная мѣра не могла привести къ цѣли; злоупотребленія продолжались до самаго изданія въ 1834 г. особаго положенія о домашнихъ учителяхъ, которымъ ясно опредѣлены отношенія ихъ къ училищному начальству, установленъ строгій контроль за домашнимъ ученіемъ и возможность злоупотребленія значительно устранена тѣмъ важнымъ обстоятельствамъ, что учителямъ, выдержавшимъ опредѣленное испытаніе и занимающимся домашнимъ ученіемъ, подъ надзоромъ училищнаго начальства, предоставлены гражданскія и служебныя права ([2]).

Сдѣланный нами очеркъ хода частнаго ученія со временъ Петра Великаго до эпохи учрежденія нормальныхъ народныхъ училищъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что частное ученіе вообще не соотвѣтствовало взгляду Правительства на народное образованіе: съ одной стороны такое ученіе казалось недостаточнымъ и неразумнымъ въ рукахъ полуграмотныхъ русскихъ учителей въ родѣ Брудастаго, съ другой — представлялось вреднымъ и опаснымъ подъ вліяніемъ иностранцевъ, подобныхъ Вральману и Пеликану.

Устраняя вредныя крайности частнаго ученія разными мѣрами, Правительство наше однако не преслѣдовало его; но не

([1]) Арх. Департ. Народн. Просв., Дѣла С. Петерб. Учебн Округа, № 24803.

([2]) Журн. Мин. Народ. Просвѣщ., 1835 г., ч. V. Подробнѣе о домашнемъ ученіи сказано въ изданномъ мною Ист. стат. обозр. учеб. завед. С. Петерб. Округа, ч. I, 1849 г., стр. 35, 58, 152; ч. II, 1854 г., стр. 238—251.

въ немъ видѣло дѣйствительное средство для образованія массы, а въ учрежденіи правильно организованныхъ народныхъ училищъ. Въ этихъ видахъ открыты были Академія Наукъ въ С. Петербургѣ, университетъ съ двумя гимназіями въ Москвѣ и гимназія въ Казани; въ этихъ же видахъ въ разное время, начиная съ Петра Великаго, дѣлались попытки учрежденія первоначальныхъ народныхъ училищъ, попытки, какъ увидимъ изъ слѣдующаго обзора, постоянно неудававшіяся до самаго учрежденія Коммиссіи народныхъ училищъ въ 1782 г.

Первымъ опытомъ народныхъ училищъ были такъ-называемыя *цыфирныя* или *ариѳметическія школы,* устроенныя по указу Петра Великаго въ 1714 г. въ разныхъ городахъ имперіи. Первоначально школы эти, гдѣ обучали грамотѣ, цыфири и начальнымъ основаніямъ геометріи, имѣли спеціальное назначеніе — приготовлять для гражданской службы способныхъ и грамотныхъ людей; а потому посѣщеніе ихъ вмѣнено было въ непремѣнную обязанность только дѣтямъ людей приказнаго чина отъ 10 до 15 лѣтъ. Ученики, не успѣвшіе въ наукахъ, лишались права жениться, о чемъ сообщено было всѣмъ архіереямъ. Школы устроены были при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ; учителями были постоянно назначаемы воспитанники Навигацкой школы и Морской академіи; жалованье имъ опредѣлено было кормовыхъ въ день по 3 алтына и по 2 деньги изъ губернскихъ доходовъ; ученики учились безплатно и только по окончаніи ученія, при полученіи свидѣтельства, вносили въ пользу учителя по 1 рублю съ человѣка (¹).

Въ 1715 г., какъ видно изъ приказа адмиралу графу Апраксину, главному начальнику всего флота, выслать изъ школы учителей въ губерніи *«для науки молодыхъ ребятокъ изо всякихъ чиновъ людей»* (²), обязанность посѣщенія цыфирныхъ

(¹) Полн. Собр. Зак., Т. V, №№ 2762 и 2778.

(²) Полн. Собр. Зак., Т. V, № 2971. Подъ школою здѣсь слѣдуетъ понимать Морскую академію, состоявшую въ вѣдѣніи графа Апраксина, а не особую какую либо школу, какъ ошибочно показано

школъ распространена была на дѣтей всѣхъ званій, что въ указѣ 1719 г. обозначено еще точнѣе, гдѣ именно предписывается «въ опредѣленныя школы для ученія приказнаго чина дьячьихъ, подъяческихъ, посадскихъ, церковниковъ, монастырскихъ слугъ и прочихъ чиновъ людей, опричь дворянскихъ дѣтей, въ указныя лѣта высылать, не упуская времени, дабы за невысылкою учениковъ учителя безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали.» Такимъ образомъ цыфирныя школы сдѣлались школами чисто народными; отъ посѣщенія ихъ освобождены были только дѣти дворянъ, но и то потому, что для нихъ существовали особыя учебныя заведенія: Морская академія и артиллерійская и инженерная школы, куда они должны были поступать для ученія. Цыфирныя школы, получая учителей изъ Морской академіи, подчинены были вѣдомству Адмиралтейской коллегіи, а потому онѣ назывались также и *Адмиралтейскими* школами. Обыкновенно учителя, по требованію, высылались изъ Адмиралтейской канцеляріи въ Сенатскую, а изъ Сенатской отправлялись уже по губерніямъ. Мѣстный надзоръ за школами предоставленъ былъ губернаторамъ и воеводамъ, которые должны были заботиться объ исправномъ посѣщеніи школъ учениками и смотрѣть, чтобы учителя не дѣлали обидъ ученикамъ и не брали съ нихъ никакихъ налоговъ. Главное завѣдываніе цыфирными школа-

---

въ изданной мною книгѣ: Историч.-стат. обозр. учебн. завед. С. Петерб. Округа, 1849 г., стр. 3». Такъ мы думаемъ вопервыхъ потому, что объ особой школѣ адмирала Апраксина нигдѣ болѣе не упоминается, вовторыхъ потому, что графъ Апраксинъ имѣлъ главный надзоръ за Морскою академіею, и указы, касающіеся ея, давались на его имя, и въ-третьихъ наконецъ потому, что въ послѣдующихъ указахъ о высылкѣ учителей они называются различно: то навигаторами, то учениками академій (т. е. Морской Московской и С. Петербургской), то учениками математическихъ школъ (т. е. математическихъ классовъ при академіяхъ). Притомъ же всѣ учителя цыфирныхъ школъ состояли постоянно въ вѣдѣніи Адмиралтейской коллегіи, какъ получившіе образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ Морскаго вѣдомства.

ми поручено было полковнику Скорнякову-Писареву, бывшему директоромъ Морской академіи съ 1719 по 1728 годъ (1), который обо всемъ, касающемся школъ, доносилъ сначала прямо въ Сенатъ, а съ 1721 г. въ Адмиралтейскую коллегію (2). Туго шли однако цыфирныя школы. Изъ донесенія полковника Скорнякова-Писарева въ 1719 году мы видимъ, что изъ трехъ школъ: Псковской, Новгородской и Ярославской, только въ одну Ярославскую школу поступило 26 человѣкъ изъ церковниковъ, а въ прочія школы никого не явилось; то же самое, по рапортамъ навигаторовъ, было и въ школахъ Московской и Вологодской (3). Въ 1721 году въ Московскую школу набрали до 70 учениковъ разныхъ сословій; но въ этомъ числѣ не было никого присланныхъ изъ провинціи, а въ иныхъ губерніяхъ и провинціяхъ учащихся было весьма мало (4). Напрасно гремѣли царскіе указы противъ ослушниковъ: они встрѣчали себѣ оппозицію бóльшею частью безмолвную; а въ 1720 году явилось въ Сенатъ даже челобитье отъ посадскихъ людей, а именно отъ Каргопольцевъ, Устюжанъ, Вологжанъ, Калужанъ и другихъ городовъ, «что де въ помянутыя школы принуждаютъ ихъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга въ Вологду, а изъ Калуги въ Москву и въ томъ *держатъ изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ*, а дѣти де ихъ отъ 10 до 15 лѣтъ *обучаются купечеству* и вступаютъ въ торговые промыслы и сидятъ въ рядахъ за товарами и нынѣ де многіе изъ нихъ съ отцами и съ братьями и съ свойственниками и съ товарищами въ отъѣздахъ для торговъ въ дальныхъ городахъ. А съ торговыхъ де промысловъ отцы ихъ платятъ таможенныя пошлины и всякія подати и службы служатъ и ежели де дѣтей ихъ, купецкихъ людей, повелѣно будетъ брать въ тѣ школы, то они отъ торговъ и промысловъ своихъ вовсе отстанутъ и

(1) Обозр. Ист. Морс. Кор. Веселаго, стр. 48.
(2) Полн. Собр. Зак. т. V, №№ 2979, 3447, 3575, т. VI. 3703.
(3) Полн. Собр. Зак. т. V, № 3447.
(4) Полн. Собр. Зак т. VI, № 3703.

обучиться уже имъ впредь торговому промыслу будетъ невозможно, *а вышеписанной де науки многія изъ дѣтей ихъ обучаются и сами собою.* И чтобы Великій Государь пожаловалъ ихъ, не велѣлъ въ выше объявленныя школы съ посаду дѣтей ихъ имать, дабы отъ того въ положенныхъ на нихъ податяхъ и въ сборахъ таможенныхъ пошлинъ умаленія не было, а имъ бы отъ того въ разореніи не быть.» Челобитная посадскихъ, видѣвшихъ въ ученіи разореніе для себя, не была оставлена безъ вниманія; дѣтямъ ихъ предоставлено учиться въ цыфирныхъ школахъ по желанію ([1]). Приведенная нами выписка объясняетъ отчасти, почему желающихъ учиться въ школахъ было мало: система принужденія устрашала посадскихъ тѣмъ болѣе, что они должны были посылать дѣтей для ученія въ дальнія мѣста; обученіе купечеству, подъ которымъ понималось сидѣнье въ рядахъ за товарами и разъѣзды по ярмаркамъ, они предпочитали ученію грамотѣ и цыфири, которымъ наукамъ, какъ сказано въ челобитной, «*многія* изъ дѣтей ихъ обучаются и сами собою», т. е. дома.

Будучи освобождены отъ обязанности посѣщать школы, посадскіе перестали вовсе отдавать въ нихъ дѣтей своихъ: въ 1744 г. во всѣхъ цыфирныхъ школахъ не было ни одного ученика изъ дѣтей посадскихъ ([2]). Дѣти поповъ, дьяконовъ, церковниковъ и вообще лицъ, подчиненныхъ духовному вѣдомству, съ 1721 года, когда на основаніи духовнаго регламента учреждены были для нихъ особыя архіерейскія школы и семинаріи, также уволены были отъ ученія въ ариѳметическихъ школахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ школы эти выведены были изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей ([3]).

Въ 1732 году нанесенъ былъ окончательный ударъ цыфирнымъ школамъ учрежденіемъ *гарнизонныхъ школъ,* въ которыхъ должны были обучаться дѣти солдатъ и выслужив-

---

([1]) Полн. Собр. Зак. т. VI, № 3575.
([2]) Пол. Собр. Зак. т. XII, № 9054.
([3]) Полн. Собр. Зак. т. VI, № 4126.

шихся изъ нижняго званія офицеровъ не изъ дворянъ ([1]). Гарнизонныя школы устроены были на 4000 человѣкъ въ С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кексгольмѣ, Москвѣ, Казани, Смоленскѣ, Сибири, Астрахани, Воронежѣ, Бѣлгородѣ и въ крѣпости Св. Анны; предметы ученія въ нихъ были: 1) словесныя и письменныя науки, т. е. чтеніе и письмо, подъ руководствомъ ротныхъ писарей; 2) солдатскія экзерциціи (учителя — унтеръ-офицеры); 3) ариѳметика, артиллерійская и инженерная наука (наставники — знающіе эти науки офицеры полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ) ([2]). Неявившіеся въ школы считались и наказывались наравнѣ съ бѣглыми солдатами. Главная цѣль гарнизонныхъ школъ была не столько наука, сколько облегченіе государства въ доставленіи рекрутъ для военной службы ([3]); организаціею своею онѣ много напоминаютъ образованныя впослѣдствіи школы военныхъ кантонистовъ. Слѣдовательно съ указомъ 1732 года отъ ариѳметическихъ школъ отошли и дѣти солдатскія.

По всѣмъ этимъ причинамъ легко объясняется, отъ чего во всѣхъ цыфирныхъ школахъ имперіи въ 1744 г. было учащихся всего 222 человѣка, именно: въ Новгородѣ 56, Бѣлгородѣ — 2, Костромѣ — 37, Юрьевѣ Польскомъ — 18, Свіяжскѣ — 18, и Твери 91; но и въ этомъ небольшомъ числѣ болѣе половины учащихся въ Твери и Новгородѣ принадлежали къ солдатскому званію, такъ-какъ въ этихъ городахъ не было гарнизонныхъ школъ; остальные же были шляхетскія дѣти и подъяческія (послѣднихъ только 14 человѣкъ). Поэтому учителя, посланные изъ Адмиралтейской коллегіи, большею частью оставались безъ дѣла; изъ общаго числа ихъ, 47-ми, по неимѣнію учениковъ, 18 возвратились въ 1744 г. въ Москву, по требованію коллегіи. Изъ донесенія, сдѣланнаго въ Сенатъ 17 марта 1744 г. учителемъ Галицкой цыфирной школы Григо-

---

([1]) Полн. Собр. Зак. т. VIII, № 6188.
([2]) Полн. Собр. Зак. т XII, № 9054.
([3]) Полн. Собр. Зак. т VIII, № 6188.

ріемъ Корсаковымъ, видно, что онъ съ 1734 г. втеченіе 10-ти лѣтъ не имѣлъ почти вовсе учениковъ (¹).

Обстоятельства эти были причиной, что еще въ 1726 году послѣдовалъ указъ о соединеніи цыфирныхъ школъ съ архіерейскими и подчиненіи ихъ вѣдомству Сѵнода; но указъ этотъ, въ уваженіе доводовъ, представленныхъ Сѵнодомъ, не былъ приведенъ въ исполненіе, (²) и цыфирныя школы продолжали свое существованіе на прежнемъ основаніи до тѣхъ поръ, пока онѣ соединены были съ гарнизонными школами по указу 26 октября 1744 года. И дѣйствительно съ этого времени существованіе ихъ сдѣлалось уже излишнимъ. Дѣти дворянъ сюда почти не поступали, дѣти духовнаго званія и солдатскія имѣли свои особыя школы; охотниковъ учиться изъ подъяческихъ дѣтей было очень мало, а изъ прочихъ сословій и вовсе никого. По соединеніи цыфирныхъ школъ съ гарнизонными, послѣднія получили характеръ народныхъ школъ: въ нихъ, кромѣ солдатскихъ дѣтей, могли обучаться и всѣ желающіе, къ какому бы званію они ни принадлежали, могли, но, прибавимъ, не учились, потому-что или нечувствовали потребности учиться, или предпочитали домашнее ученіе. Впрочемъ цыфирныя школы соединены были съ гарнизонными только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ находились и гарнизонныя школы; тамъ же, гдѣ были однѣ цыфирныя школы, какъ напр. въ Новгородѣ, Костромѣ, Юрьевѣ-Польскомъ, Свіяжскѣ, Твери, учителя, посланные изъ Адмиралтейской коллегіи, были оставлены на прежнемъ основаніи и на прежнемъ жалованьѣ. Долго ли они продолжали учить, неизвѣстно: но если принять во вниманіе, кромѣ вышеизложеннаго, еще то, что они не имѣли съ 1744 года права учить солдатскихъ дѣтей, которыя съ этого времени отсылались въ ближайшія гарнизонныя школы, то едва ли

(¹) Полн. Собр. Зак. т. XII, № 9054.

(²) Поэтому въ изданной мною книгѣ: «Историч. Стат Обозр. Учеб. завед. С.-Петербургскаго Округа 1849 г. на стр. 4,» упомянуто о соединеніи цыфирныхъ школъ съ архіерейскими, что, какъ оказывается изъ указа 26 октября 1744 г. (т. XII, № 9054), не имѣвшагося тогда у меня въ виду, не состоялось.

не оставались они учителями только по имени, безъ учениковъ.

Отыскивая причины такого малаго успѣха цыфирныхъ школъ, мы, судя по даннымъ, нами изложеннымъ, полагаемъ, что объясненія такого явленія, кажется, слѣдуетъ главнымъ образомъ искать въ незрѣлости общества, не сознававшаго еще потребности въ ученіи и не видѣвшаго въ немъ прямой пользы: челобитная посадскихъ, о которой мы упоминали выше и уклоненіе отъ школъ дѣтей прочихъ званій служатъ тому подтвержденіемъ. Если же и находились ученики въ цыфирныхъ школахъ, то это были ученики по неволѣ. Такъ въ 1744 году въ спискѣ учениковъ стоятъ дѣти приказныхъ, солдатскія дѣти и шляхетскія; первыя были обязаны учиться; вторыя учились въ Новгородѣ и Твери, чтобы избѣгнуть отправленія съ мѣстъ своей родины въ горнизонныя школы, находившіяся въ другихъ городахъ; наконецъ изъ шляхетскихъ т. е. дворянскихъ дѣтей посѣщали цыфирныя школы вѣроятно такія, которыя, на основаніи указа 8-го января 1737 года, оставлены были для ученія дома, по обязательству, взятому съ ихъ родителей ([1]). Подобное уклоненіе отъ ученія и особенно въ общественныхъ училищахъ было, какъ мы видѣли, общимъ тому времени. Система принужденія, употреблявшаяся правительствомъ для противодѣйствія этому злу, помогала мало и такимъ образомъ подтверждала ту истину, что охоту къ ученію нельзя вбить палкой.

Императрица Екатерина II-я, вступивши на престолъ, обратилась къ другой системѣ для распространенія образованія. Въ учрежденіи о губерніяхъ, обнародованномъ 7-го ноября 1775 года, «попеченіе объ установленіи и *прочномъ* основаніи народныхъ школъ» возложено было на вновь образованные Приказы Общественнаго Призрѣнія. Они обязаны были заводить училища сначала во всѣхъ городахъ, а потомъ и въ многолюдныхъ селеніяхъ «для всѣхъ, кто *добровольно* пожелаетъ учиться въ нихъ (въ чемъ однако же никому *не чинить при-*

([1]) Полн. Собр. Зак. т XII, ст. 9054.

нужденія, но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу, или оставлять дома)». Предметами ученія назначены были на первый случай: чтеніе, письмо, рисованіе, ариѳметика и Законъ Божій для дѣтей православнаго исповѣданія; бѣдные ученики могли учиться безплатно, а съ достаточныхъ требовалась умѣренная плата.

Предоставивъ родителямъ совершенную свободу въ ученіи дѣтей, Императрица запретила вмѣстѣ съ тѣмъ употреблять въ школахъ тѣлесное наказаніе и обратила вниманіе на то, чтобы въ нихъ наблюдали за чистотою, опрятностью и свѣжестью воздуха. Мѣрами этими она справедливо надѣялась скорѣе, чѣмъ принужденіемъ, достигнуть предположенной цѣли ([1]). Если судить по немногимъ даннымъ, сохранившимся для насъ, то приказы въ первое время дѣйствовали весьма медленно при заведеніи училищъ. Не имѣя ни учителей, ни руководствъ и не зная, какъ приняться за дѣло, они естественно и не могли успѣть въ немъ; школы открывались только коегдѣ и кое-какія. Такъ напримѣръ были заведены школы въ Олонцѣ, Петрозаводскѣ, Калугѣ, Тулѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Москвѣ, Новой Ладогѣ и Рязани ([2]). Въ С.-Петербургѣ первая народная школа подъ именемъ Исакіевскаго училища устроена была въ 1781 году, въ первой части города, на счотъ суммъ Собственнаго Кабинета. «Нѣтъ сомнѣнія», говорится въ Именномъ Указѣ, данномъ по этому случаю, «что въ прочихъ частяхъ города обитатели, по мѣрѣ состоянія своего, не отрекутся содѣйствовать пользѣ согражданъ своихъ и самихъ ихъ изъ сего ожидаемой» ([3]). Примѣръ, поданный Императрицею,

---

([1]) Полн. Собр. Зак. т. XX № 14,392 гл. XXV. Уже въ Регламентѣ Главнаго Магистрата, изд. при Петрѣ Великомъ въ 1721 г., попеченіе о распространеніи народныхъ школъ возложено было на магистраты, которые, какъ извѣстно, образовались уже съ учрежденіемъ о губерніяхъ при Екатеринѣ Великой. (Полн. Собр. Зак. т. VI, № 3708).

([2]) Журн. постанов. Ком. Учил. 17 сентября 1784 г. 11 ноября 1785 г, 13 января, 25 апрѣля и 29 іюля 1786 г.

([3]) Полн. Собр. Зак. т. XXI, № 15,121.

подѣйствовалъ благотворно; въ томъ же году, кромѣ Исакіевскаго училища, въ Петербургѣ открыты были еще шесть народныхъ училищъ, получившихъ названіе отъ церквей, близъ которыхъ онѣ были помѣщены: во 2-й Адмиралтейской части — Вознесенское, въ Московской части — Владимірское, въ Литейной — Симеоновское, въ Васильевской — Андреевское, въ Петербургской — Введенское, и въ Выборгской — Самсоньевское. Училищный капиталъ приказа, составленный изъ добровольныхъ пожертвованій, простирался къ концу года до 31,663 рублей, а общее число учащихся въ училищахъ составляло 486 человѣкъ (между ними 12-я часть женскаго пола). По званіямъ это были дѣти купцовъ, мѣщанъ и отчасти офицеровъ, приказныхъ, придворныхъ, господскихъ служителей и солдатъ; всѣ учились вмѣстѣ, безъ раздѣленія на классы: Закону Божію, чтенію и письму — у священниковъ приходскихъ церквей, ариѳметикѣ — у сержантовъ и штыкъ-юнкеровъ гвардейскихъ полковъ столицы, и рисованію — у разныхъ учителей. Для завѣдыванія училищами со стороны приказа назначены были статскій совѣтникъ Леонтьевъ и коллежскій ассессоръ Струговщиковъ [1].

Естественно, что такое положеніе училищъ не могло представлять достаточнаго ручательства за успѣшность ихъ дѣйствій и даже за прочность самаго существованія. Отсутствіе опредѣленнаго плана въ ученіи, недостатокъ въ учебникахъ и учителяхъ, проникнутыхъ твердыми и ясными педагогическими убѣжденіями, при господствовавшемъ предубѣжденіи къ общественному ученію, предвѣщали въ будущемъ мало хорошаго. Императрица понимала все это, какъ нельзя лучше, а потому, не удовлетворившись полумѣрами, имѣвшими притомъ мѣстное и ограниченное вліяніе, рѣшилась на важный подвигъ распространенія образованія по всей Имперіи и утвержденія его на прочныхъ непоколебимыхъ началахъ. Съ этою цѣлью въ 1782 году образована была особая Коммиссія объ учреж-

---

[1] Арх. Деп. Нар. Просвѣщ. №№ 38,433 и 38,421, объ открытіи училищъ въ С.-Петербургской губерніи.

деніи народныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Петра Васильевича Завадовскаго, бывшаго впослѣдствіи первымъ у насъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и по основательному образованію и любви къ просвѣщенію принадлежавшаго къ передовымъ людямъ своего времени. По выбору Завадовскаго членами Коммиссіи назначены были дѣйствительные статскіе совѣтники: Францъ Ивановичъ Эпинусъ, бывшій наставникомъ математики и физики при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, и Петръ Ивановичъ Пастуховъ, состоявшій при принятіи прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Задача Коммиссіи должна была состоять въ приготовленіи хорошихъ учебныхъ книгъ, въ образованіи способныхъ и надежныхъ преподавателей и въ устройствѣ народныхъ училищъ на основаніи современныхъ педагогическихъ началъ — задача весьма важная, требовавшая для успѣшнаго рѣшенія не только знакомства съ лучшими педагогическими теоріями, но и умѣнья примѣнить ихъ къ дѣлу, сообразно съ мѣстнымъ характеромъ народа и основными законами государства. Поэтому въ помощь Коммиссіи, при образованіи училищъ, данъ былъ человѣкъ практически знакомый съ этимъ дѣломъ и уже получившій извѣстность на этомъ поприщѣ, директоръ Темешварскихъ училищъ, Өедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево, вызванный съ этою цѣлью въ Россію. При такой обстановкѣ дѣла нельзя было уже сомнѣваться въ успѣхѣ, тѣмъ болѣе что Императрица лично соизволила принять въ немъ самое живое участіе, предоставивъ себѣ непосредственно главный надзоръ и руководство въ этой важной отрасли государственнаго благосостоянія. Не принимая на себя полной и подробной оцѣнки всѣхъ дѣйствій Коммиссіи училищъ, мы надѣемся однако дать нѣкоторое понятіе о важности ея заслугъ по тѣмъ даннымъ, которыя представляютъ дѣятельность собственно Янковича, какъ одного изъ главнѣйшихъ и неутомимѣйшихъ ея сотрудниковъ. Вышеприведенные нами факты о характерѣ ученія и воспитанія въ современныхъ Янковичу учебныхъ и воспитательныхъ нашихъ заведеніяхъ, по сравненію съ ними, дадутъ возможность нашимъ читателямъ

оцѣнить болѣе или менѣе вѣрно заслуги, оказанныя Янковичемъ русскому просвѣщенію.

Дѣйствія Коммиссіи училищъ начались съ 13-го сентября 1782 года; въ первомъ же засѣданіи ея устройство собственно учебной части народныхъ училищъ поручено было Янковичу; всѣ соображенія въ этомъ отношеніи дѣлались имъ и потомъ представлялись на обсужденіе Коммиссіи, которая почти всегда утверждала ихъ вполнѣ. Образцомъ для Янковича служили близко знакомыя ему школы Австрійской имперіи.

По плану его народныя элементарныя школы составляютъ три разряда: 1) малыя школы (двухкласныя), 2) среднія школы (трехклассныя), и 3) главныя школы (четырехклассныя). Въ школахъ перваго разряда обучаютъ: въ первомъ классѣ: чтенію и письму, знанію цыфири, церковныхъ и римскихъ чиселъ, сокращенному катехизису, Священной исторіи и первоначальнымъ правиламъ русской грамматики. Во второмъ классѣ: послѣ повторенія предъидущаго,— пространному катехизису безъ доказательствъ изъ Священнаго Писанія, чтенію книги о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметикѣ 1-й и 2-й части, чистописанію и рисованію.

Въ школахъ второго разряда къ первымъ двумъ классамъ малыхъ школъ присоединялся еще третій классъ, въ которомъ, при повтореніи прежняго, учатъ пространному катехизису съ доказательствами изъ Священнаго Писанія, чтенію и изъясненію Евангелій, русской грамматикѣ съ упражненіями въ правописаніи, всеобщей исторіи и всеобщей и русской географіи въ сокращонномъ видѣ и чистописанію.

Школы четвертаго разряда (главныя) состоятъ изъ четырехъ классовъ; курсъ первыхъ трехъ — тотъ же, что̀ и въ среднихъ школахъ; въ четвертомъ классѣ преподаются: всеобщая и русская географія, всеобщая исторія болѣе подробно, русская исторія, математическая географія съ задачами на глобусѣ, русская грамматика съ упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ, употребительныхъ въ общежитіи, какъ-то: въ письмахъ, счотахъ, роспискахъ и т. п., основанія геометріи,

механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры (для упражненія въ послѣдней требуется черченіе плановъ) и рисованіе.

Удостоивъ этотъ планъ Высочайшаго одобренія, Императрица приказала кромѣ того ввести въ главныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе *латинскаго* языка и одного изъ сосѣднихъ иностранныхъ языковъ, какъ напр. *нѣмецкаго* въ губерніяхъ, смежныхъ съ Остзейскимъ краемъ, *греческаго* языка въ губерніяхъ Кіевской, Новороссійской и Азовской, *арабскаго* — въ губерніяхъ къ сторонѣ Татарской, Персидской и Бухарской, и *китайскаго* — въ губерніяхъ Иркутской и области Колыванской. Впрочемъ это Высочайшее повелѣніе, относительно трехъ послѣднихъ языковъ, никогда не приводилось въ исполненіе, по неимѣнію способныхъ къ тому учителей. Французскій языкъ, по волѣ Императрицы, исключонъ былъ изъ курса народныхъ училищъ и предоставленъ домашнему ученію, на собственную волю учащихся. На полный курсъ ученія опредѣлялось пять лѣтъ, по одному году въ низшихъ трехъ классахъ и по два въ четвертомъ классѣ.

При бѣгломъ взглядѣ на этотъ курсъ народныхъ училищъ, мы видимъ, что въ основѣ его лежитъ реальное направленіе; послѣ пріобрѣтенія навыка въ чтеніи, письмѣ и ознакомленія съ основаніями религіи, съ ариѳметикой, исторіей и географіей слѣдуютъ изученіе природы въ главныхъ чертахъ (физика и естественная исторія) и основаній техническихъ наукъ и искусствъ, имѣющихъ приложеніе къ жизни: геометріи, механики, гражданской архитектуры и рисованія. Выборъ книги «о должностяхъ человѣка и гражданина», назначенной для чтенія во второмъ классѣ, долженъ былъ довершать элементарное образованіе указаніемъ юношеству будущихъ его обязанностей и отношеній къ семейству, обществу и государству. Способъ ученія всѣмъ предметамъ, о которомъ мы скажемъ ниже, также имѣлъ въ виду, кромѣ развитія способностей, практическое приложеніе знаній къ жизни.

Въ подобной организаціи элементарныхъ школъ мы видимъ сходство съ взглядомъ на эти школы Коменія, трудив-

шагося въ половинѣ XVII столѣтія надъ устройствомъ элементарныхъ школъ въ Венгріи и Семиградскомъ княжествѣ. Реальныя знанія, по его мнѣнію, необходимы для элементарныхъ школъ, образуя не только будущаго ученаго, но и будущаго помѣщика, купца и т. д. Гимназическое образованіе должно уже слѣдовать за нимъ ([1]). Народныя школы, устроенныя у насъ Янковичемъ, также должны были образовать земледѣльца, ремесленника, художника и имъ подобныхъ. Тѣ же дѣти, которыя, выходя изъ школы, имѣютъ въ виду дальнѣйшее усовершенствованіе въ наукахъ, вступаютъ въ училища *высшихъ* степеней, т. е. гимназіи и университеты.

О гимназіяхъ и университетахъ мы скажемъ ниже; теперь же обратимся къ народнымъ училищамъ и покажемъ сначала распространеніе ихъ втеченіе первыхъ осьми лѣтъ, т. е. до конца 1789 года. Прежде всего съ 1782 по 1784 г. включительно устроены были малыя народныя училища въ С. Петербургѣ и въ городахъ С. Петербургской губерніи, и открыты въ С. Петербургѣ два главныя народныя училища: одно русское и другое нѣмецкое, какъ нормальныя, долженствовавшія служить образцами для всѣхъ имъ подобныхъ: первое для русскихъ, а второе, образованное изъ училища при церкви Св. Петра, для нѣмецкихъ училищъ въ С. Петербургѣ, Выборгской губерніи и Остзейскомъ краѣ. Въ 1785 г. 22-го сентября представилась возможность открыть еще 25 главныхъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Вологодской, Владимірской, Костромской, Олонецкой, Архангельской, Казанской, Вятской, Нижегородской, Пензенской, Пермской, Саратовской, Симбирской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской, Тульской, Калужской, Тверской, Новгородской, Псковской и Смоленской; наконецъ въ 1788 и 1789 году возникли главныя народныя училища въ остальныхъ губерніяхъ: Выборгской, Ревельской, Рижской, Полоцкой, Могилевской, Новгородсѣверской, Чер-

([1]) Geschichte der Pädagogik von Karl von Raumer, 2-е изданіе, часть 2-я стр. 82.

ниговской, Кіевской, Харьковской, Кавказской, Уфимской, Колыванской, Тобольской, Иркутской, Екатеринославской, Таврической области и Землѣ Войска Донского. Отъ этихъ главныхъ училищъ, какъ отъ корней, пустили ростки свои по небольшимъ городамъ малыя народныя училища, такъ-что къ концу 1789 года считалось уже всѣхъ народныхъ училищъ до 170-ти, и въ томъ числѣ главныхъ народныхъ 43. Среднія училища, предположенныя по плану, хотя и возникали, каковыми напримѣръ въ С. Петербургѣ въ 1787 году были Андреевское и Владимірское училища; но будучи по существу своему переходными, онѣ не могли удержаться долго и, по ненадобности въ главныхъ, нисходили опять на степень малыхъ училищъ, поэтому и въ училищномъ уставѣ 5-го августа 1786 г. сохранены только два разряда училищъ: малыя и главныя [1].

Но не одно количество училищъ, выросшихъ какъ бы изъ земли втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, останавливаетъ наше вниманіе, но и значительное число учащихся въ нихъ; особенно это можно сказать о С. Петербургскихъ училищахъ, въ которыхъ считалось въ 1786 г. уже 2612 учащихся обоего пола; болѣе всего наполнены были низшіе классы, заключавшіе въ себѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ свыше ста человѣкъ, и потому раздѣленные въ нихъ на два отдѣленія. Публичныя испытанія, которыя по духу того времени имѣли важное значеніе и о которыхъ въ столицѣ публиковали заблаговременно въ вѣдомостяхъ, привлекали, по-крайней-мѣрѣ въ началѣ, многочисленныхъ посѣтителей. Участіе къ училищамъ выражалось кромѣ того и матеріяльными доказательствами; такимъ образомъ пожертвованы были домы для училищъ — въ 1783 г.: въ Кронштадтѣ — купцомъ Мургановымъ, въ Софіи — дворяниномъ Лазаревымъ; въ 1784 г.: въ С. Петербургѣ для Вознесен-

---

(1) Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано нѣкоторое измѣненіе въ распредѣленіи курса, именно всеобщая и русская географія и всеобшая исторія проходятся въ главныхъ народныхъ училищахъ не сокращонно, а подробно, начинаясь въ третьемъ классѣ и оканчиваясь въ четвертомъ.

скаго училища — прихожанами Вознесенской церкви и для Казанскаго училища — купцомъ Михайловымъ [1].

Такое быстрое развитіе училищъ и въ столь короткое время невольно поражаетъ насъ, особенно по сравненію съ прежними, постоянными въ этомъ дѣлѣ неудачами. Объясненія такого явленія мы должны искать не въ административныхъ распоряженіяхъ, которыя, какъ показалъ предъидущій опытъ, не могутъ упрочить существованіе школъ, не въ матеріяльномъ обезпеченіи ихъ, которое, хотя и весьма важно, но одно само по себѣ неспособно принести какіе-либо плоды, и наконецъ не въ умно составленномъ планѣ ученія, потому-что планы весьма часто остаются безъ исполненія; но въ вѣрныхъ, зрѣло облуманныхъ средствахъ для осуществленія плана ученія, начертаннаго Янковичемъ. Средства эти заключались въ образованіи способныхъ учителей, составленіи хорошихъ учебниковъ и введеніи методы ученія, основанной на началахъ здравой педагогики.

Образованіе для народныхъ училищъ первыхъ учителей, знакомыхъ съ требованіями дидактики и педагогики — исключительно принадлежитъ Янковичу; въ этомъ дѣлѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, экзаменовалъ молодыхъ людей, желавшихъ посвятить себя учительскому званію, знакомилъ ихъ съ методою ученія и, по требованію Коммиссіи, назначалъ на то или другое мѣсто, смотря по способностямъ каждаго.

По плану, принятому Коммиссіею — обезпечить сначала въ отношеніи учителей малыя народныя училища, уже существовавшія въ С. Петербургѣ, — первые учителя, порученные руководству Янковича, назначались для этихъ училищъ. Чтобы выиграть время, Коммиссія съ этою цѣлью, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, потребовала на первый разъ изъ Александро-Невской семинаріи 20 лучшихъ семинаристовъ, которые имѣли бы уже свѣдѣнія, достаточныя для преподава-

---

[1] Истор. стат. обозр. учебн. зав. С. Петербургскаго Округа съ 1715 по 1828 г. стр. 29 и 71, и Журн. Комм. Училищъ 30-го декабря 1782 г., 28-го октября 1783 г. и 4-го и 8-го іюня 1784 г.

нія въ малыхъ училищахъ, и которымъ оставалось бы только научиться у Янковича новому учебному способу, т. е. искусству преподавать. Изъ числа 20 человѣкъ, явившихся къ Янковичу въ октябрѣ мѣсяцѣ, пятеро, по совершенной слабости знаній, были отосланы назадъ, а остальные 15, по изученіи новаго учебнаго способа, продолжавшемся съ 15 октября по 20 декабря, опредѣлены были учителями въ малыя народныя училища въ С.-Петербургѣ для преподаванія всѣхъ предметовъ, кромѣ ариѳметики, въ которой «сами они были не довольно искусны» и обученіе которой осталось поэтому за прежними преподавателями, опредѣленными еще Приказомъ Общественнаго Призрѣнія. Во время ученія семинаристы были помѣщены въ особомъ домѣ, близъ Исакіевскаго училища, гдѣ они слушали преподаваніе Янковича и сами учили подъ его личнымъ руководствомъ; на содержаніе получали они по 15 коп. въ сутки и кромѣ того единовременно на всѣхъ ихъ, для покупки хозяйственныхъ принадлежностей, выдано было 25 рублей (1).

Въ слѣдующемъ году въ февралѣ мѣсяцѣ Коммиссія училищъ, имѣя въ виду расширеніе С.-Петербургскихъ училищъ и заведеніе малыхъ училищъ въ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи, положила вновь требовать изъ Московской Духовной академіи 20 человѣкъ и изъ Казанской, Смоленской и Тверской семинарій по 10 человѣкъ изъ каждой, всего 50 человѣкъ. Смотря на это дѣло серьозно, Коммиссія при подобныхъ требованіяхъ принимала необходимыя мѣры предосторожности, сама назначала семинаристовъ по спискамъ, предварительно къ ней высылавшимся и заключавшимъ въ себѣ показанія объ успѣхахъ и поведеніи каждаго и притомъ всякій разъ просила присылать только въ такомъ случаѣ, если «нравы и поведеніе требуемыхъ семинаристовъ показаннымъ объ нихъ въ спискѣ способностямъ соотвѣтствуютъ». Къ этимъ условіямъ присоединялись еще другія: возрастъ не менѣе 18

(1) Жур. Ком. Учил. 27 сентября 1-го, 4-го, 8-го, 11-го и 15-го октября и 20 декабря 1782 года.

лѣтъ, первоначальныя свѣдѣнія въ ариѳметикѣ, географіи, катехизисѣ и руской граматикѣ и «нѣкоторый даръ сообщенія, который узнавать можно изъ отвѣтовъ ученическихъ на вопросы».

Въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ опредѣлено было, для предполагавшейся къ открытію учительской семинаріи, вытребовать еще 100 человѣкъ изъ разныхъ духовныхъ семинарій, что съ прежними 65-ю составляло 165 воспитанниковъ, доставленныхъ духовными семинаріями втеченіе одного года.

Впрочемъ требованія Коммиссіи не ограничивались одними семинаріями: она вызывала желающихъ поступить въ учителя также изъ Академической гимназіи, Московскаго университета и Харьковскаго коллегіума [1] и принимала постороннихъ лицъ разныхъ званій. Но всѣ эти источники были скудны и не надежны: Академичекая гимназія не доставила ни одного студента; присланные въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Московскаго университета 4 студента отказались слушать новый учебный способъ у Янковича и въ іюнѣ возвращены обратно; изъ Харьковскаго коллегіума поступило только 5 человѣкъ; вольноопредѣляющихся же было также мало, именно всего 12 человѣкъ; въ 1783 г. двое: служитель Дворцовой канцеляріи Яковъ Бритвинъ и сынъ отставного сержанта Андрей Пряхинъ; въ 1786 году пятеро, и всѣ изъ духовныхъ семинарій; въ 1787 году также пять человѣкъ: трое семинаристовъ и двое изъ другихъ званій: провинціальный секретарь Василій Мочульскій и вольный человѣкъ Иванъ Винтеръ. Со всѣхъ этихъ лицъ, до принятія ихъ на казенное содержаніе, Коммис-

---

[1] Харьковскій коллегіумъ основанъ въ 1765 г., какъ видно изъ матеріаловъ для Народнаго Просвѣщенія въ Россіи, г. Кёппена. О предметахъ ученія въ немъ можно судить по аттестаціи присланныхъ въ Коммиссію двухъ учителей низшихъ классовъ этого коллегіума Соколовскаго и Корнѣева, изъ которыхъ первый обучался Закону Божію, россійскому правописанію, французскому языку, географіи, исторіи, ариѳметикѣ, геометріи и играть на клавикордахъ, другой — тому же, за исключеніемъ россійскаго правописанія, и кромѣ того еще геодезіи. Жур. Ком. Учил. 14 ноября 1783 года.

сія брала письменныя обязательства служить безъ всякихъ отговорокъ въ учительскихъ должностяхъ, чтобы такимъ образомъ издержки и труды, употребленные на ихъ ученіе, не оставались напрасными. Въ этомъ числѣ вольноопредѣлявшихся мы не считаемъ присылавшихся по временамъ изъ разныхъ мѣстъ для изученія учебнаго способа молодыхъ людей, которые собственно не принадлежали къ казеннымъ воспитанникамъ Коммиссіи училищъ и, по исполненіи своего порученія, возвращались по принадлежности. Такъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1783 года пріѣзжали въ С.-Петербургъ для изученія учебнаго способа изъ Архангельска и Ярославля канцеляристъ Васильевскій и подканцеляристъ Чумаковъ, въ октябрѣ того же года изъ Тулы — Миловановъ и изъ Калуги — Марковъ, въ октябрѣ 1784 года изъ Курска — копеистъ Грищенковъ, въ іюнѣ 1786 года изъ Могилева — два семинариста: Иванъ Захаржевскій и Василій Вяжекъ, присланные отъ тамошняго архіерея для изученія учебнаго способа, предполагаемаго къ введенію потомъ въ семинарію. Слѣдовательно главнымъ источникомъ для снабженія народныхъ училищъ учителями постоянно оставались духовныя училища [1].

Показанный нами приливъ молодыхъ людей, вызванныхъ въ 1783 году Коммиссіею изъ разныхъ мѣстъ для приготовленія къ учительскимъ должностямъ, потребовалъ учрежденія особаго нормальнаго учительскаго института, въ которомъ бы молодые люди не только учились способу ученія, но и могли пріобрѣтать новыя свѣдѣнія, необходимыя для преподаванія въ высшихъ классахъ главныхъ народныхъ училищъ, скорое открытіе которыхъ имѣла въ виду Коммиссія. Такимъ институтомъ явилась учительская семинарія при главномъ народномъ училищѣ, открытомъ въ С.-Петербургѣ 13-го декабря 1783 г. Учебная и воспитательная часть этого новаго заведенія устроены были по мысли Янковича, который вмѣстѣ съ

[1] Журн. Комм. Учил. 28-го марта, 23-го мая, 3-го и 13-го іюня, 8-го августа, 2-го декабря 1783 г., 12-го октября 1784 г., 28-го іюля 1786 года.

тѣмъ принялъ и начальство надъ нимъ по званію директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи.

Курсъ наукъ въ учительской семинаріи былъ одинаковъ съ курсомъ главнаго народнаго училища, о которомъ говорили мы выше: но такъ-какъ назначеніе воспитанниковъ семинаріи состояло въ томъ, чтобы занять со временемъ мѣста учителей въ высшихъ двухъ классахъ главныхъ народныхъ училищъ, предполагавшихся къ открытію, то всѣ науки проходились здѣсь подробнѣе, чѣмъ полагалось въ обыкновенныхъ главныхъ народныхъ училищахъ. Для преподаванія ихъ въ 3 и 4 классахъ приглашены были профессора изъ адъюнктовъ Академіи Наукъ: Зуевъ, Гакманъ, Головинъ и профессоръ Московскаго университета Сырейщиковъ; обученіе нѣмецкому и латинскому языкамъ въ низшихъ классахъ поручено было Гертвигу, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и смотрителемъ учительской семинаріи, а въ низшіе два класса назначены учителями лучшіе изъ воспитанниковъ, приготовленныхъ Янковичемъ втеченіе 1782 и 1783 годовъ. Кромѣ того для бóльшаго усовершенствованія въ наукахъ воспитанники высшихъ двухъ классовъ посѣщали публичныя лекціи въ Академіи Наукъ, а въ февралѣ 1787 года къ общему курсу присоединенъ былъ еще греческій языкъ (¹).

Придавая огромное значеніе наглядности въ преподаваніи, Янковичъ особенно заботился о снабженіи созданнаго имъ воспитательнаго заведенія всѣми необходимыми учебными пособіями. Недостатокъ матеріяльныхъ средствъ его не останавливалъ: онъ умѣлъ отыскивать случаи пріобрѣтать нужное для училища за недорогую цѣну. Кабинетъ естественной исторіи при училищѣ заключалъ въ себѣ собраніе главнѣйшихъ породъ изъ царства животныхъ и царства ископаемыхъ, значительный травникъ (гербарій) и книги съ изображеніями тѣхъ предметовъ, которыхъ невозможно было имѣть въ натурѣ. Для класса математики и физики пріобрѣтены были болѣе нуж-

(¹) Жур Ком. Учил. 27 мая 1785 г., 9-го декабря 1783 г. 9-го января 1784 г. и 20 февраля 1787 года.

ныя модели и инструменты, а для механики и гражданской архитектуры выписаны въ 1788 г. изъ Вѣны въ достаточномъ количествѣ разные чертежи, модели и машины. Въ библіотекѣ для чтенія, въ пособіяхъ по географіи и исторіи и вообще въ хорошихъ по тому времени учебникахъ по всѣмъ предметамъ также не было недостатка, въ чемъ, какъ мы увидимъ ниже, Янковичъ лично принималъ самое живое и самое дѣятельное участіе (¹).

О способѣ преподаванія наукъ въ главномъ народномъ училищѣ мы будемъ еще говорить подробно; теперь же представимъ въ краткомъ очеркѣ внѣшнее устройство учительской семинаріи, образъ жизни воспитанниковъ, характеръ ихъ внѣ — классныхъ занятій и общее направленіе воспитанія.

Число казенныхъ воспитанниковъ ко времени открытія учительской семинаріи простиралось до ста, какъ положено было и по штату; выбраны были лучшіе, остальные же распредѣлены по мѣстамъ учителями малыхъ народныхъ училищъ. Какъ трудно было Янковичу дѣлать выборъ изъ семинаристовъ, учившихся у него новому учебному способу, и какъ немногіе изъ нихъ сознавали въ себѣ призваніе къ ученію, видно изъ просьбы ихъ, поданной 30 сентября 1783 года. Услышавъ, что имъ предстоитъ учиться еще разнымъ наукамъ въ высшихъ двухъ классахъ главнаго народнаго училища, приготовлявшагося къ открытію, они просили Янковича уволить ихъ отъ этихъ наукъ, «представляя къ тому свои лѣта и неспособности, а болѣе, что они въ наукахъ сихъ до сего времени никакого основанія еще не положили, а вмѣсто того распредѣлить ихъ учителями въ малыя училища тѣхъ мѣстъ и городовъ, откуда они родомъ». Просьба эта была уважена Коммиссіею училищъ только въ отношеніи къ менѣе способнымъ; прочіе же должны были поступить въ учительскую семинарію для продолженія ученія (²).

(¹) Жур. Ком. Учил. 9 января 1784 г., 10 іюля 1788 г. и 10 іюня 1786 года.

(²) Жур. Ком. Учил. 30 сентября 1783 г.

Учительская семинарія была закрытымъ учебнымъ заведеніемъ; воспитанники ея, до отдѣленія семинаріи отъ главнаго народнаго училища, послѣдовавшаго въ 1786 году, учились вмѣстѣ съ приходящими учениками; каждый изъ нихъ могъ выходить изъ дому семинаріи, но всякій разъ съ позволенія смотрителя и въ случаѣ крайней надобности, при чемъ, для предосторожности, отлучавшагося изъ дому сопровождалъ одинъ изъ товарищей его, чтобы такимъ образомъ они отвѣчали другъ за друга (¹); ночевать внѣ семинаріи ни въ какомъ случаѣ не позволялось.

Въ самой семинаріи всѣ воспитанники составляли нѣсколько товариществъ, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ по 20 человѣкъ и состояло въ полномъ повиновеніи у старшаго, ими самими выбраннаго. Полный надзоръ за порядкомъ и поведеніемъ воспитанниковъ возложенъ былъ на смотрителя, который дѣйствовалъ на заведеніе посредствомъ старшихъ, доносившихъ ему ежедневно утромъ и вечеромъ о дневныхъ происшествіяхъ.

На обязанности старшаго, кромѣ надзора за порядкомъ, лежало хозяйство своего товарищества; въ началѣ каждаго мѣсяца онъ принималъ отъ купчины (эконома) опредѣленный запасъ муки и крупъ и деньги на покупку харчей; припасы эти хранились въ особой запертой комнатѣ, ключъ отъ которой находился у старшаго, и раздавались имъ по мѣрѣ надобности, при помощи одного изъ товарищей. Въ концѣ мѣсяца онъ давалъ во всѣхъ издержкахъ отчотъ своему товариществу. Назначеніе кушанья на каждый день зависѣло также отъ старшаго; предъ обѣдомъ и ужиномъ онъ читалъ молитву вслухъ и за столомъ занималъ первое мѣсто; въ воскресеные и праздничные дни онъ сопровождалъ воспитанниковъ своего товарищества въ церковь и отвѣчалъ при этомъ за порядокъ и благочиніе. На немъ же лежали наблюденіе за

(¹) То же самое въ отношеніи къ семинаристамъ предписывалось Духовнымъ Регламентомъ, составленнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

цѣлостью казенныхъ вещей своихъ товарищей и распредѣление ихъ между ними. Прислуга товарищества, заключавшаяся въ одномъ служителѣ (работникѣ), убиравшемъ комнаты и приготовлявшемъ кушанья, находилась въ полномъ распоряженіи старшаго. Будучи обязанъ знать всѣхъ принадлежащихъ къ своему товариществу, старшій велъ имъ списки, изъ которыхъ въ одномъ, передававшемся каждый мѣсяцъ смотрителю, отмѣчались лѣта, происхожденіе, поведеніе, прилежаніе и *нравъ*, а въ другомъ, подававшемся ежедневно учителямъ въ классѣ, записывалось отсутствіе учениковъ.

Время ложиться спать не было назначено; по вечерамъ занимались, сколько кому было нужно, но всегда сидя за столомъ, а не лежа въ постелѣ; послѣднее, также какъ и куреніе табаку, строго преслѣдовалось. Вставать всѣ должны были за два часа до начатія классовъ, именно зимою въ шесть часовъ, а лѣтомъ въ пять, при чемъ какъ вечеромъ передъ сномъ, такъ и утромъ послѣ сна читались поочередно однимъ изъ учениковъ, по назначенію старшаго, молитвы утренняя и вечерняя.

Въ камерахъ во время занятій ученики должны были «воздерживаться отъ шуму, пустословія, срамныхъ пѣсенъ и безчинныхъ разсказовъ, но все время свое на полезныя упражненія употреблять». Вообще же предписывалось «другъ друга почитать и любить, между собою ссоръ и дракъ не заводить, язвительнымъ образомъ не шутить, другъ друга не дразнить и никакъ не обижать, но жить въ согласіи, дружелюбіи, мирѣ и тишинѣ». Въ случаѣ распрей между товарищами старшій являлся миротворцемъ ихъ; гдѣ же не успѣвалъ онъ достигать этой цѣли, тамъ производился судъ смотрителемъ, рѣшенію котораго обѣ ссорющіяся стороны должны были повиноваться. За проступки воспитанники подвергались сначала увѣщанію и предостереженію, за которыми слѣдовали уже угрозы и наконецъ наказанія; при всемъ этомъ имѣлось въ виду одно только исправленіе учениковъ. Въ самыхъ наказаніяхъ соблюдалась постепенность: виновные лишались пріятныхъ вещей, какъ напр. исключались изъ игры, далѣе подвергались выговорамъ наединѣ или публичнымъ и наконецъ за важные

проступки, какъ-то ослушаніе, упрямство, непокорность и вообще *коснѣніе во злѣ*, наказывались содержаніемъ подъ арестомъ въ особой комнатѣ на хлѣбѣ и водѣ; такое наказаніе, продолжавшееся впрочемъ не дольше недѣли, опредѣлялось самимъ директоромъ. Бо́льшее наказаніе зависѣло уже отъ Коммиссіи училищъ. Такъ въ 1785 году въ маѣ мѣсяцѣ, по представленію Янковича, шесть воспитанниковъ за открытое неповиновеніе распоряженіямъ начальства, посажены были на хлѣбъ и на воду на цѣлый мѣсяцъ, при чемъ «ради большія остуды и въ предосторожность прочимъ ихъ товарищамъ» они одѣты были въ худые мужичьи кафтаны. Это была уже высшая степень наказанія, весьма мягкая, если принять во вниманіе, что воспитанники учительской семинаріи, поступавшіе изъ духовныхъ училищъ, съ дѣтства пріучены были къ дурному обхожденію и унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Установленіемъ самаго бдительнаго и строгаго надзора за учащимися и упражненіемъ ихъ въ постоянномъ трудѣ Янковичъ надѣялся, если не отвратить, то по-крайней-мѣрѣ уменьшить число проступковъ, а благороднымъ обращеніемъ и человѣколюбивымъ наказаніемъ смягчить грубость нравовъ [1]. Поэтому запрещены были какъ въ учительской семинаріи, такъ и въ главномъ народномъ училищѣ всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были:

«1) Ремни, палки, плети, линейки и розги.

2) Пощочины, толчки и кулаки.

3) Драніе за волосы и за уши и ставленіе на колѣни.

4) Всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя и названіе скотины, осла и т. п.»

Указанія Янковича, за что не слѣдуетъ наказывать, обличаютъ въ немъ глубокій педагогическій тактъ; случаи эти:

«1) Слабоуміе, худая память и природная неспособность.

---

[1] Журн. Комм. Учил. 9-го января 1784 г., Уст. С. Пет. главн. народн. училища и учительской при немъ семинаріи и Журн. Комм. Учил. 27-го мая 1785 г.

2) Недостатки душевные, какъ-то: робость, вѣтренность, непримѣтливость (невниманіе), если только она происходитъ не отъ нерадѣнія или шалости.

3) Погрѣшности, происходящія отъ тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзней» [1].

Съ другой стороны воспитанники семинарій и ученики главнаго народнаго училища, отличавшіеся успѣхами и благонравіемъ, находили со стороны Янковича всѣ возможныя поощренія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ получали награды книгами и деньгами. Такъ для поощренія къ рисованію, которое Янковичъ считалъ важнымъ предметомъ, отличные рисунки студентовъ учительской семинаріи куплены были въ 1784 г. для употребленія въ нижнихъ классахъ вмѣсто оригиналовъ и на деньги эти пріобрѣтены книги, которыя розданы были въ награду молодымъ художникамъ. Въ 1786 году студенты Толмачевъ и Зубковъ за удовлетворительный переводъ на русскій языкъ физики Эберта получили въ награду каждый по сту рублей [2].

Для лучшаго успѣха въ занятіяхъ студенты перваго курса учительской семинаріи, продолжавшагося около трехъ лѣтъ съ 1783—1786 г., по распоряженію Янковича, раздѣлены были на два разряда: къ первому отнесены въ числѣ 50-ти человѣкъ самые способные, назначавшіеся для учительскихъ мѣстъ въ высшихъ классахъ главныхъ народныхъ училищъ; второй разрядъ, тоже изъ 50-ти человѣкъ, составляли менѣе успѣвшіе, долженствовавшіе поступить въ низшіе классы. Студенты перваго разряда подраздѣлены были на два отдѣленія: математическое и историческое; будучи обязаны учиться всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ учительской семинаріи, студенты математическаго отдѣленія считали для себя главными предметами ариѳметику, геометрію, механику, физику и

(1) Руководство учителямъ народныхъ училищъ. С. Петербургъ, 1789 г., изд. 2-е, стр. 106—108

(2) Журн. Комм Учил. 12-го ноября 1784 и 21-го марта 1786 г.

гражданскую архитектуру; въ историческомъ же отдѣленіи обращалось преимущественно вниманіе на естественную исторію, всеобщую и русскую исторію и географію и русскую грамматику съ письменными упражненіями въ языкѣ.

По сродству занятій студенты каждаго отдѣленія составляли особое общество, подраздѣлявшееся на товарищества; въ каждомъ обществѣ, по назначенію Янковича, находилось по одному повторителю (репетитору) изъ отличнѣйшихъ студентовъ; обязанность его заключалась въ повтореніи съ студентами своего общества профессорскихъ лекцій, на что опредѣлялось ежедневно по два часа, которые распредѣлялись такимъ образомъ: одинъ часъ употреблялся на повтореніе предметовъ математическаго отдѣленія и другой — предметовъ историческаго, причемъ присутствовали оба общества, пользовавшіяся такимъ образомъ взаимно руководствомъ своихъ репетиторовъ.

Во время повтореній каждому студенту предоставлено было право предлагать свои сомнѣнія или недоразумѣнія, которыя разрѣшались репетиторомъ или, если онъ не могъ того сдѣлать, профессоромъ на слѣдующей лекціи. Повторенія эти были обязательны для всѣхъ студентовъ наравнѣ съ лекціями; для бóльшаго удобства студенты на это время могли пользоваться всѣми учебными пособіями изъ библіотеки и кабинетовъ физическаго, математическаго и естественныхъ наукъ.

Повторенія, хотя они и назначались для 50-ти студентовъ перваго разряда, были открыты и для остальныхъ 50-ти учениковъ втораго разряда; при чемъ отличнѣйшіе изъ послѣднихъ переводились въ первый разрядъ, и наоборотъ, замѣченные въ нерадѣніи студенты перваго разряда навсегда перемѣщались въ низшій разрядъ.

Мѣры эти, развивая соображеніе, способствовали ясному усвоенію студентами изучаемыхъ ими наукъ.

Для пріученія къ преподаванію они упражнялись, подъ руководствомъ профессоровъ, въ объясненіи прежде пройденныхъ уроковъ, при чемъ замѣчались погрѣшности въ изложе-

нія и ошибочныя толкованія самой науки [1]. Практику для студентовъ составляли занятія ихъ въ С. Петербургскихъ малыхъ училищахъ вмѣсто учителей, въ случаѣ болѣзни послѣднихъ или ареста за дурное поведеніе; въ видѣ поощренія за такія занятія они получали, по разсчету дней, денежную награду изъ жалованья виновнаго учителя, содержавшагося подъ арестомъ или, если учитель не посѣщалъ классы за болѣзнію, изъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія [2].

Для распространенія познаній въ исторіи, географіи и другихъ наукахъ, также и для практики въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, по представленію Янковича, въ семинарію выписывались вѣдомости Гамбургскія и Геттингенскія на нѣмецкомъ языкѣ, Лейпцигскія — на латинскомъ и С. Петербургскія и Московскія — на русскомъ языкѣ [3].

Плоды такихъ усилій Янковича не замедлили обнаружиться; любовь къ учонымъ занятіямъ мало-по-малу овладѣла молодыми питомцами семинаріи и обнаружилась въ предпринятомъ ими съ 1-го апрѣля 1784 года періодическомъ изданіи подъ затѣйливымъ названіемъ Растущаго винограда. Редакторомъ его былъ сначала профессоръ Русскаго языка Сырейщиковъ, а потомъ профессоръ естественной исторіи Зуевъ. Статьи, помѣщавшіяся здѣсь въ стихахъ и прозѣ, были расположены по слѣдующей программѣ:

1) Матеріи нравоучительныя,
2) Пьесы реторическія,
3) Пьесы историческія,
4) Пьесы, касающіяся собственно до наукъ, и
5) Всякія мелкія стихотворенія, служащія къ невинному увеселенію.

Напрасно было бы искать здѣсь серьозныхъ статей; но

---

(1) Журн. Комм Учил. 10-го и 28-го сентября 1784 г.
(2) Журн. Комм. Учил. 17-го октября 1784 г.
(3) Журн. Комм. Учил. 25-го іюля 1784 г.

уже самая мысль о подобномъ изданіи, явившаяся у студентовъ того времени, заслуживаетъ вниманія ([1]).

Соединенные въ семинаріи по неволѣ, они незамѣтно для себя подчинились обаятельному вліянію личности Янковича, подававшаго имъ собою примѣръ неутомимаго трудолюбія. Дорожа своимъ созданіемъ, Янковичъ, мягкій отъ природы, становился непреклоннымъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣчалъ въ комъ-либо уклоненіе отъ своихъ обязанностей, могшее повредить его любимому дѣтищу. Такимъ образомъ въ 1784 г., по его представленію, уволенъ былъ отъ должности учитель исторіи, географіи и русскаго языка, Бѣляевъ, за частые пропуски уроковъ; въ слѣдующемъ году такая же участь постигла профессора русскаго языка Сырейщикова, за небреженіе къ должности и соблазнительный примѣръ неуваженія къ начальству, поданный имъ въ присутствіи студентовъ ([2]). Опредѣленный на мѣсто Сырейщикова учителемъ русскаго языка Никольскій долженъ былъ дать Коммиссіи училищъ письменное обязательство — не пропускать уроковъ, подъ опасеніемъ вычета недѣльнаго жалованья за каждый пропущенный не по законной причинѣ урокъ. Мѣру эту вызвали безъ сомнѣнія частые пропуски уроковъ преподавателями ([3]). Зато съ другой стороны трудолюбивые профессоры и учители, радѣвшіе о благѣ семинаріи, находили въ Янковичѣ самаго жаркаго защитника и, по представленію его, награждались чинами и значительными по тому времени денежными наградами ([4]).

Императрица, постоянно слѣдившая за успѣхами главнаго народнаго училища и учительской при немъ семинаріи, 21-го

([1]) Журн. Комм Учил. 18-го марта и 27-го мая 1785 г. Для сравненія см. выше о жизни студентовъ Московскаго университета, стр. 53—58.

([2]) Журн Комм. Учил. 27-го мая 1785 г. Въ слѣдующемъ году Сырейщиковъ принятъ былъ переводчикомъ въ Коммиссію училищъ, но профессорскаго мѣста лишился навсегда.

([3]) Журн. Комм. Учил 12-го августа 1785 г.

([4]) Журн. Комм. Учил. 9-го и 16-го января и 3-го декабря 1784 г.

января 1785 года соизволила удостоить его своимъ посѣщеніемъ. Обративъ благосклонное вниманіе на привѣтственную рѣчь профессора Сырейщикова, Государыня изволила слушать потомъ преподаваніе наукъ во всѣхъ четырехъ классахъ и осмотрѣть все помѣщеніе училища. По обычаю того времени Ей поднесены были двѣ оды, сочиненныя на этотъ случай студентами Виноградовымъ и Соловьевымъ: одна — поздравительная, другая — благодарственная. Объ этомъ событіи Коммиссія училищъ опредѣлила обнародовать въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ память его на стѣнѣ четвертаго класса прибить мраморную доску съ слѣдующею надписью: «И посѣти виноградъ, его же насади десница твоя» (¹).

Благоволеніе, изъявленное Императрицею Коммиссіи училищъ и всѣмъ членамъ учительской семинаріи, было вполнѣ заслуженное. Если семинарія и не принесла тѣхъ плодовъ, какихъ надѣялись отъ нея въ первое время, то все же она была у насъ первымъ разсадникомъ учителей для народныхъ училищъ, упрочившимъ навсегда дѣло народнаго образованія. Втеченіе 18-тилѣтняго своего существованія съ конца 1783 до конца 1801 года она приготовила 425 учителей, которые распредѣлены были бо́льшею частью по народнымъ училищамъ и отчасти по учебнымъ заведеніямъ другихъ вѣдомствъ; всѣхъ выпусковъ изъ нея было пять; полный разгаръ ея дѣятельности относится къ первымъ пяти годамъ съ 1783 по 1788 годъ, когда втеченіе двухъ курсовъ приготовлено было ею до 300 учителей, доставившихъ возможность открыть болѣе сорока главныхъ народныхъ училищъ (²). Студенты перваго выпуска

(¹) Журн Комм Учил. 21-го января 1785 г. Въ то время учительская семинарія помѣщалась вмѣстѣ съ главнымъ народнымъ училищемъ въ Щукинскомъ домѣ, подаренномъ Коммиссіи училищъ Императрицею Екатериною II въ 1783 г. и принадлежащемъ нынѣ Департаменту Народнаго Просвѣщенія; въ 1794 г. семинарія переведена была на Васильевскій Островъ въ 6-ю линію, въ домъ нынѣшней Ларинской гимназіи, гдѣ и оставалась до самаго конца.

(²) Историческая повѣсть объ учительской семинаріи. Зябловскаго. С. Петербургъ. 1833 г., стр. 26—34.

учились вмѣстѣ съ приходящими учениками главнаго народнаго училища; съ 22-го же сентября 1786 года учительская семинарія образовала отдѣльное учебно-воспитательное заведеніе, находившееся въ непосредственномъ вѣдѣніи Коммиссіи училищъ. Янковичъ былъ директоромъ главнаго народнаго училища и учительской при немъ семинаріи собственно только до 17-го мая 1785 года; обремененный многочисленными занятіями по составленію учебниковъ и устройству учебной части народныхъ училищъ, онъ былъ уволенъ Коммиссіею отъ непосредственнаго управленія этимъ заведеніемъ, порученнымъ надзору директора народныхъ училищъ Козадавлева; но и съ этого времени всѣ распоряженія, касавшіяся училища и особенно семинаріи, дѣлались по его совѣту и наставленіямъ (¹); то же самое продолжалось и по отдѣленіи учительской семинаріи отъ главнаго народнаго училища и по назначеніи директоромъ первой въ 1787 году надворнаго совѣтника Коха: въ образѣ ученія и системѣ воспитанія въ семинаріи сохранился до самого конца ея существованія характеръ, данный имъ Янковичемъ; даже экзамены учителей постоянно производились имъ (²). Исполнивъ свое назначеніе, состоявшее въ приготовленіи образцовыхъ учителей для первыхъ народныхъ училищъ, учительская семинарія была закрыта въ концѣ 1801 года; дальнѣйшее продолженіе этого труда предоставлено было главнымъ народнымъ училищамъ, на которыя уставомъ 5-го августа 1786 года возложено было приготовленіе учителей для народныхъ училищъ.

Какихъ учителей желалъ имѣть Янковичъ, видно изъ идеала его объ учителѣ, непремѣнными качествами котораго должны быть: благочестіе, любовь, бодрость, терпѣніе, довольство своимъ состояніемъ и прилежаніе. Любя своихъ учениковъ, какъ отецъ, «онъ обходиться съ ними долженъ съ пріязнію и скромностію и не казать досады, когда они въ школу приходятъ, или когда предложенія его скоро не уразумѣютъ». Для

(¹) Журн. Комм. Учил. 27-го мая 1785 г.
(²) Журн. Комм. Учил. 30-го января 1787 г.

пріобрѣтенія послушанія отъ учениковъ, ему слѣдуетъ прежде всего «снискать ихъ уваженіе, почтеніе и любовь». «Хотя бы мнѣніе то, будто угрозами и наказаніями можно лучше всего съ дѣтьми управиться и не было ложно», говорится въ руководствѣ учителямъ, «но *растить тварь разумную, какъ скотъ, непристойно.* Людей, если они въ поступкахъ своихъ только не упрямы и не злонравны, надобно уговаривать и наставлять на доброе, представленіемъ добра съ пріязнію и любовію.» Важность примѣра наставника для дѣтей видна въ слѣдующихъ словахъ: «Когда учитель и для самомалѣйшей причины небрежетъ школу, или часто приходитъ поздо, или начинаетъ учить не въ надлежащее время, или вмѣсто того, чтобы учить, исправляетъ домашнія свои дѣла, или какое рукодѣлье; то и дѣти становятся также нерадивы, приходятъ въ школу поздо, не столько стараются учиться, или и совсѣмъ не ходятъ» (¹). Для успѣшнаго дѣйствія на учениковъ учитель долженъ обладать даромъ различать дѣтей и, сообразно съ тѣмъ, поступать съ ними различно. Наставленія, высказанныя касательно этого предмета въ руководствѣ учителямъ, поражаютъ своею основательностью и гуманностью. Приведемъ нѣкоторыя мѣста, запомнить которыя не мѣшаетъ всякому педагогу.

«Въ разсужденіи способностей къ ученію бываютъ:

а) *Такія дѣти, которыя все скоро понимаютъ, хорошо помнятъ и выученное употреблять умѣютъ.*

Такихъ учитель не долженъ упражнять многими безполезными, или такими предметами, которые не предписаны, а увѣщевать ихъ упражняться прилежно въ выученномъ и *дѣлать понятія свои часъ отъ часу основательнѣе,* но для дальнѣйшихъ успѣховъ ихъ, не покидать другихъ учениковъ того же класса, которые не могутъ успѣвать за ними.

б) Такія дѣти, *которыя одарены хорошею памятью, но имѣютъ мало разсужденія.*

Учитель не долженъ упражнять ихъ ученіемъ наизусть, *но учить ихъ мыслить* и понимать хорошенько предметы, пособ-

(¹) Руководство для учителей, СПб., 1789. изд. 2, стр. 80—88

лять имъ чувственными представленіями, примѣрами и сравненіями, заставлять ихъ пересказывать выученное собственными словами, чаще спрашивать и такъ, чтобы имъ былъ притомъ случай думать.

в) Такіе ученики, *у которыхъ слаба память.*

Имъ задавать какъ можно меньше учить наизустъ, а объяснять наглядно, возбуждать ихъ вниманіе и чаще заниматься съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно.

г) Тупыя дѣти, *которыя мало понимаютъ и помнятъ.*

Имъ сообщать только самое нужное, употреблять всѣ возможныя средства для облегченія ихъ ученія, *не поступать съ ними сурово и не отнимать у нихъ строгостью охоты къ ученію.*

Въ разсужденіи нрава бываютъ:

а) Ученики *веселые* и *бодрые:*

Они бываютъ склонны къ легкомыслію и разсѣянію, а потому учитель долженъ чаще обращаться къ нимъ и употреблять ихъ къ указанію или исправленію погрѣшностей другихъ учениковъ; для поддержанія ихъ вниманія разнообразить способъ преподаванія, *отнюдь не угнетать непристойною жестокостію ихъ природной живости, а обращать ее въ пользу ученія.*

б) *Боязливые и застѣнчивые ученики:*

Боязливость и застѣнчивость учитель долженъ разгонять ласкою и дружескимъ ободреніемъ и объяснять имъ, чего надобно бояться и чего нѣтъ, оказывать къ нимъ терпѣніе и снисхожденіе и тѣмъ ихъ къ себѣ приласкивать.

в) *Лѣнивые и сонливые ученики:*

Стараться возбуждать ихъ отъ дремоты и бездѣйствія, чаще вызывать, примѣромъ прилежныхъ товарищей отчасти ободрять, а отчасти и стыдить.

г) *Упорные, сердитые и ко злобѣ склонные ученики:*

Качества эти стараться утушить и упрямыхъ и сердитыхъ учениковъ не допускать никогда къ достиженію ихъ намѣренія. *Во время дѣйствія въ нихъ страстей, не наказывать ихъ и не увѣщевать;* но когда волненіе ихъ утихло и ученикъ при-

шелъ въ состояніе разсуждать спокойно, тогда представить ему худыя слѣдствія упрямства его или злости; въ случаѣ же неисправленія, наказывать.»

Высшею степенью наказанія поставлено исключеніе изъ училища, «чтобы такіе безпутные ученики не развращали другихъ своимъ дурнымъ примѣромъ» [1].

Соотвѣтствовали ли такимъ трудамъ Янковича по устройству учительской семинаріи результаты ихъ на дѣлѣ, приближались ли приготовленные преподаватели, хотя нѣсколько, къ изображонному имъ высокому идеалу учителя, который долженъ былъ любить дѣтей какъ самого себя? Скажемъ къ сожалѣнію, нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе идеалъ этотъ, какъ путеводный маякъ, свѣтомъ своимъ разгонялъ мракъ, облегавшій учителей, и помогалъ, по-крайней-мѣрѣ лучшимъ изъ нихъ, удерживаться, хотя отчасти, на пути имъ указанномъ.

Вникнувши въ обстоятельства, окружавшія учителей, мы не можемъ обвинять ихъ строго. Административная и хозяйственная часть училищъ, которыя, какъ мы уже замѣтили, организованы не Янковичемъ, были такъ устроены, что положеніе учителя того времени дѣлалось невыносимымъ и, что еще хуже, безвыходнымъ. Сдѣлавшійся однажды учителемъ долженъ былъ прослужить въ этой должности, если онъ преподавалъ въ низшихъ классахъ, не менѣе 36-ти лѣтъ, а въ высшихъ классахъ — не менѣе 23-хъ лѣтъ, т. е. пока не получалъ чина коллежскаго ассессора. Такой продолжительный срокъ обязательной службы, отнимавшей притомъ ежедневно много времени [2], можно считать почти равносильнымъ съ запрещеніемъ оставлять службу. Прослуживъ лучшее время жизни учителемъ и утративъ въ этой трудной службѣ всю

---

[1] Руководство для учителей 1789 г., 2-е изд., стр. 88—94.

[2] Учителя высшихъ двухъ классовъ имѣли по 23 часа въ недѣлю, въ низшихъ заняты были ежедневно по шести часовъ, не исключая послѣобѣденнаго времени въ среду и субботу, когда обучали они рисованію, чтобы имѣть хоть маленькую прибавку къ скудному своему жалованью.

энергію, могъ ли надѣяться учитель на полученіе какого-либо мѣста по другому вѣдомству ([1])? А между тѣмъ, что могло привязывать его къ этому званію? Чины, которые прежде не давались, не могли искупать горькихъ лишеній, которымъ подвергался онъ и притомъ не одинъ, а чаще всего съ семействомъ; скудное жалованье, назначенное по штату, выдавалось плохо и бо̀льшею частью не вполнѣ ([2]). Приказы Общественнаго Призрѣнія, на которыхъ лежала хозяйственная часть училищъ, дѣлали это по необходимости, не имѣя средствъ покрывать всѣ расходы по училищамъ ([3]).

Содержаніе частныхъ пансіонеровъ, дозволенное учителямъ по уставу, могло бы облегчить ихъ положеніе; но не имѣя приличнаго помѣщенія и не пользуясь довѣріемъ общества, они лишены были возможности пользоваться и этимъ правомъ.

Злоупотребленія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено было хозяйство училищъ, довершали бѣдственное положеніе учителей. Смотрители малыхъ училищъ, на основаніи устава, выбирались попечителемъ училищъ, т. е. губернаторомъ, изъ гражданъ города, преимущественно изъ купцовъ и мѣщанъ и, будучи сами людьми несвѣдущими, не могли дать никакого движенія учебной части; притомъ не получая жалованья и не считаясь въ службѣ, они смотрѣли на свою должность или какъ на бремя, которое старались облегчить пренебреженіемъ своихъ обязанностей, или какъ на источникъ дохода. Въ 1787 году учитель Шлиссельбургскаго училища

([1]) Журн. Комм. Учил. 15-го ноября 1794 г.

([2]) Полн. Собр. Зак., Т. XXII, № 16425, Уст. Народн Училищъ 5-го августа 1786 г. о содержаніи въ книгѣ штатовъ. Жалованье въ главномъ народномъ училищѣ учителямъ высшихъ двухъ классовъ по 400 р., 2-го класса — 200 р., 1-го класса — 150 р., учителю иностраннаго языка — 300 р., рисованія — 150 р.; въ малыхъ народныхъ училищахъ двухклассныхъ учителю 2-го класса — 150 р., 1 го класса — 120 р.; за рисованіе 60 р.; въ малыхъ одноклассныхъ училищахъ учителю 150 р. и за рисованіе 60 р.

([3]) Журн. Комм. Учил. 30-го января 1787 г.

Охотинъ жаловался Коммиссіи училищъ на то, что смотритель купецъ Образцовъ не доставляетъ въ училище ни перьевъ, ни чернилъ, ни бумаги, а потому ученики съ 12-го по 18-е февраля ничего не писали, что свѣчи съ 14-го числа онъ Охотинъ покупаетъ уже отъ себя, что старыя дрова вышли, а новыхъ не привозятъ, такъ-что придется, по причинѣ холода, закрыть училище. На просьбы же Охотина о доставленіи училищу необходимаго Образцовъ не обращалъ никакого вниманія, не сказывался дома, когда учитель приходилъ къ нему, а посылаемому къ нему сторожу твердилъ все одно: «скажи твоему дураку-пьяницѣ, что *ваша школа мнѣ не очень нужна; у меня своего дѣла довольно*». Черезъ нѣсколько дней потомъ Образцовъ самъ явился въ училище, гдѣ при всѣхъ ученикахъ поносилъ учителя, заключивъ свою брань словами: «Ты и сапога послѣдняго ученика не стоишь». Такая печальная обстановка безъ сомнѣнія способна была подавить своею тяжестью и самыхъ энергическихъ учителей, а Охотинъ принадлежалъ къ числу хорошихъ и былъ за усердіе къ службѣ переведенъ потомъ въ Петербургъ

Съ трудомъ пропитываясь и будучи ограничены въ правѣ перехода въ другую службу, учителя, въ случаѣ смерти, оставляли семейства свои въ совершенной нищетѣ; вдовамъ и сиротамъ имъ не было назначено никакой пенсіи; да и сами учителя не имѣли права на нее въ случаѣ, если бы они за дряхлостью или болѣзнію принуждены были оставить службу. Какъ бѣдны были учителя, это видно изъ безпрерывныхъ донесеній и просьбъ въ Коммиссію училищъ о прибавкѣ жалованья; обыкновенно лѣтомъ и зимою носили они одно платье, ходили въ изодранныхъ байковыхъ сюртукахъ, или камзолахъ и штанахъ, а часто не имѣли сапоговъ и чулковъ, вмѣсто которыхъ обертывали ноги въ бумагу. Поэтому не удивительно, что бѣдняки, чтобы отбыть отъ учительства, ухищрялись всячески и иногда рѣшались на крайнія мѣры. Такъ въ 1789 году учитель Кронштадтскаго училища Рожковскій, не находя другого способа выйти изъ учителей, отрубилъ себѣ указательный палецъ.

Прибавимъ къ этому, что директоры училищъ, прямою обязанностью которыхъ, по уставу, была защита интересовъ училищныхъ, большею частью принимали въ нихъ мало участія и по образованію своему неспособны были поддерживать зданіе, построенное Янковичемъ; мѣста ихъ раздавались губернаторами чаще всего лицамъ, занимавшимъ другія гражданскія должности, въ видѣ награды или прибавки къ жалованью; были директоры, которые втеченіе цѣлаго года ни разу не посѣщали ввѣренныхъ имъ училищъ. Что это извѣстно было правительству, показываетъ слѣдующій именной указъ 20-го іюня 1801 года: «При учрежденіи народныхъ училищъ постановлено было правиломъ, чтобы въ директоры оныхъ избираемы были люди, знающіе цѣну воспитанія, любители наукъ, порядка и добродѣтели. Но изъ доходящихъ къ намъ свѣдѣній узнали мы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начальники губерній отъ правила сего столько уклонились, что почитая званіе сіе какъ бы установленнымъ въ угоду ихъ прихотей, нерѣдко располагали имъ въ пользу людей не только безъ отличныхъ познаній и правовъ, но даже безъ добраго имени и безвѣстнаго происхожденія, въ совершенный вредъ воспитанникамъ, въ предосужденіе достойнымъ людямъ изъ дворянства и губернскихъ чиновъ и въ неизгладимую себѣ укоризну. Зная, съ какою силою во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче при воспитаніи юношества, примѣръ начальника дѣйствуетъ на нравы и успѣхи, и почитая народныя училища важнымъ предметомъ государственнаго постановленія, повелѣваемъ Сенату сдѣлать наиточнѣйшія подтвержденія, дабы въ директоры сихъ заведеній были опредѣляемы люди не только съ отличными свѣдѣніями въ наукахъ, но и съ наилучшими правилами жизни и съ тѣми свойствами, какія въ нихъ предполагаются по уставу объ училищахъ. Если же въ губерніи пріисканіе таковыхъ будетъ затруднительно или невозможно, въ таковыхъ случаяхъ начальники оныхъ должны относиться въ Коммиссію училищъ, которая по симъ представленіямъ имѣетъ назначать и опредѣлять лучшихъ изъ учителей въ вѣдомствѣ ея состоя-

щихъ ([1]).» Не мудрено послѣ этого, что нищета, презрѣніе общественное, отсутствіе правильнаго надзора и руководства и, въ довершеніе всего, безвыходность такого положенія породили охлажденіе къ должности даже и въ лучшихъ изъ учителей. Метода ученія, введенная Янковичемъ, постепенно упадала, правиламъ преподаванія, изложеннымъ въ видѣ предисловій къ руководствамъ, слѣдовали мало, что́ и было весьма естественно: всякая метода, при отсутствіи живого участія въ дѣлѣ, превращается въ механизмъ. Учителя, не находя ни въ комъ ни сочувствія, ни поощренія, обратились къ легчайшему, и какъ легче всего было учить механически, то все ученіе, за немногими исключеніями, ограничилось наконецъ задаваніемъ уроковъ для выучки наизусть и безучастнымъ выслушиваніемъ выученнаго. Въ училищахъ утвердился даже особенный тонъ отвѣтовъ на распѣвъ, доказывающій въ отвѣчающемъ непониманіе того, о чемъ онъ говоритъ; учителя и ученики такъ привыкли къ этому распѣву, что тѣ и другіе мѣшались, какъ скоро тонъ отвѣта или вопроса перемѣнялся ([2]).

Н. А. Новиковъ, внукъ одного изъ учителей народныхъ училищъ прошлаго столѣтія, сообщилъ мнѣ любопытныя замѣтки, характеризующія повседневную жизнь народной школы прошлаго столѣтія:

«Новиковъ былъ учителемъ народной школы въ Вытегрѣ и умеръ въ 1808 г., лѣтъ сорока съ небольшимъ отъ роду. Одною изъ причинъ его ранней смерти можетъ быть были чрезмѣрные труды, неразлучные въ то время, при скудости содержанія, съ званіемъ учителя.

Училище, бывшее подъ надзоромъ градского головы, помѣщалось въ низенькой лачужкѣ съ четырьмя окнами. Кромѣ кухни, тутъ была перегороженная комната, въ одной половинѣ которой учились, а въ другой помѣщался учитель съ семействомъ.

([1]) Полн. Собр. Зак., Т. XXVI, № 19923.

([2]) Арх. Департ. Народн. Просвѣщ., Дѣла С. Петерб Учебнаго Округа, 1803 г. Визитація училищъ академикомъ Севергинымъ.

Учебный курсъ раздѣлялся на 4 парты (класса), т. е. учащіеся были раздѣлены на 4 разряда, изъ которыхъ каждый сидѣлъ у особаго стола. Итакъ въ маленькой учебной комнатѣ въ два окна помѣщалось у одной стѣны четыре стола съ скамейками, а въ противоположной стѣнѣ (перегородкѣ) была дверь въ комнату учителя. Съ одной стороны двери вдоль стѣны стояли скамейки, съ другой — доска. За доской лежали: мокрая тряпка для стиранья, розги, собака учителя и *мѣшокъ съ горохомъ*. Классы начинались въ седьмомъ часу утра и продолжались до одиннадцатаго; потомъ ученики уходили обѣдать, приходили снова въ часъ и занимались лѣтомъ до шести, зимою до четырехъ часовъ.

Ученики являлись въ классъ въ чемъ попало, босыя, въ тулупахъ и проч. Классъ начинался молитвою: «Преблагій Господи!», послѣ чего учитель спрашивалъ заданные уроки, а потомъ задавалъ новые. Во время отвѣтовъ происходила обычная, забавная сцена. Каждый изъ учениковъ приносилъ съ собою въ классъ чего-нибудь съѣстнаго и клалъ обыкновенно вмѣстѣ съ книгами въ одинъ изъ ящиковъ, устроенныхъ въ столахъ. Учитель былъ очень строгъ; отвѣчавшій не смѣлъ моргнуть даже глазомъ; этой удобной минутой пользовался старый Барсукъ (имя собаки), лежавшій около доски; онъ спокойно вставалъ, подходилъ къ мѣсту отвѣчавшаго и прехладнокровно вытаскивалъ оттуда кусокъ пирога или чего-нибудь другого.—Лѣнивцы наказывались, смотря по мѣрѣ вины. Учитель или запаливалъ имъ нѣсколько ударовъ по рукѣ линейкой, или приказывалъ спустить брюки ниже колѣнъ и ставилъ голыми колѣнями на горохъ или же сѣкъ виновнаго, на спину и на ноги котораго садились верхомъ его товарищи. Новиковъ въ особенности не любилъ одного смѣльчака, который, когда ставили его на горохъ, обыкновенно понемногу съѣдалъ его.

Послѣ обѣда учитель очинивалъ всѣмъ перья, послѣ чего ученики, разложивши прописи, принимались за чистописаніе, а потомъ за приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню. Утомленный учитель обыкновенно въ это время отдыхалъ на ска-

мейкѣ. Ученики до того были нашколены, что соблюдали приличный порядокъ и тишину даже въ присутствіи спящаго наставника; если даже иногда онъ выходилъ за чѣмъ-нибудь въ другую комнату, то тишина не нарушалась и тогда. Каждый изъ учениковъ зналъ, что въ перегородкѣ просверлены два отверстія для педагогическихъ наблюденій. Въ узаконенный часъ учитель пробуждался, читалась молитва и ученики расходились.

Въ 11-ть часовъ благодарные ученики, выходя изъ класса, брались за ушатъ и приносили въ кухню учителя ежедневную порцію воды.

Въ двунадесятые праздники ученики собирались рано утромъ въ училище и покорно слѣдовали за учителемъ въ церковь.

Жалко было положеніе этого учителя. Обремененный огромнымъ семействомъ, онъ получалъ всего 100 руб. ассиг. жалованья въ годъ. Бѣдность заставляла его исполнять обязанности сторожа, который полагался при училищѣ. Онъ вставалъ очень рано, шолъ на рынокъ за провизіею, потомъ зимой кололъ дрова и топилъ печки, лѣтомъ взрывалъ гряды въ своемъ маленькомъ огородѣ. Отъ метенья половъ его освобождали ученики. Кто приходилъ раньше другихъ, тотъ бралъ стоявшую въ углу метлу и выметалъ классъ.

Учитель зимой и лѣтомъ носилъ одинъ байковый сюртукъ, а вмѣсто чулковъ обвертывалъ ноги бумагой. Но нельзя сказать, чтобы онъ вовсе чуждался духовныхъ интересовъ, хотя это могло быть въ его тяжеломъ положеніи.

Онъ былъ пріятелемъ съ городскимъ протопопомъ, и они часто бесѣдовали между собою, за чашкой чаю, по латыни. Часто засиживался онъ до поздней ночи за чтеніемъ книгъ и много писалъ (что́, не извѣстно). Каждый праздникъ ученики отправлялись къ своему меценату, головѣ, и привѣтствовали его стихами, сочинявшимися на этотъ случай учителемъ. При посѣщеніи училища визитаторомъ, младшій изъ учениковъ говорилъ приготовленную рѣчь.

По смерти учителя остались жена, 5 человѣкъ дѣтей и наслѣдства пятакъ мѣди.»

Какъ видно, это былъ еще учитель герой и, при тягостномъ своемъ положеніи, еще не вовсе чуждавшійся духовныхъ интересовъ. Въ отношеніи же къ большей части его товарищей изображонную нами картину слѣдуетъ дополнить еще одною прискорбною чертою: страсть къ пьянству окончательно губила учителей; по слабости характера и недостатку нравственной опоры многіе изъ нихъ искали въ чаркѣ забвенія своего бѣдственнаго положенія. Мѣры строгости, принимавшіяся для искорененія такого зла, не помогали; напрасно сажали ихъ подъ арестъ на хлѣбъ и на воду, отсылали обратно къ духовному начальству и даже сдавали въ солдаты; пьянство продолжалось, такъ-что въ 1814 году Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Разумовскій вынужденъ былъ отнестись циркуляромъ къ попечителямъ округовъ объ объявленіи учителямъ, что они за пьянство будутъ удаляемы отъ должности безъ аттестата и опубликованы въ вѣдомостяхъ (¹).

Такіе ли плоды должна была принести педагогическая система Янковича? Гдѣ тутъ развитіе способностей, о которомъ онъ столько хлопоталъ? Гдѣ гуманное обращеніе съ учениками, долженствовавшее облагородить новыя поколѣнія? Все это было въ значительной мѣрѣ подавлено дурною системою устройства административной и хозяйственной части, за что, опять повторяемъ, никакъ нельзя винить Янковича: его дѣломъ было только устройство собственно учебной части.

Намъ можетъ быть возразятъ, что не откуда было взять средства для лучшаго содержанія училищъ, для бóльшаго обезпеченія положенія учителей, что Коммиссія училищъ принуждена была крайнею необходимостью привязывать учителей къ мѣсту ихъ службы подобнымъ обязательствомъ, или иначе училища остались бы безъ преподавателей. Соглашаемся впол-

(¹) Арх. Дирекціи Училищъ С.-Петербургской губерн. дѣла 1814 года.

нѣ съ справедливостью этихъ возраженій; но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не сказать, что приведенные нами факты разительно показываютъ, что безъ достаточныхъ матеріяльныхъ средствъ нельзя успѣть въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, что система обязательной службы не способна доставить училищамъ полезныхъ и нравственно-развитыхъ наставниковъ и что выборъ этого званія долженъ быть свободенъ и истекать изъ внутренняго призванія къ занятіямъ педагогическимъ. Учитель, обучающій по неволѣ, — жалкое явленіе, профанирующее священное званіе наставника юношества. Длиннымъ путемъ ошибокъ, о которыхъ не мѣсто толковать здѣсь, мы дошли наконецъ до этого убѣжденія, а потому обязательность службы учительской, хотя и осталась еще у насъ кое-гдѣ, но срокъ ея значительно сократился, ограничиваясь теперь въ отношеніи къ казеннымъ воспитанникамъ 6-ю и 8-ю годами. Будемъ надѣяться, что скоро минетъ необходимость и въ этомъ ограниченіи.

Приготовляя учителей и устроивая для нихъ семинарію, Янковичъ, какъ мы уже прежде замѣтили, участвовалъ также въ составленіи учебныхъ книгъ и въ введеніи и распространеніи раціональнаго способа преподаванія наукъ въ народныхъ училищахъ.

Труды его по составленію учебниковъ особенно поражаютъ и своею обширностью и удачнымъ исполненіемъ, обнаруживающимъ въ немъ замѣчательный педагогическій тактъ. Не легко писать для элементарныхъ училищъ такіе учебники, которые соотвѣтствовали бы потребностямъ учащихся и ихъ возрасту; а между-тѣмъ эти именно условія мы встрѣчаемъ въ учебникахъ Янковича, по-крайней-мѣрѣ въ тѣхъ, которые удалось намъ видѣть, какъ напр. въ всемірной исторіи, всеобщемъ землеописаніи и руководствѣ для изученія иностранныхъ языковъ, называющемся: «Зрѣлище Вселенныя». Положимъ, что труды Янковича значительно облегчались для него тѣмъ, что онъ имѣлъ уже предъ собою готовые образцы въ австрійскихъ учебникахъ; но мы не должны забывать, что учебники

эти онъ не просто переводилъ, а значительно передѣлывалъ, сообразно съ потребностями русскаго юношества и личнымъ своимъ взглядомъ на изложеніе науки для дѣтей.

Съ самаго начала Коммисія училищъ поручила Янковичу главное наблюденіе за переводомъ австрійскихъ учебниковъ и изданіемъ ихъ на русскомъ языкѣ; въ помощники данъ былъ ему переводчикъ Академіи наукъ Михайла Ковалевъ, а для скорѣйшаго окончанія дѣла многія книги отосланы были для перевода въ Академію наукъ [1]. Но не скоро подвинулось бы дѣло это безъ дѣятельнаго участія Янковича; мы утверждаемъ это, потому-что болѣе половины учебниковъ, нужныхъ для народныхъ училищъ, составлено было или самимъ имъ, или по его плану и подъ его руководствомъ, или наконецъ передѣлано имъ, и всѣ они удостоивались полнаго одобренія Императрицы, на утвержденіе которой представляемы были Коммисіею училищъ учебныя руководства за исключеніемъ математическихъ [2]. Такимъ образомъ собственно Янковичу принадлежатъ слѣдующія учебныя книги и пособія:

1) 1782 г. Таблицы азбучныя и для складовъ церковной и гражданской печати.

2) Букварь.

3) Сокращенный катехизисъ съ вопросами и безъ вопросовъ.

4) Прописи и при нихъ руководство для чистописанія.

5) Правила для учащихся [3].

6) 1783 г. Пространный катехизисъ съ докавательствами изъ Священнаго Писанія.

7) Священная исторія [4].

---

(1) Журн. Комм. Учил. 27-го сентября и 1-го октября 1782 г.

(2) Книги по Закону Божію представлялись Императрицѣ, по одобреніи высшимъ духовнымъ начальствомъ.

(3) Журн. Комм. Учил. 8-го, 18-го и 19-го октября, 2-го и 22-го ноября, 9-го декабря 1782 г.

(4) Журн. Комм. Учил. 11-го февраля, 26-го августа и 24-го октября 1783 г.

8) 1784 г. Всемірная исторія ([1]).

9) 1787 г. Зрѣлище Вселенныя ([2]).

Передѣланы Янковичемъ и примѣнены къ потребностямъ училищъ:

1) 1784 г. Сокращенная русская исторія, извлеченная изъ подробной исторіи, сочиненной Штриттеромъ также по плану Янковича.

2) Сокращенная россійская географія.

3) Всеобщее землеописаніе.

Послѣднія двѣ книги составляютъ передѣлку труда, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ профессоромъ главнаго народнаго училища и адъюнктомъ Академіи наукъ Гакманомъ, переведеннаго на русскій языкъ Матинскимъ, Сырейщиковымъ и Богаевскимъ ([3]).

Подъ руководствомъ Янковича, или по его плану изданы были:

1) 1782 г. Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, священника Сидоровскаго.

2) 1782—1790. Всѣ географическія карты, глобусы и атласы ([4]).

Наконецъ по указанію Янковича переведено было въ 1783 г. на русскій языкъ помощникомъ его Ковалевымъ «Руководство для учителей 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ», въ концѣ котораго приложены составленные учителемъ академической гимназіи Свѣтовымъ «Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи, какъ предварительное пособіе при изученіи правилъ русскаго языка». «Книга о должностяхъ человѣка и гражданина», употреблявшаяся для чтенія въ народныхъ училищахъ, составлена была вѣроятно Янковичемъ по образцамъ австрійскимъ; при ней одной только не

([1]) Журн. Комм. Учил. 3-го декабря 1784 г. и 16-го января 1787 г.

([2]) Журн. Комм. Учил. 23-го января 1787 г.

([3]) Жур. Ком. Учил. 11-го іюля 1783 г., 20-го февраля и 18-го іюня 1784 г., 23 го января 1787 г. и 14-го января 1788 г.

([4]) Журн. Комм. Учил. 4-го и 8-го октября 1782 г., 14-го ноября 1783 г., 10-го іюня 1786 г., 13-го марта 1787 г., 26-го сентября 1788 г.

показано имя автора, но мы приписываемъ ее Янковичу, судя по пріемамъ изложенія, вопросамъ къ ней присоединеннымъ и табличному расположенію ея содержанія ([1]).

Затѣмъ остальныя учебныя книги для народныхъ училищъ, по порученію Коммисіи училищъ, были частью переведены, частью передѣланы:

Ариѳметика 1-я и 2-я части, геометрія, механика, физика и гражданская архитектура профессоромъ С. Петербургскаго главнаго народнаго училища и адъюнктомъ Академіи наукъ Головинымъ ([2]).

Естественная исторія — профессоромъ Зуевымъ ([3]).

Составленіе русской грамматики для народныхъ училищъ, по предложенію Коммисіи училищъ, принялъ на себя профессоръ Московскаго университета Барсовъ; но трудъ этотъ, предпринятый въ обширномъ объемѣ, остался неконченнымъ и въ народныя училища введены были сокращеніе изъ этой грамматики, сдѣланное учителемъ русскаго языка въ обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ Пахомовымъ ([4]) и «Сокращенная россійская грамматика профессора Сырейщикова» ([5]).

Даже и къ этимъ руководствамъ Янковичъ съ своей стороны присоединилъ предисловія, заключающія въ себѣ наставленіе, какъ излагать науку ученикамъ. Слѣдовательно труды Янковича по изданію учебниковъ остаются безспорно громадными; разсмотримъ же подробнѣе нѣкоторые изъ нихъ: начнемъ съ географіи и географическихъ пособій.

Географія русская, передѣланная Янковичемъ изъ труда профессора Гакмана, представляетъ не сухой перечень назва-

---

([1]) Журн. Комм. Учил. 1-го октября, 5-го и 8-го ноября 1782 г.

([2]) Журн. Комм. Учил. 13-го и 20-го мая, 26-го августа 1783 г. и 4-го февраля 1785 г. Физика, въ 1783 г. переведенная съ нѣмецкаго языка надворнымъ совѣтникомъ Сичкаревымъ, признана была неудовлетворительною.

([3]) Журн. Комм. Учил. 13-го января 1784 г. и 21-го марта 1786 г.

([4]) Журн. Комм. Учил. 7-го октября 1785 г. и 23-го января 1787 г.

([5]) Журн. Комм. Учил. 1-го іюля 1783 г.

ній городовъ, рѣкъ, горъ и т. п., какъ многіе учебники даже настоящаго времени: кромѣ исчисленія намѣстничествъ и городовъ въ нихъ, раздѣленныхъ на три полосы: сѣверную, среднюю и южную, обозначенія границъ Россіи, пространства, горъ и водъ, она заключаетъ въ себѣ объясненіе системы водяныхъ сообщеній, качества земли и климата въ каждой полосѣ имперіи, произведеній всѣхъ трехъ царствъ природы, распредѣленія племенъ и народовъ по разнымъ мѣстамъ, состояніе внутренней и внѣшней торговли и заведеній, служащихъ къ народному просвѣщенію и благосостоянію. Всѣ объясненія коротки, но весьма точны и вѣрны. Такъ напримѣръ въ статьѣ «соли» исчислены всѣ роды соли и способы ея добыванія: каменная или горная соль, соленыя озера, соленые источники, морская соль, и въ заключеніе говорится объ озерахъ горькой соли, употребляемой въ видѣ лекарства. Въ статьѣ «рыбная ловля» исчисляются важнѣйшие роды рыбъ съ указаніемъ, гдѣ онѣ водятся преимущественно и на что употребляются. Выпишемъ для примѣра одинъ небольшой отрывокъ: «Въ Каспійскомъ морѣ и въ нижнихъ частяхъ Волги и Урала ловъ *красной* рыбы весьма важенъ. *Красною рыбою* называется бѣлуга, севрюга, осетръ и стерлядь. Первые два рода находятся только въ водахъ сего моря и въ рѣкѣ Амурѣ, гдѣ бѣлуга калугою называется, а послѣдніе всѣмъ прочимъ россійскимъ морямъ свойственны. Рыба сія: свѣжая, соленая и мерзлая, и вынимаемая изъ нея икра развозятся въ разныя мѣста государства; изъ пузырей ея дѣлаютъ *клей,* а изъ спинныхъ жилъ *везигу*». Немного далѣе читаемъ о Байкалѣ, между прочимъ: «Здѣсь достойна примѣчанія рыба *голомянка;* ея никогда живую видѣть не случается, а всплываетъ уже отъ бурной погоды изъ глубины сонная. Она состоитъ только изъ одного жиру, который, будучи вытопленъ, составляетъ хорошее масло» ([1]).

Въ способѣ преподаванія географіи выступаетъ на первомъ планѣ наглядность, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже;

([1]) Краткое землеописаніе Россійскаго государства, изданное для народныхъ училищъ, 1787 г.

теперь же замѣтимъ только, что изъ географическихъ учебниковъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и по плану Янковича изданы:

2 глобуса: земной и небесный, первыя на русскомъ языкѣ и въ двухъ форматахъ, большомъ и маломъ; стѣнныя карты всѣхъ частей свѣта и Россійской имперіи, двѣ стѣнныя карты для древней исторіи и географіи, двѣ карты древней восточной римской имперіи и западной римской имперіи, ручные атласы Европы и Россіи, малый атласъ, присоединенный къ учебнику всеобщаго землеописанія, географическія карты при сокращенной россійской исторіи и при сокращенной россійской географіи.

Карты Россійской имперіи, по идеѣ Янковича, были двухъ родовъ:

а) для учениковъ и б) для учителей.

Карты для учениковъ, всего три для Россіи, были разрисованы разноцвѣтными красками, и, для избѣжанія пестроты, заключали въ себѣ названія только такихъ городовъ и мѣстъ, которые упоминались въ географіи. Замѣчательныя по своимъ произведеніямъ мѣста отмѣчались особыми условными знаками, означавшими, что мѣсто такое-то изобилуетъ напр. солью, желѣзомъ и т. п.; такъ-что ученикъ на картѣ могъ видѣть, гдѣ и что находится и родится.

Для учителей карта Россійской имперіи заключалась на одномъ цѣльномъ листѣ большаго формата, наклеенномъ на толстой картузной бумагѣ, и была раскрашена одною чорною краскою; границы обозначались бѣловатою краскою въ видѣ точекъ, которыми отличались также примѣчательные города и мѣста. При объясненіи урока учитель выводилъ на картѣ мѣломъ по точкамъ границы намѣстничествъ и обозначалъ названія городовъ и мѣстъ предъ глазами учениковъ своихъ, что дѣлало преподаваніе его совершенно нагляднымъ (¹).

Ту же систему нагляднаго ученія мы видимъ въ другой изданной Янковичемъ книгѣ: «Зрѣлище Вселенныя», назна-

(¹) Журн. Комм. Учил. 3-го октября 1783 г.

ченной въ руководство при обученіи иностраннымъ языкамъ. Книга эта есть сокращеніе извѣстнаго сочиненія Коменія: «Orbis pictus», переведеннаго еще въ 1768 году на русскій языкъ профессоромъ Московскаго университета Шаденомъ подъ другимъ названіемъ: «Видимый Свѣтъ», такъ-какъ при переводѣ не приложено рисунковъ. Янковичъ, составляя свою книгу для училищъ, по образцу Коменія, сохранилъ рисунки, но ограничился объясненіемъ только 80-ти предметовъ, наиболѣе доступныхъ понятіямъ ученика. Въ толкованіяхъ своихъ онъ не держался слѣпо Коменія, а придумывалъ, гдѣ нужно, измѣненіе текста, сообразно съ мѣстными условіями обучающагося юношества. Приведемъ для сравненія объясненіе училища.

У Коменія сказано: «Школа есть мѣсто, въ которомъ молодые люди добродѣтели обучаются; она раздѣляется на классы. Учитель сидитъ на каѳедрѣ, а ученики на скамейкахъ; учитель обучаетъ, а ученики учатся. Учитель пишетъ имъ объясненія мѣломъ на доскѣ. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ и пишутъ. Онъ поправляетъ погрѣшности. Другіе стоятъ и читаютъ выученное на память, иные разговариваютъ, рѣзвятся и лѣнятся; такихъ наказываютъ ферулою и лозою».

У Янковича говорится: «Учитель въ училищѣ учитъ и пишетъ мѣломъ на чорной доскѣ: буквы, числа и рѣченія (слова). Ученики сидятъ на скамьяхъ, учатся и читаютъ совокупно, или по одиночкѣ. Вопрошаемый встаетъ и отвѣтствуетъ; а что учитель сказываетъ, пишутъ всѣ. Гдѣ разнымъ обучаютъ наукамъ, тамъ училище раздѣлено на классы (разряды)».

Отличіе книги Янковича отъ перевода Шадена заключается еще въ томъ, что первая заключаетъ въ себѣ слова и рѣченія только на трехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ, что сдѣлано сообразно съ потребностями народныхъ училищъ, во второмъ же, кромѣ того, приведенъ еще текстъ на итальянскомъ и французскомъ языкахъ ([1]).

([1]) Видимый свѣтъ на лат., росс., нѣм., франц. и итальян. языкахъ напечатанъ при Московской университетской типографіи 1768 г.;

Начало, которымъ руководствовался Коменій при изданіи своего знаменитаго сочиненія, было: «слова безъ знанія предмета пустыя слова. Что подлежитъ чувственному воспріятію, то впечатлѣвается въ памяти неизгладимо; глубже остается въ насъ такой фактъ, который мы сами прожили, нежели такой, о которомъ слышали, хотя бы и сто разъ» ([1]). Все это — сущая истина; но принципъ Коменія далеко не осуществился въ его книгѣ. Безконечная разница между изученіемъ самыхъ предметовъ и такихъ изображеній ихъ, которыя едва можно узнать, хотя при нихъ и находятся объясненія.

Этотъ послѣдній упрекъ можно сдѣлать и книгѣ «Зрѣлище Вселенныя»; исполненіе рисунковъ въ ней весьма дурно.

Для руководства къ всеобщей исторіи переведена была сначала переводчикомъ Академіи наукъ Киріакомъ, по указанію Янковича, всемірная исторія Шрекка, сокращенная въ одномъ томѣ для 3-го класса, и пространная въ четырехъ частяхъ для 4-го класса; но потомъ Янковичъ нашолъ болѣе удобнымъ передѣлать и сократить пространную исторію Шрекка. Съ этою цѣлью онъ составилъ всемірную исторію въ двухъ частяхъ, расположенную по народамъ съ прибавленіемъ, для узнанія современныхъ происшествій, хронологической таблицы, заключающей въ себѣ главнѣйшія эпохи изъ исторіи разныхъ народовъ ([2]).

Въ Исторіи Янковича, кромѣ описанія земель, служившихъ жилищемъ историческихъ народовъ, «показаны», какъ говорится въ предисловіи къ ней, «непрерывнымъ порядкомъ главнѣйшія ихъ дѣянія, доколѣ они тамъ пребывали, и изъяснены случившіяся во владѣніи ихъ знатныя перемѣны отъ одной эпохи до другой; воспомянуты великія дѣла ихъ согражданъ, оказавшихъ истинную любовь къ своему отечеству и

Зрѣлище вселенныя на лат., росс. и нѣм. языкахъ изданъ для народныхъ училищъ 1788 г.

([1]) Geschichte der Pädagogik von Karl von Raumer, 2-е изданіе, т II, стр. 78.

([2]) Журн. Комм. Учил. 1-го и 25-го апрѣля, 1-го и 11-го іюля 1783 г., 3-го и 10-го декабря 1784 г.

означены богослуженіе, законы, обычаи, нравы, науки, художества, торговля и все то, что возводило или низвергало ихъ благосостояніе».

Программа эта, не совсѣмъ легкая, выполнена удовлетворительно для элементарнаго учебника. На выдержку представимъ образецъ изложенія Янковича о законахъ, наукахъ, художествахъ, торговлѣ и вѣрѣ древнихъ египтянъ.

«Египетъ въ древнія времена славился своими законами, кои не токмо греками, но и многими другими народами были приняты. Между прочими, примѣчанія достойные, суть слѣдующіе: каждый подданный долженъ былъ намѣстнику тоя области, гдѣ жительствовалъ, объявить письменно о своемъ имени и промыслѣ; а кто пріобрѣталъ себѣ пропитаніе способомъ предосудительнымъ, того наказывали; слѣдовательно всѣ лѣнивцы и бродяги были тамо нетерпимы. Кто ложно доносилъ, тотъ подверженъ былъ тому самому наказанію, которому подлежалъ обвиняемой, когда бы нашелся дѣйствительно виновнымъ. Ежели кто видѣлъ, что на человѣка нападаютъ, тотъ долженъ былъ подать руку помощи въ опасности находящемуся; буде же сдѣлать сего былъ не въ состояніи, то долженъ былъ несостояніе сіе доказать, и по-крайней-мѣрѣ открыть злодѣя. У египтянъ званія были наслѣдственныя: если кто былъ воинъ, то и потомки таковаго долженствовали оставаться въ военномъ состояніи; буде же отецъ былъ художникъ, то и дѣти его пребывали оными жъ, и т. д. Цари египетскіе занимались по утрамъ разсматриваніемъ докладовъ и прошеній; а потомъ ходили въ храмъ, гдѣ читали имъ, вмѣсто поученія, дѣла знаменитыхъ мужей. Пища и питіе царей были весьма умѣрены; придворные ихъ были не только люди знатнаго состоянія, но и воспитанные въ особливомъ благонравіи. Царскія добродѣтели должны были состоять въ томъ, чтобъ царь былъ твердъ въ своей вѣрѣ, къ народу снисходителенъ, другъ истины и любящій болѣе награждать, нежели наказывать.

«Египтяне, получивъ письмо отъ Таута, приложили оное

къ наукамъ. Въ нихъ упражнялись одни токмо египетскіе жрецы, скрывая знанія свои отъ народа подъ іероглифами (¹). Они сочинили астрономическія таблицы, при помощи которыхъ наблюдали порядокъ теченія небесныхъ тѣлъ, по коимъ покушались предсказывать будущее, и положили начало суетной наукѣ астрологіи. Географію приписывали египтяне собственному своему изобрѣтенію; прилежали къ землемѣрію и къ исторіи; упражнялись въ физикѣ, и были почитаемы въ древнія времена изобрѣтателями врачебныя науки, превосходивъ въ бальсамированіи тѣлъ всѣ прочіе народы. Сооруженные ими огромные столпы и зданія, отъ которыхъ и теперь многія развалины видны, доказываютъ, что они успѣли и въ зодчествѣ. Во времена Моисеевы имѣли они уже у себя мѣдныя, литыя, полированныя зеркала. Рѣзное ихъ художество видимо еще и понынѣ во многихъ подобіяхъ; въ живописи были они особливо искусны наносить краски на гладкія и твердыя тѣла, такъ что оныя и по сіе время на нѣкоторыхъ остаткахъ столько свѣжи, какъ бы недавно были наложены; не умѣли однакожъ ихъ растѣнивать, т. е. ни возвысить, ни послабить цвѣта въ краскѣ. Изъ рукодѣлій ихъ извѣстнѣе прочихъ египетская бумага, изъ которой дѣлали также парусы, канаты и одѣяла; и притомъ полотняные и стеклянные заводы; изъ произведеній же естественныхъ изобиловали они хлѣбомъ. Торговля ихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи была во времена Псаммитиховы и Нехаовы; а потомъ въ царствованіе Птоломеевъ.

«Египтяне, хотя и вѣровали во Всевысочайшее Существо, однако почитали также и небесныя созвѣздія какъ преображенія Божества и боготворили великія добродѣтели, какъ напримѣръ: отдавали божескую честь Озириду за то, что онъ вывелъ народъ египетскій изъ дикаго его состоянія и привелъ въ благоустроенное, подавъ оному законы; а Изидѣ покланялися за приведеніе въ лучшее состояніе египетскаго зем-

(¹) Въ руководствѣ слѣдуетъ объясненіе іероглифовъ.

леделія и скотоводства. Сверхъ того содержали у себя египтяне съ великимъ почтеніемъ живаго чернаго быка Аписа и еще нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, въ разсужденіи почитанія которыхъ не были они однако никогда между собою согласны; ибо коего звѣря въ одномъ городѣ почитали неприкосновеннымъ, того въ другомъ презирали и убивали. Но не должно думать, будто бы египтяне были столь глупы, чтобы дѣйствительно почитать быковъ, кошекъ и другихъ животныхъ божествами; они уважали ихъ только для нѣкоторыхъ достопамятныхъ свойствъ и разнообразной пользы, каковую въ нихъ находили. Египтяне учредили въ честь божества празднественные обряды, построили храмы, воздвигли кумиры и жертвенники: у нихъ были также оракулы или прорицалища, которыми многіе люди и цѣлые народы были обманываемы. Они вѣрили безсмертію души человѣческой, съ тѣмъ, будто души по смерти животнаго изъ одного тѣла переходятъ въ другое, а по истеченіи трехъ тысячь лѣтъ опять въ прежнее свое возвращаются, отъ чего думаютъ и произошло бальсамированіе мертвыхъ тѣлъ.»

Особенное вниманіе въ историческомъ учебникѣ Янковича обращено на характеристику великихъ историческихъ дѣятелей, что въ первоначальномъ ученіи составляетъ весьма важный предметъ, доступный для учащихся и поучительный. Для образца представимъ характеристику Сократа:

«Сократъ до тридцати лѣтъ упражнялся въ ремеслѣ отца своего, т. е. въ рѣзномъ художествѣ. Потомъ предавъ себя наукамъ, превзошелъ въ оныхъ всѣхъ своихъ современниковъ, а особливо въ понятіи о Богѣ и во правоученіи. Имѣвъ мѣсто въ аѳинскомъ правленіи, неоднократно бывалъ онъ и на войнѣ; занимался однако жъ чрезъ всю свою жизнь болѣе наставленіемъ своихъ согражданъ, бесѣдуя съ ними дружески и предлагая слушателямъ своимъ вопросы по тѣхъ поръ, пока они отвѣтами своими желанію его удовлетворяли. Онъ училъ познавать Бога изъ его твореній и говорилъ, что истинное богопочитаніе состоитъ въ повиновеніи Божіимъ повелѣніямъ;

доказывалъ, что недозволеннаго и несправедливаго не можно почитать полезнымъ, что дружество безъ добродѣтели не есть дружество; что слову честнаго человѣка болѣе можно вѣрить, нежели клятвѣ другаго; что тотъ, кто менѣе дѣлаетъ, нежели сколько въ состояніи дѣлать, заслуживаетъ имя бездѣльника. Разговоръ Сократа съ сыномъ его о неблагодарности достоинъ, чтобъ юноши читали оной внимательно. Не взирая на всѣ истинно преполезныя наставленія, которыя Сократъ давалъ аѳинянамъ, обнесенъ онъ былъ своими непріятелями въ судѣ, яко бы отвергалъ Боговъ своего отечества и вводилъ въ вѣру многіе соблазны; когда жъ одинъ изъ друзей говорилъ въ защищеніе его рѣчь съ великимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ, то Сократъ сказалъ ему: «она весьма прекрасна, но для меня столь же мало прилична, какъ богатая одежда. Я не могу ничего лучшаго представить въ защищеніе свое, какъ, что во всю жизнь мою неправды никому не дѣлалъ». Сократъ, увѣряя судей, что и впредь стараться будетъ учить и просвѣщать своихъ согражданъ, столько тѣмъ ихъ огорчилъ, что они опредѣлили, дабы онъ самъ, по обыкновенію аѳинскому, назначилъ себѣ наказаніе; а какъ онъ на сіе имъ отвѣтствовалъ, что за просвѣщеніе своего отечества заслуживаетъ паче награжденіе; то они до того на него озлобились, что приговорили его къ смерти. Заключенный въ темницу, Сократъ, испивъ смертоносную чашу, равнодушно разговаривалъ еще о безсмертіи души съ друзьями своими и учениками: Платономъ, Критономъ и другими, и умеръ на 70-мъ году отъ рожденія. По прошествіи нѣкотораго времени раскаялись аѳиняне, что безчеловѣчно погубили мужа столь мудраго и добродѣтельнаго. Сократъ и по смерти принесъ отечеству своему великую пользу тѣмъ, что оставилъ много такихъ учениковъ, кои не токмо учителя, но и самое отечество свое прославили.» [1]

---

[1] Всемірная Исторія, изд. для народныхъ училищъ, С. Петербургъ, 1787 г.

Выписки эти лучше всякихъ разсужденій показываютъ достоинства и недостатки учебниковъ Янковича.

Въ заключеніе нашихъ замѣчаній объ этомъ предметѣ мы остановимъ наше вниманіе еще на одномъ руководствѣ, именно на книгѣ о должностяхъ человѣка и гражданина, которую мы приписываемъ также Янковичу. Книгу эту мы считаемъ весьма важною при опредѣленіи взгляда на характеръ воспитанія, который старались провести въ тогдашнія народныя школы и чрезъ нихъ въ самую жизнь народа. Въ правилахъ для учащихся опредѣлялась внѣшняя школьная дисциплина; здѣсь же развиваются нравственныя правила, которыми долженъ человѣкъ руководствоваться въ жизни, для того чтобы достигнуть счастія или, какъ говорится въ книгѣ, благополучія.

«Истинное благополучіе есть въ насъ самихъ. Когда душа наша хороша, отъ безпорядочныхъ желаній свободна и тѣло наше здорово, тогда человѣкъ благополученъ.

Для пріобрѣтенія этихъ условій благополучія мы должны:

1) Напаять душу нашу добродѣтелью.

2) Пещись надлежащимъ образомъ о нашемъ тѣлѣ.

3) Исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены.

4) Знать правила хозяйства.»

На этомъ основаніи всѣ должности человѣка и гражданина отнесены къ четыремъ главнымъ разрядамъ: къ образованію души, къ попеченію о тѣлѣ, къ добросовѣстному исполненію общественныхъ должностей и къ заботѣ объ исправномъ домоводствѣ.

Въ первой статьѣ, объ образованіи души, послѣ весьма яснаго опредѣленія души и душевныхъ силъ: памяти, ума или разума и воли, слѣдуютъ наставленія, какъ управлять душевными силами, раздѣленныя на пять главъ: о добродѣтеляхъ человѣческихъ, о должностяхъ къ Богу, къ ближнему, къ самому себѣ и о томъ, чего долженъ убѣгать добродѣтельный

человѣкъ. Въ числѣ обязанностей къ ближнему особенно важное значеніе придано здѣсь искренности.

«Искренность называется склонность и стараніе, другимъ, не обинуясь, то сказывать, что имъ полезно, и остерегать ихъ отъ того, что имъ вредно. Кто въ обхожденіи съ людьми не искренно поступаетъ, того вскорѣ всѣ возненавидятъ. Невозможно людямъ всѣхъ намѣреній и мыслей ближнихъ своихъ постигнуть, также и вообще невозможно имъ всего вѣдать; а потому и нужно имъ часто на то полагаться, что другіе скажутъ. Когда же люди скажутъ намъ не самую истину, то мы невѣдѣніемъ многое такое дѣлаемъ, которое намъ необходимый вредъ нанести можетъ. И сего ради лжецы во всякое время всѣми людьми ненавидимы бываютъ; а искреннему, о коемъ извѣстно, что истину любитъ, ложь же и лесть ненавидитъ, въ словахъ, обѣщаніяхъ, уговорахъ и повѣстяхъ его безъ божбы и клятвы вѣрятъ. Всякъ, кому онъ что обѣщаетъ, только твердо на слово его надѣется, какъ бы отъ иного письменное обязательство получилъ. Искренніе люди сію вообще имѣютъ за собою слабость (буде сіе слабостію назвать можно), что о всѣхъ другихъ по своему примѣру судятъ и отъ всѣхъ той же имъ свойственной искренности ожидаютъ: а какъ часто принуждены они бываютъ съ ложными людьми въ то или иное дѣло вступать; то и случается иногда, что ложные искренность ихъ во зло употребляютъ и, таковымъ образомъ обманывая ихъ, вредъ имъ причиняютъ. И такъ великая при семъ потребна осторожность, дабы мы съ одной стороны не весьма казались недовѣрчивыми, съ другой же стороны отъ опасности себя берегли быть обманутыми. Мы недовѣрчивымъ поступкомъ извѣстнаго въ честности человѣка могли бы озлобить; напротивъ того безумно бы было иному, коего искренность еще не испытана, неосмотрительно ввѣряться.»

Въ числѣ обязанностей къ самому себѣ заключаются: соблюденіе порядка, трудолюбіе, довольство своимъ состояніемъ, забота о хозяйствѣ и бережливость.

О трудолюбіи говорится:

«Кто всегда въ дѣлѣ упражняется, которое онъ по состоянію своему и по должностямъ званія своего отправлять долженъ, тотъ называется трудолюбивъ.»

«Трудолюбіе есть склонность и стараніе дѣлать то, чѣмъ кто себѣ и своимъ, по обстоятельствамъ состоянія своего, потребное содержаніе честно пріобрѣтаетъ, пріобрѣтенное же имѣніе праведно сохраняетъ. Трудъ и работа служатъ не только къ пріобрѣтенію нужнаго въ жизни, но и къ потребному ума и тѣлесной крѣпости упражненію, слѣдовательно и къ сохраненію здравія. А какъ первое, такъ и второе къ произведенію человѣческаго совершенства способствуетъ, то и должность наша есть трудиться.»

«Работою же или трудомъ называемъ всѣ тѣ упражненія, которыя мы или ради себя, или ради другихъ предпринимаемъ. Въ государствѣ нѣтъ ничего полезнѣе и нужнѣе трудолюбія и прилежанія подданныхъ: ничего же нѣтъ вредительнѣе лѣности или праздности. Лѣность лишаетъ даже здравія. Кто долго проспалъ, тотъ не весело идетъ на работу; пища же и питіе никогда толь пріятны не бываютъ, какъ по крѣпкомъ движеніи. Любящій трудъ прилеженъ; а ненавидящій оный лѣнивъ. Лѣнивый и праздный человѣкъ есть безполезное бремя земли и гнилой членъ общества.»

Но особенно важна послѣдняя глава о томъ, чего долженъ убѣгать добродѣтельный человѣкъ. Между прочими пороками здѣсь указаны: тщеславіе, грубость и хвастовство.

«*Тщеславіемъ* называется безмѣрное къ чести стремленіе и желаніе болѣе почестей имѣть, нежели надлежитъ, или получить можно. Кто не по заслугамъ насъ почитаетъ, тотъ ошибается или не знаетъ насъ. Намъ хотя и надлежитъ такъ поступать, дабы другіе познавали добрыя наши качества; но когда люди не признаютъ въ насъ оныхъ, тогда не должно намъ почитать себя обиженными и за то ихъ ненавидѣть, ниже о томъ печалиться; поелику все сіе не есть средство заслуги наши вѣдомыми учинить.

«Титла и похвалы суть обыкновенно суета. Разумный не

взираетъ на то, каковый кто титулъ носитъ; но на заслуги токмо смотритъ. Когда онъ увидитъ достоинства въ человѣкѣ, титловъ неимѣющемъ, то почитаетъ его болѣе всякаго титла имѣющаго, но недостойно оныя носящаго.»

«Тоже бываетъ и съ высокими отъ простаго народа намъ даваемыми похвалами. Одинъ разумной можетъ лучше похвалить, нежели тысяча глупыхъ. Многіе токмо для того жадны къ деньгамъ, понеже видятъ, что простой народъ тѣмъ, которые богаты, особливое нѣкое отдаетъ высокопочитаніе. Однако да не превозносится тотъ имѣніемъ своимъ, который онаго заслугами своими не пріобрѣлъ. Часто и самая нищета похвальна, когда кто при ней разумомъ и добродѣтелью другихъ превосходитъ. Кто чести своей въ многоцѣнной одеждѣ ищетъ, тотъ по большей части отъ однихъ купцовъ и ремесленниковъ высоко почитается, поелику онъ доставляетъ имъ большую прибыль. Никто изъ разумныхъ ради одежды, отличающей насъ отъ другихъ, не почитаетъ насъ болѣе, но паче осмѣиваетъ, что чести въ таковыхъ суетахъ ищемъ.»

«*Грубость* называется, когда то дѣлаемъ, что другихъ оскорбляетъ, или имъ противно и непріятно. Есть нѣкоторый родъ грубости, которая и самаго низкаго состоянія людямъ непростительна; да и христіанству, повелѣвающему другъ друга честью предварять, противна, именно же ради того, что оная означаетъ сердце, всякія любви лишенное. Рѣчи, коими явное къ ближнему презрѣніе показывается, всякія поносительныя и язвительныя названія, хотя и подъ видомъ шутокъ даваемыя, грубостью называются. Сей порокъ рождаетъ въ ближнихъ нашихъ противу насъ негодованіе, потому что всякъ, кому грубость являемъ, или кому и въ малыхъ услугахъ отказываемъ, можетъ изъ того усмотрѣть недоброхотство наше.»

«Понеже *хвастовству* рѣдко вѣрятъ, а долго никогда, и какъ скоро оное въ насъ узнаютъ, такъ скоро дѣлаемся мы смѣшными и презрительными; того ради надлежитъ сего порока убѣгать. Хвастовствомъ оскорбляемъ мы разумныхъ людей, поелику кажемся, что ихъ такими глупыми почитаемъ,

какъ будто они не въ состоянiи усмотрѣть въ насъ недостатка тѣхъ преимуществъ, о которыхъ мы ихъ увѣрить хотимъ.»

Вторая часть книги, имѣющая предметомъ попеченiе о тѣлѣ, состоитъ изъ двухъ главъ: въ первой подробно излагаются средства, какъ сохранять здоровье, и общiе прiемы при леченiи отъ болѣзней, а во второй объясняются правила благопристойности; въ гигiеническомъ отношенiи эта часть книги весьма важна, особенно если мы примемъ въ соображенiе, что всѣ наставленiя, здѣсь изложенныя, изучались тщательно въ школѣ и подъ руководствомъ учителя. Большое значенiе здѣсь придается соблюденiю опрятности и чистоты, въ чемъ мы видимъ разительное сходство съ наставленiями объ этомъ же предметѣ И. И. Бецкаго.

Болѣе всего по объему третья часть книги: о должностяхъ общественныхъ, гдѣ, послѣ общаго понятiя о союзѣ общественномъ, говорится о союзѣ супружескомъ, союзѣ родителей и дѣтей, союзѣ господъ и слугъ, и союзѣ гражданскомъ, и объ отношенiи къ обществу учоныхъ, художниковъ и ремесленниковъ.

Въ четвертомъ отдѣлѣ о гражданскомъ союзѣ подробно объясняются отношенiя подданныхъ къ Верховной власти, значенiе отечества для каждаго гражданина и способы изъявленiя любви къ отечеству въ каждомъ званiи. Вся эта часть заключается доказательствомъ пользы и необходимости различныхъ состоянiй въ государствѣ.

«Всякое званiе, всякое ремесло, всякое художество и всякая наука приносятъ пользу человѣческому обществу; и для того всякое званiе и всякъ, кто какому званiю себя посвятилъ, почтенiя достоинъ. Несправедливо было бы нѣчто полезное презирать; все, что истинную пользу приноситъ, важно и почтенiя достойно; и потому не должно никакое ремесло и никакой способъ къ честному себя пропитанiю презирать. Невозможно всѣмъ въ одномъ званiи быть и такъ одно званiе или одно ремесло да не презираетъ другое: ибо всѣ весьма полезны обществу.»

Послѣдняя часть о домоводствѣ состоитъ изъ общихъ пра-

вилъ, какъ вести хозяйство, не нарушая обязанностей въ отношеніи къ Богу, къ самому себѣ и къ ближнему.

«Должность къ ближнему нарушается, когда кто со вредомъ обогатить себя старается. Сіе бываетъ вообще или дѣйствительнымъ отниманіемъ, или удерживаніемъ. Дѣйствительнымъ отниманіемъ бываетъ, когда кто у ближняго что отнимаетъ или силою или коварствомъ, ложною мѣрою или вѣсомъ, ложными товарами, ложнымъ торгомъ и чрезмѣрною лихвою, или скитаясь по міру, когда можетъ прокормить себя работою. Удерживаніемъ же нарушается должность къ ближнему, когда кто занимаетъ и не возвращаетъ, когда кто домашнихъ своихъ и служителей болѣе возможнаго или обыкновеннаго дѣлать заставляетъ, съ ними жестоко и свирѣпо поступаетъ, или обѣщанное имъ удерживаетъ.» [1]

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали много выписокъ изъ этой рѣдкой въ наше время книги, чтобы, такимъ образомъ ближе познакомивъ съ нею нашихъ преподавателей, дать имъ возможность судить о воспитательныхъ средствахъ, употреблявшихся въ первыхъ народныхъ школахъ временъ Екатерины II-й. Знаемъ, что многіе возразятъ противъ дѣйствительности такихъ средствъ на томъ основаніи, что воспитываются люди не словами, а живыми примѣрами, и что безъ этого послѣдняго условія наставленія превращаются въ скучную мораль и сопровождаются печальными результатами въ дѣйствительной жизни.

Соглашаясь, что есть своя доля правды въ такомъ возраженіи, мы думаемъ однако, что истины, выраженныя съ такою осязательною убѣдительностью, какъ въ разсмотрѣнной нами книгѣ, не могли не имѣть вліянія на образованіе въ молодомъ поколѣніи новыхъ лучшихъ убѣжденій. Конечно истины эти проникали бы глубже въ душу, если бы живые примѣры всегда служили подкрѣпленіемъ ихъ; дѣло воспитанія народнаго въ такомъ случаѣ двигалось бы быстрѣе и

[1] О должностяхъ человѣка и гражданина, книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ, С. Петербургъ. 1783 г.

успѣшнѣе, что значило бы весьма много. Несмотря однако на неблагопріятную среду, которою окружена была школа, все же развитіе, одинъ разъ данное народному образованію, не останавливалось, а распространялось постепенно, обхватывая, хотя и медленно, все бóльшіе и бóльшіе слои въ массѣ народной.

Сдѣланный нами подробный разборъ нѣкоторыхъ учебниковъ, составленныхъ Янковичемъ и изданныхъ Коммисіею училищъ, показываетъ, что эта часть, важная для благосостоянія народныхъ училищъ, обработывалась въ то время весьма тщательно и заключала въ себѣ много матеріаловъ, необходимыхъ для правильнаго развитія учащихся.

Наравнѣ съ учебниками вниманіе Янковича обращено было и на всѣ вообще учебныя пособія. Мы видѣли уже труды его въ этомъ отношеніи по С. Петербургскому главному народному училищу и состоявшей при немъ учительской семинаріи. По образцу этого нормальнаго училища и во всѣхъ другихъ главныхъ народныхъ училищахъ, на основаніи составленнаго Янковичемъ устава народныхъ училищъ 5-го августа 1786 года, должны были находиться:

«1) Книгохранилище (библіотека), состоящее изъ разныхъ учебныхъ книгъ, особенно касающихся до предметовъ, проходимыхъ въ главномъ народномъ училищѣ, и изъ географическихъ чертежей.

2) Собраніе естественныхъ произведеній изъ всѣхъ трехъ царствъ природы, особливо же естественныхъ произведеній той губерніи, въ которой находится главное народное училище.

3) Собраніе геометрическихъ тѣлъ, математическихъ и физическихъ орудій, чертежей и моделей для изъясненія архитектуры и механики.» (1)

---

(1) Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16,421; Уставъ народныхъ училищъ.

Наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ эти пособія дѣйствительно находились при училищѣ, возложено было на директоровъ; а пріобрѣтеніе ихъ поставлено было въ обязанность Приказамъ Общественнаго Призрѣнія. Но изъ директоровъ, какъ мы уже выше замѣтили, немногіе принимали живое участіе въ училищахъ, а Приказы не имѣли никакихъ средствъ выполнить эти требованія устава. Они заботились только объ удовлетвореніи текущихъ нуждъ учебныхъ заведеній, и вся дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи ограничивалась тѣмъ, что они выписывали изъ книжной лавки, находившейся при Коммисіи училищъ, учебныя руководства и разсылали ихъ, по назначенію директоровъ, для продажи по училищамъ, при чемъ Коммисія училищъ, въ облегченіе Приказовъ, принуждена была отпускать книги въ долгъ и съ уступкою 20%, а при заведеніи главныхъ народныхъ училищъ въ 1786 г. послать даже безденежно учебныхъ книгъ и пособій на 10,595 р. 54 к., сумму по тому времени значительную.

Донесенія визитаторовъ, ревизовавшихъ народныя училища въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго: Козадавлева, Севергина и Захарова, показываютъ, что учебныя пособія при главныхъ народныхъ училищахъ были вообще въ жалкомъ положеніи, и что скудная библіотека ихъ состояла бо́льшею частью изъ книгъ пожертвованныхъ и притомъ не такихъ, какія нужны были для преподавателей; а кабинеты естественныхъ наукъ, физическіи и математическіи, почти не существовали [1]. Такимъ образомъ и съ этой стороны осуществленіе идей Янковича встрѣтило неодолимыя препятствія въ тѣхъ же обстоятельствахъ, которыя между прочимъ имѣли такое вредное вліяніе на учителей, именно въ дурномъ устройствѣ хозяйственной части.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что по недостатку средствъ прекращена была безденежная раздача книгъ учащимся, произ-

---

[1] Истор. стат. обозр. учебн. зав. С. Петербургскаго Округа съ 1715 по 1828 г., стр. 59, и Журн. Комм. Училищъ 20-го января и 26-го сентября 1788 г.

водившаяся въ первые годы учрежденія Коммисіи училищъ для бо̀льшаго привлеченія дѣтей въ народныя училища. Такая раздача была въ духѣ того времени, создавшаго, въ противоположность прежнему, новую систему, которая, отмѣнивъ принужденіе къ ученію, старалась привлечь къ наукѣ наградами и поощреніями всякаго рода, сопровождавшими учащихся и по выходѣ ихъ изъ учебныхъ заведеній. Уже въ уставѣ 5-го августа 1786 г. воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ главныхъ народныхъ училищахъ, при опредѣленіи къ мѣстамъ дано было предпочтеніе предъ неучившимися въ нихъ. Въ планѣ университетовъ, поднесенномъ на Высочайшее утвержденіе въ 1787 г., университетскимъ питомцамъ, по окончаніи ими полнаго курса наукъ, предоставлено было также преимущество предъ прочими, при поступленіи на службу. Впослѣдствіи система эта, при дальнѣйшемъ развитіи, приняла болѣе полныя и опредѣленныя формы и породила такъ-называемыя привилегіи учебныхъ заведеній. Какъ ни страннымъ кажется награждать человѣка за то, что онъ посредствомъ воспитанія стремится сдѣлаться человѣкомъ въ благородномъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе справедливость побуждаетъ насъ сказать, что эта система оказала у насъ огромное и благотворное вліяніе на развитіе просвѣщенія, заставивъ учиться сотни тысячь такихъ людей, которые безъ нея продолжали бы коснѣть въ невѣжествѣ. Оправдывая ее какъ временную мѣру, мы считаемъ однако постоянное ея существованіе не только безполезнымъ, но и вреднымъ; вреднымъ потому, что въ основаніи ея лежитъ идея несправедливости и покровительства однимъ болѣе развитымъ и счастливымъ на счотъ другихъ слабѣйшихъ и менѣе счастливыхъ. Другой вопросъ, наступила ли уже у насъ въ настоящее время пора отмѣнить эти привилегіи; для удовлетворительнаго рѣшенія его нужно имѣть много данныхъ, которыя могли бы представить положительное удостовѣреніе въ томъ, что потребность воспитанія сдѣлалась уже у насъ насущною потребностью: иначе полезнѣе для просвѣщенія пока оставить это дѣло in statu quo.

Въ заключеніе нашего обзора учебниковъ, изданныхъ Коммисіею училищъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, скажемъ нѣсколько словъ объ учебныхъ книгахъ, приготовленныхъ также Коммисіею для будущихъ гимназій и университетовъ. Хотя Янковичъ въ этихъ послѣднихъ трудахъ не участвовалъ, но для полноты статьи мы считаемъ не лишнимъ упомянуть объ нихъ.

И здѣсь за образецъ взяты были австрійскія книги, которыя бо̀льшею частью переведены были на русскій языкъ. Для ускоренія этого дѣла и доставленія ему правильнаго движенія, при Коммисіи училищъ образованъ былъ 24-го октября 1786 г. особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника П. И. Пастухова, изъ надворныхъ совѣтниковъ Коха и Туманскаго, къ которымъ съ 23-го января 1787 г. присоединенъ былъ Сырейщиковъ.

Въ комитетѣ этомъ были разсмотрѣны и изданы слѣдующія книги:

1) Въ 1788 г.: Логика Сырейщикова.

2) Физіологія Бергава, перев. Ахвердова.

3) Описаніе нравовъ и обычаевъ древнихъ Римлянъ, перев. Киріака.

4) Математика Кестнера, первая часть, перев. Пахомова.

Примѣчаніе Вторая часть ея переведена была въ 1800 г. академикомъ Иноземцовымъ.

5) Въ 1789 г. Ботаника Жакина, перев. Амбодика.

6) Физическая географія, первая часть, перевед. Карандашевымъ, а вторая Зуевымъ въ 1790 г.

7) Политическія науки Зонненфельса, перев. Козельскаго и Сырейщикова съ 1788—1790 г.

8) Начертаніе о естественномъ народномъ правѣ Мартина, перев. Пахомова.

9) Сокращеніе естественнаго землеописанія Бергмана.

10) Въ 1794 г. Нѣмецкое государственное право Питтера, перев. Цебрикова.

Трудившіеся надъ составленіемъ этихъ книгъ и переводовъ

получали отъ Коммисіи особое вознагражденіе; но, какъ извѣстно, труды ихъ не достигли цѣли.

Университетамъ не суждено было еще открыться въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й; а когда приспѣло время для этого при Александрѣ I-мъ, тогда указанныя нами книги уже устарѣли и замѣнены были другими, болѣе удовлетворявшими современнымъ требованіямъ науки [1].

Хорошіе учебники значатъ весьма много для благоустроенныхъ училищъ; но необходимо однако, чтобы учителя умѣли пользоваться ими и оживлять преподаваніе своимъ личнымъ участіемъ, основаннымъ на живомъ пониманіи дѣла; другими словами: искусная, принаровленная къ понятіямъ учащихся метода изложенія науки составляетъ существенное условіе успѣха въ ученіи, независимо отъ учебника, хотя бы и образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ,—иначе можно было бы научиться по хорошимъ книгамъ при дурныхъ учителяхъ и даже безъ учителей. Принимая это положеніе за истину и примѣняя его къ Янковичу, мы находимъ, что заслуги его въ отношеніи введенія разумной методы преподаванія въ нашихъ училищахъ были также огромны.

Положимъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ не былъ творцомъ, что метода ученія, введенная имъ у насъ, была создана не имъ, а выработалась на западѣ трудами другихъ педагоговъ; но тѣмъ не менѣе заслуги его въ этомъ отношеніи остаются весьма важными: онъ пересадилъ на нашу почву лучшіе плоды европейской дидактики, представлялъ собою у насъ олицетвореніе живого способа ученія и служилъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ руководителемъ и образцомъ для молодыхъ людей, приготовлявшихся у него къ званію учительскому.

Метода, введенная Янковичемъ, представляетъ съ одной стороны общіе пріемы преподаванія, равно пригодные для

---

[1] Журн. Комм. Учил. 24-го октября 1786 г., 23-го января 1787 г. и Историч. стат. обозр. учебн. заведен. С. Петербургскаго Округа 1715—1828 г., стр. 60.

каждой науки, и съ другой—частныя наставленія, какъ излагать тотъ или другой предметъ. Разсмотримъ же ее съ возможною въ нашей статьѣ подробностью, предваривъ нашихъ читателей, что многое въ методѣ этой уже устарѣло, кое-что въ ней излишне, но многое еще могло бы послужить къ оживленію преподаванія и въ настоящее время.

Общіе пріемы ученія подъ названіемъ учебнаго способа заключаютъ въ себѣ 1) совокупное наставленіе, 2) совокупное чтеніе, 3) изображеніе чрезъ начальныя буквы, 4) таблицы и 5) вопрошеніе.

Первые два пріема примѣнялись преимущественно къ первоначальному обученію въ двухъ низшихъ классахъ народныхъ училищъ. Учитель долженъ былъ занимать вдругъ весь классъ, или отдѣленіе класса, стоящее на одинаковой степени, а не заниматься съ каждымъ ученикомъ порознь, какъ это дѣлалось до того времени.

Съ этою цѣлью при совокупномъ наставленіи ученики раздѣлялись на отдѣленія, если классъ былъ многочисленъ, или состоялъ изъ учениковъ неодинаково успѣвшихъ. При спрашиваніи ученика, по вызову учителя, прочіе, принадлежащіе къ одному съ нимъ отдѣленію, должны были слѣдить за нимъ; потому-что учитель обращалъ попеременно вопросы то къ тому, то къ другому воспитаннику отдѣленія, стараясь при этомъ выговаривать всѣ слова громко, плавно и ясно, наблюдать за классомъ и ходить около учениковъ, чтобы видѣть, всѣ ли слушаютъ внимательно, особенно слабые ученики, которые должны были чаще другихъ отвѣчать и повторять вопросы.

Совокупное чтеніе заключалось въ одновременномъ упражненіи въ чтеніи всѣхъ учениковъ класса, причемъ или всѣ читали въ слухъ, или только нѣкоторые, или одинъ, а прочіе слѣдили за чтеніемъ по книгѣ. Само собою разумѣется, что при такомъ чтеніи у всѣхъ должны были находиться одинаковыя книги, чѣмъ устранялось прежнее зло отдѣльнаго ученія, допускавшаго безконечное разнообразіе книгъ. Каждая статья, назначенная для чтенія, громко прочитывалась сначала

учителемъ, или однимъ изъ учениковъ, потомъ повторялась нѣсколько разъ другими учениками, причемъ указывались и исправлялись погрѣшности противъ произношенія и приличной остановки на словахъ, дѣлались необходимыя поясненія читаннаго, предлагались разные вопросы, относящіеся къ статьѣ и, въ заключеніе всего, содержаніе статьи разсказывалось наизусть однимъ изъ учениковъ.

Пріемы эти, какъ видно изъ сказаннаго нами, примѣнены были къ общественному ученію, которое по сущности своей должно отличаться отъ частнаго, домашняго ученія, гдѣ учитель имѣетъ дѣло съ немногими и часто съ однимъ ученикомъ. Выгода такого способа ученія заключается въ томъ, что все время ученія обращается здѣсь въ пользу цѣлаго класса, а не одного ученика; учащіеся пріобрѣтаютъ навыкъ слушать внимательно и разсуждать о читанномъ, или слышанномъ ими, чрезъ что отвлекаются отъ лишнихъ шалостей, и наконецъ они, научась читать, вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно обогащаются понятіями о новыхъ для нихъ предметахъ.

Изображеніе чрезъ начальныя буквы должно было служить также въ низшихъ двухъ классахъ народныхъ училищъ для укрѣпленія памяти и поддержанія вниманія. Учитель писалъ на большой черной доскѣ предложенія изъ статьи, назначенной для выученія наизусть, первыми только буквами каждаго слова. Напримѣръ ученики, положимъ, должны были выучить Символъ Вѣры. Учитель бралъ сначала первое предложеніе: «Вѣрую во Единаго Бога Отца» и писалъ на доскѣ начальныя буквы В. в. Е. Б. О. съ соблюденіемъ прописныхъ и строчныхъ буквъ и знаковъ препинанія. Потомъ по начальнымъ буквамъ произносилъ онъ громко слова, ими означаемыя, и то же самое заставлялъ повторять учениковъ; убѣдившись, что всѣ знаютъ написанное начальными буквами, учитель продолжалъ писать далѣе такимъ же образомъ, по прежнему заставляя учениковъ повторять по начальнымъ буквамъ все написанное съ самаго начала.

Потомъ стирались всѣ начальныя буквы, и учитель испытывалъ, могутъ ли дѣти безъ помощи ихъ разсказать наизусть

то, что было написано. Если нѣтъ, то снова дѣлалось то же самое.

Безспорно, пріемъ этотъ могъ служить къ укрѣпленію памяти; но онъ требовалъ слишкомъ много времени, а потому кажется намъ излишнею утончоппостью.

Остальные два пріема: таблицы и вопрошеніе могли примѣняться къ преподаванію во всѣхъ классахъ и преимущественно въ высшихъ.

Таблицы представляли краткое содержаніе какой-нибудь науки.

Учитель означалъ на большой чорной доскѣ сначала главный предметъ, — потомъ части его одну за другой, далѣе послѣ каждой части ея раздѣленія и подраздѣленія, соблюдая при этомъ для бо́льшей наглядности правильность.

Въ такъ-называемыхъ *таблицахъ съ уступами* главныя части, означенныя римскими числами, стояли на одной линіи; раздѣленія подъ большими русскими буквами, также на одной линіи, уступомъ далѣе, подраздѣленія подъ арабскими цифрами выступали еще болѣе. Дальнѣйшія дѣленія на части отмѣчались русскими строчными буквами, арабскими цифрами и русскими строчными буквами съ одной скобкой и съ двумя скобками. Образцы такихъ таблицъ представляютъ теперь отчасти оглавленія книгъ.

Въ *таблицахъ со скобками* не употреблялись ни числа, ни буквы, но наблюдалось, чтобы части одного рода замыкались одною общею скобкою, чтобы отдѣленія ихъ выступали изъ главной линіи и чтобы скобки и отдѣленія одного рода стояли прямо однѣ подъ другими.

При обученіи по таблицамъ учитель, написавъ часть таблицы, объяснялъ ее ученикамъ, которые повторяли ее за нимъ до тѣхъ поръ, пока узнавали наизустъ; такимъ образомъ изучалась и вся таблица.

Способъ ученія по таблицамъ могъ быть особенно полезенъ при повтореніи; посредствомъ ихъ всѣ части предмета обозрѣвались вдругъ, порядокъ и связь ихъ представлялись чувственнымъ образомъ подъ знаками буквъ, чиселъ и скобокъ, а по-

тому предметъ легче впечатлѣвался въ памяти учащихся и становился для нихъ понятнѣе. Употребленіе же таблицъ, при прохожденіи предмета, какъ предписываетъ метода Янковича, едва ли могло приносить большую пользу. Если таблицы привязывали учителей къ порядку и не позволяли имъ дѣлать скачковъ въ преподаваніи и отступленій отъ предмета, то въ такомъ случаѣ онѣ и должны бы оставаться руководствомъ только для учителей; учениковъ же, пока они не знаютъ еще всего предмета, или по-крайней-мѣрѣ цѣлаго какого-нибудь отдѣла науки, таблицы могли только забавлять, но не научать.

Самый важный и самый полезный пріемъ въ учебномъ способѣ Янковича — это *вопрошеніе,* посредствомъ котораго учитель удостовѣрялся, поняли ли его ученики и такъ ли именно поняли, какъ слѣдуетъ.

Съ этою цѣлью для образца учителямъ, какъ предлагать вопросы, при нѣкоторыхъ учебникахъ напечатаны были примѣрные вопросы. Не ограничиваясь ими, учитель долженъ былъ «дѣлать самъ отъ себя пристойные вопросы, соображаясь особливо со свойствомъ отвѣтовъ». Вопросъ объ одномъ и томъ же предметѣ предлагался учителемъ нѣсколькимъ ученикамъ и попеременно безъ соблюденія очереди, причемъ онъ часто обращался къ пройденному въ предъидущіе уроки. Лучшіе ученики отвѣчали прежде, за ними слѣдовали посредственные и потомъ слабые. Достоинство вопросовъ состояло въ томъ, чтобы они были «кратки, опредѣленны, безъ возношеній (т. е. не высокопарны), полны, составлены изъ словъ извѣстныхъ и взятыхъ въ смыслѣ обыкновенномъ, а не иносказательномъ».

Ученики обязаны были слушать прилежно то, о чемъ ихъ спрашивали, и отвѣчать не *да* и не *нѣтъ,* но полною рѣчью и притомъ не книжными, а своими словами.

Учитель обсуживалъ отвѣты, исправлялъ погрѣшности и дѣлалъ, гдѣ того требовалось, толкованія, *объясняя всегда незнакомое ученикамъ посредствомъ знакомаго имъ,* употребляя при объясненіяхъ своихъ только точно и положительно из-

вѣстное ему, и на *объясненное уже разъ, не дѣлая новыхъ объясненій*.

При исправленіи погрѣшностей *способъ учебный* различаетъ погрѣшности въ *дѣлѣ* и въ *словахъ*.

«Въ разсужденіи дѣла бываютъ слѣдующія погрѣшности, когда ученикъ *ничего* не *отвѣчаетъ*, когда онъ *недостаточно отвѣчаетъ*, когда *лишнее отвѣчаетъ* и когда *ложно отвѣчаетъ*.»

Во всѣхъ этихъ случаяхъ обязанность учителя заключалась искусно предложенными вопросами вызвать ученика на вѣрный отвѣтъ и поставить его на прямую дорогу. Такъ напримѣръ, недостаточность отвѣта дополнялась новыми вопросами, причемъ учитель не говорилъ ученику, чего именно недостаетъ въ его отвѣтѣ, а заставлялъ его обдумывать вновь предложенные вопросы. Точно такъ же при отвѣтѣ, заключавшемъ въ себѣ излишнее, ученику давалось подумать, спрашивали ли его о томъ, что̀ онъ сказалъ, а потомъ заставляли отвѣчать снова съ опущеніемъ излишняго.

Погрѣшности въ отношеніи словъ заключались въ пропускѣ словъ, въ грамматическихъ ошибкахъ и въ употребленіи ученикомъ выраженій неточныхъ или непонятныхъ; онѣ исправлялись тотчасъ же учителемъ, въ присутствіи всего класса.

Нѣтъ сомнѣнія, что способъ вопрошенія, превращая урокъ въ постоянную бесѣду учителя съ учениками, долженъ былъ оживлять преподаваніе и развивать мыслительную способность учащихся. Бѣда только въ томъ, что не всѣ учителя были способны вести и поддерживать такую живую бесѣду; бо̀льшая часть изъ нихъ не умѣла выполнить, или не хотѣла задавать себѣ подобнаго труда. Поэтому примѣрные вопросы, находящіеся при нѣкоторыхъ учебникахъ, не вызывали такихъ педагоговъ на размышленіе, а дѣйствовали на нихъ вредно, поддерживая ихъ умственную лѣнь.

Отъ общихъ пріемовъ при ученіи перейдемъ къ обзору частныхъ наставленій при изложеніи каждой отдѣльной науки.

При обученіи *чтенію* въ народныхъ школахъ употреблялись большія таблицы азбучныя, заключавшія въ себѣ буквы,

и таблицы для складовъ, послѣ чего уже переходили къ букварю и чтенію правилъ для учащихся. Для бóльшей наглядности на таблицѣ для складовъ по обѣимъ сторонамъ напечатаны были согласныя буквы чорною краскою, на рединѣ гласныя — красною, а двоегласныя, какъ-то: ай, ой, и т. п. зеленою (¹).

Въ азбучныхъ таблицахъ буквы расположены были въ четыре ряда: не по азбучному порядку, но по происхожденію ихъ одной отъ другой; въ первомъ рядѣ заключались буквы, состоящія изъ однихъ прямыхъ чертъ, какъ і, г, п; во второмъ — изъ прямыхъ и косыхъ, какъ л, д; въ третьемъ изъ кривыхъ и прямыхъ (ч, я), и въ четвертомъ — изъ однихъ кривыхъ (с, е).

Одно такое расположеніе уже значительно облегчало ихъ изученіе. Сначала учитель знакомилъ учениковъ съ точкою, потомъ съ чертою прямою и кривою, и далѣе объяснялъ буквы въ порядкѣ ихъ происхожденія одной отъ другой, начиная съ перваго ряда. Объясненія всякій разъ сопровождались писаніемъ буквъ на большой чорной доскѣ. Для удостовѣренія въ томъ, что ученики хорошо запомнили буквы, учитель заставлялъ отыскивать ихъ на азбучной таблицѣ.

Складываніе начиналось съ легкихъ слоговъ по таблицѣ, и потомъ переходили къ болѣе труднымъ слогамъ, причемъ сообщались предварительныя понятія о различіи буквъ, послѣ чего уже приступали къ букварю и знакомили учениковъ съ буквами въ азбучномъ ихъ порядкѣ.

Особенное вниманіе обращалось на правильность и чистоту выговора. «Ежели бы ученикъ не могъ выговаривать слога *взглядъ,* то, отброся сначала *вз,* заставить его выговорить напередъ *глядъ;* если же не можетъ и сего, то отбросить еще спереди *г,* а когда говоритъ *лядъ,* то приложить *г,* опять потомъ приставить *з,* чтобы выговорить *зглядъ,* а наконецъ *в* для выговору *взглядъ*». Это, повидимому, мелочное замѣчаніе

(¹) Замѣтимъ, что принятіе здѣсь двоегласныхъ буквъ составляетъ неудачное подражаніе нѣмецкимъ дифтонгамъ.

объ исправленіи выговора, въ сущности однако важно. Какъ многіе, единственно отъ небрежности при первоначальномъ ученіи чтенію, остаются навсегда съ дурнымъ выговоромъ той или другой буквы.

За чтеніемъ книгъ гражданской печати слѣдовало чтеніе печати церковной, какъ болѣе трудной, и потомъ рукописей, сначала написанныхъ четкимъ почеркомъ, а потомъ менѣе разборчивымъ. Къ чтенію послѣднихъ приступали впрочемъ тогда, когда ученики уже научились хорошо писать.

При обученіи *письму*, прежде всего пріучали учениковъ къ *порядочному положенію тѣла, рукъ* и *къ держанію пера*, что къ сожалѣнію и въ настоящее время пренебрегается многими учителями къ большому ущербу для успѣховъ въ чистописаніи. Затѣмъ прилагали къ дѣлу съ надлежащею постепенностью правила, изложенныя подробно въ особенномъ руководствѣ къ чистописанію, составленномъ Янковичемъ и заключающемъ въ себѣ постановленія касательно самой методы ученія письму, исправленія ошибокъ, употребленія прописей и тетрадей, правописанія и письма подъ диктовку.

Метода ученія письму, въ настоящее время слишкомъ уже извѣстная всѣмъ, тогда составляла новость, по-крайней-мѣрѣ у насъ. Начинали съ черточекъ и линій прямыхъ, косыхъ и кругловатыхъ и потомъ постепенно переходили къ буквамъ, различая при этомъ длину, толщину и размѣръ каждой черты. Ученики сначала писали по линейкамъ, но потомъ пріучались писать и безъ линеекъ на осьмушкѣ и четвертушкѣ листа, посредствомъ означенія обоихъ концовъ строчекъ точками, и наконецъ совсѣмъ безъ означенія точекъ. Конечно проще и ближе къ цѣли было бы вовсе не употреблять линеекъ, какъ это и дѣлается теперь всѣми хорошими учителями каллиграфіи.

Къ ученію *ариѳметики* приступали такіе ученики, которые уже умѣли порядочно читать и писать. За объясненіемъ правила всегда слѣдовали примѣры, въ рѣшеніи которыхъ упражнялись всѣ ученики въ классѣ или дома, причемъ преимущественно выбирались случаи, «которые попадаются въ

общежитіи, въ хозяйствѣ, въ ремеслахъ, художествахъ, купечествѣ и другихъ честныхъ промыслахъ, въ мѣрѣ, вѣсѣ и монетѣ употребительной». При предложеніи задачъ учитель не объяснялъ ученикамъ, по какому правилу онѣ рѣшаются, но наводилъ ихъ на то посредствомъ вопросовъ, касающихся предмета задачъ. Въ наставленіи учителямъ ариѳметики замѣчательно практическое правило, равно относящееся впрочемъ и ко всѣмъ учителямъ: «Учитель долженъ замѣчать въ *школѣ* каждый разъ какъ число тѣхъ учениковъ, которые показанное имъ хорошо поняли, такъ и тѣхъ, которые отстали. *Дома* долженъ онъ у себя подумать, для чего первые показанное имъ такъ скоро поняли, а другіе нѣтъ, и выискивать хорошія средства, какъ бы побудить отставшихъ въ слѣдующіе часы къ бо̀льшему вниманію и удержать при ономъ прилежныхъ» [1]. Золотое правило! сколько прекрасныхъ плодовъ принесло бы оно, если бы всѣ учителя слѣдовали ему постоянно.

Учитель *геометріи* и *механики* долженъ былъ показывать ученикамъ приложеніе теоретическихъ знаній къ жизни и объяснять значеніе и пользу инструментовъ.

Точно такъ же и преподаваніе *физики* должно было основываться на опытахъ.

Съ преподаваніемъ *архитектуры* соединялось черченіе плановъ и составленіе моделей.

Учитель *естественной исторіи* обязанъ былъ показывать ученикамъ при объясненіи царства ископаемаго, «до чего при какой рудѣ искусство человѣческое уже дошло или перемѣною, или смѣшиваніемъ, или обдѣлываніемъ той руды»; при царствѣ растительномъ обращать вниманіе, «чтобы ученики самыя важныя, къ ихъ собственному домостроительству и государственной выгодѣ служащія истины познавали и общее понятіе пріобрѣтали, какимъ образомъ то или другое произрастеніе обдѣлываніемъ, въ разсужденіи здравія, пропитанія, художества, купечества и проч. въ пользу человѣческую упо-

---

[1] Руководство учителямъ 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи. С.-Петербугъ, 1789 г. изд. 2-е.

требляется»; при царствѣ же животныхъ слѣдуетъ кромѣ того «изъяснять ученикамъ, сколько можно, и естественное ихъ расположеніе и состояніе». Сверхъ того для яснѣйшаго понятія и бо́льшаго впечатлѣнія пройденнаго въ памяти учащихся необходимо, чтобы учитель 1) кромѣ учонаго названія предметовъ приводилъ и обыкновенное ихъ названіе у простолюдиновъ и 2) показывалъ, гдѣ какая вещь родится и почему именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ ученики должны имѣть при себѣ географическія карты и отыскивать на нихъ тѣ мѣста, гдѣ какія произведенія по естественной исторіи родятся и находятся.

Грамматика *русскаго языка* проходилась практически; всѣ выводы дѣлались изъ примѣровъ, и кромѣ того ученики упражнялись въ письменныхъ сочиненіяхъ преимущественно на темы, близкія къ понятіямъ ихъ, или употребительныя въ общежитіи, какъ напр. извѣщеніе родителей объ успѣхахъ ученія, толкованіе о предметахъ домашняго хозяйства и т. п. При сочиненіяхъ обращалось особенное вниманіе на правильность языка.

Учитель *исторіи* долженъ былъ особенно стараться о томъ, чтобы ученики его понимали, «что́ было главною причиною всякихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ и какъ истинная любовь и приверженность къ своему отечеству способствовали благосостоянію сограждань въ древнія и нынѣшнія времена». Согласно съ этимъ взглядомъ въ курсъ исторіи, какъ мы уже выше видѣли, введена характеристика важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей. Объясненія учителя сопровождались указаніемъ на картѣ рѣкъ, мѣстъ и границъ государства въ разныя времена. Слѣдующій пріемъ при ученіи исторіи напоминаетъ введенную впослѣдствіи методу Язвинскаго: «Когда учитель читаетъ исторію, онъ долженъ также имѣть большія таблицы, раскрашенныя черною краскою и раздѣленныя по главамъ на колумны, или столбцы. Какъ въ заглавіи сихъ столбцовъ находятся только имена народовъ и государствъ, а на лѣвой сторонѣ таблицъ годы вообще или тысячные, или сотые, то при чтеніи исторіи учитель застав-

лялъ учениковъ записывать меломъ годы, достопамятныя имена и главныя происшествія въ исторіи означенныя, подъ тотъ вѣкъ и въ ту клѣтку, коея заглавіе показываетъ государство или народъ описываемый, чтобъ ученики тѣмъ легче и тверже могли впечатлѣть ихъ въ памяти и обозрѣть однимъ взглядомъ порядокъ и связь происшествій. Причемъ надлежитъ наблюдать, чтобъ написанное не стирать: ибо когда предметы часто глазамъ представляются, то не токмо они дѣйствуютъ сильно на память, но и при продолженіи исторіи служатъ къ сообразованію съ оными современныхъ достопамятныхъ происшествій, случившихся въ тѣхъ же вѣкахъ у древнихъ народовъ».

Преподаваніе *географіи* начиналось по глобусу; сначала объяснялись всѣ части свѣта вообще, а потомъ переходили къ географіи отечественной. Упражненіе въ черченіи картъ шло неразлучно вмѣстѣ съ преподаваніемъ; черченіе это производилось въ самомъ классѣ меломъ на большихъ картахъ, раскрашенныхъ чорною краскою. При этомъ вмѣнялось учителю въ обязанность давать ученикамъ понятіе «объ естественномъ состояніи и выгодахъ каждой земли, объ упражненіяхъ и купечествѣ народа, образѣ правленія и силѣ государства, дабы ученики не одни только имена земель и водъ учили, что было бы для нихъ сухо и дѣйствительно пользы мало въ себѣ заключало; но познавали бы притомъ и то, какъ одно государство съ другимъ или въ разсужденіи купечества, или по другимъ какимъ обстоятельствамъ связано».

Учитель *рисованія* занималъ въ классѣ учениковъ своихъ рисованіемъ не однихъ только частей тѣла человѣческаго, но и другихъ предметовъ, могущихъ встрѣтиться въ художествахъ, мастерствахъ и общежитіи [1].

Самое подробное наставленіе касательно преподаванія дано было учителямъ *иностранныхъ языковъ;* они должны были:

1) Посредствомъ частаго повторенія иностранныхъ звуковъ заблаговременно пріучить дѣтей къ чистому произношенію, пока языкъ ихъ еще мягокъ.

---

[1] Журн. Комм. Учил. 1-го іюля 1783 г.

2) Потомъ для упражненія въ чтеніи употреблять составленную съ этою цѣлью книгу: «Зрѣлище Вселенныя». Съ чтеніемъ соединяется разговоръ на иностранномъ языкѣ о предметѣ чтенія, причемъ объясняются и запоминаются слова и цѣлыя предложенія на этомъ языкѣ.

3) Далѣе учитель объясняетъ части рѣчи безъ дальнихъ грамматическихъ опредѣленій и все примѣрами изъ книги, назначенной для чтенія.

4) Склоненія и спряженія показываются при самомъ чтеніи изъ именъ и глаголовъ, встрѣчающихся въ читаемой статьѣ. «Не должно читать грамматики сряду, подробно и нарочно, ниже заставлять учениковъ твердить правила оной отъ слова до слова наизусть; но токмо показывать тѣ мѣста, гдѣ образцы и примѣры въ оной находятся, дабы они при собственномъ повтореніи и внѣ классовъ имѣли предъ глазами то, что учитель показалъ имъ въ школѣ.»

5) Чтобы познакомить учениковъ съ идіотизмами иностранныхъ языковъ, учитель пишетъ ихъ на доскѣ съ русскимъ переводомъ и посредствомъ сравненія объясняетъ ихъ синтаксическое различіе.

6) Наконецъ, когда ученики пріобрѣтутъ такимъ образомъ значительный запасъ словъ, можно приступить къ изустнымъ и письменнымъ переводамъ сначала съ иностраннаго языка на русскій, а потомъ съ русскаго на иностранный. Для этой цѣли употреблять статьи объ извѣстныхъ ученикамъ предметахъ, причемъ учитель долженъ показывать ученикамъ употребленіе словарей какъ альфабетическихъ, такъ и этимологическихъ ([1]).

Окончимъ этими замѣчаніями и скажемъ наше послѣднее слово о методѣ Янковича. Если строго обсуживать ее по современнымъ требованіямъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя не признать въ ней свѣжести и ясности педагогическаго взгляда, всегда и во всемъ вѣрнаго самому себѣ. Отличительный ха-

([1]) Полн. Собр. Зак., Т. XXII, № 16421, Уст. Народн. Училищъ.

рактеръ ея выражается въ стремленіи къ живому преподаванію предмета, возбуждающему и овладѣвающему всѣми душевными силами учащагося. Поэтому неудивительно, что метода его, какъ противодѣйствіе схоластическому и механическому способу ученія, принята была, кромѣ народныхъ училищъ того времени, между прочимъ въ духовныхъ училищахъ, въ корпусахъ: Сухопутномъ, Кадетскомъ и Артиллерійскомъ и Инженерномъ, въ Обществѣ воспитанія благородныхъ и въ училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ. Конечно не вездѣ ее понимали, какъ слѣдуетъ, и даже бо̀льшею частью не умѣли, или не хотѣли пользоваться ею надлежащимъ образомъ; но тѣмъ не менѣе, хотя она и упала съ теченіемъ времени, но успѣла пустить ростки въ нашихъ училищахъ, и нѣкоторыя наставленія ея долго служили единственнымъ руководствомъ для учителей нашихъ народныхъ школъ. Прибавимъ однако, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе забывалась она, не замѣняясь ничѣмъ новымъ; въ настоящемъ столѣтіи спеціальное приготовленіе учителей для элементарныхъ училищъ почти было оставлено за исключеніемъ Дерптскаго и Варшавскаго округовъ, гдѣ находятся теперь особыя учительскія семинаріи для образованія учителей народныхъ школъ. Для всѣхъ же прочихъ низшихъ училищъ Имперіи существовало только временно въ С. Петербургѣ спеціальное учебно-воспитательное заведеніе, подъ названіемъ 2-го разряда Главнаго Педагогическаго Института, сначала съ 20-го января 1820 г. до 12-го марта 1822 г. и потомъ съ 30-го сентября 1839 г. по 1-е января 1848 г. (¹). При краткости своего существованія и ограниченномъ числѣ воспитанниковъ заведеніе это не могло естественно удовлетворять потребности въ первоначальныхъ учителяхъ, а потому мѣста ихъ занимались и до сихъ поръ занимаются окончившими курсъ и даже не окончившими его воспитанниками гимназій и духовныхъ семинарій, или посторонними ли-

---

(¹) Истор. стат. обозр. учебн. завед. С. Петербургскаго Округа съ 1719—1828 г., стр. 120 и истор. обозр. перваго 25-ти лѣтія Главнаго Педагогическаго Института 1853 г., стр. 20, 23 и 28

цами, выдержавшими опредѣленное на этотъ предметъ испытаніе, или что еще хуже, казенными студентами педагогическаго института и университетовъ, признанными неспособными для занятія учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ. Невыгодная сторона такой системы заключается въ томъ, что въ училища поступаютъ учителями лица, не приготовленные спеціально къ этой должности, совершенно незнакомые съ требованіями педагогики и дидактики, и избравшіе это поприще большею частью чисто по внѣшнимъ побужденіямъ, или наконецъ такія лица, которыя, несмотря на свою неспособность, считаютъ для себя занятіе въ уѣздномъ училищѣ слишкомъ низкимъ. Результаты такой системы снабженія низшихъ училищъ учителями конечно не могли оказать полезнаго вліянія на ученіе и воспитаніе въ нихъ. Не здѣсь ли должно искать одной изъ главнѣйшихъ причинъ, почему наши народныя училища въ слишкомъ 70 лѣтъ своего существованія только значительно размножились, но мало подвинулись впередъ въ педагогическомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать того при правильномъ уходѣ за ними. За то съ другой стороны внѣшній школьный порядокъ, заведенный Янковичемъ и для поддержанія своего не требовавшій ни съ чьей стороны особыхъ умственныхъ усилій, удержался и по настоящее время во всей своей силѣ и вездѣ, разумѣется, съ необходимыми видоизмѣненіями, зависящими отъ личности управляющихъ тѣмъ или другимъ училищемъ.

Считаемъ излишнимъ говорить объ этомъ предметѣ, потому-что онъ всѣмъ учившимся въ общественныхъ нашихъ заведеніяхъ болѣе или менѣе извѣстенъ, а скажемъ въ дополненіе педагогической характеристики Янковича, что, независимо отъ образованія учителей, составленія учебниковъ, введенія новыхъ методъ преподаванія въ народныхъ училищахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, о которыхъ мы упоминали выше, Янковичъ, по особому довѣрію къ нему Коммисіи училищъ, участвовалъ во всѣхъ трудахъ, имѣвшихъ цѣлью устройство или упроченіе учебной части тамъ, гдѣ дѣло это зависѣло отъ Коммисіи. Труды его въ этомъ послѣднемъ отношеніи по

обществу воспитанія благородныхъ и училищу мѣщанскихъ дѣвицъ, по корпусамъ Сухопутному, Кадетскому, Артиллерійскому и Инженерному и по частнымъ учебнымъ заведеніямъ были уже нами разсмотрѣны; мы видѣли также, что ему же принадлежитъ учебная часть Устава С.-Петербургскаго Главнаго Народнаго Училища съ учительскою при немъ семинаріею, а потомъ и общаго Устава всѣхъ народныхъ училищъ. Мало того, онъ же, для поддержанія устроеннаго порядка, писалъ отъ имени Коммисіи инструкціи тамъ, гдѣ признавалось это нужнымъ. Таковы напримѣръ наставленія надзирателю народныхъ училищъ Струговщикову въ 1783 году, наказъ директору С.-Петербургскихъ народныхъ училищъ Козадавлеву при вступленіи его въ управленіе училищами, наказъ лицамъ, назначеннымъ для освидѣтельствованія частныхъ пансіоновъ въ С.-Петербургѣ въ 1784 году, наказъ директору учительской семинаріи Коху въ 1787 году и наказъ объ осмотрѣ народныхъ и частныхъ училищъ въ губерніяхъ: Новгородской, Тверской, Московской, Тульской, Калужской, Владимірской, Ярославской, Вологодской, Рязанской и Тамбовской визитатору Козадавлеву въ 1788 году (¹). Въ послѣднемъ наказѣ предписано визитатору обратить особенное вниманіе на дѣятельность приказовъ общественнаго призрѣнія и личность директоровъ и учителей, такъ-какъ отъ нихъ преимущественно должно было зависѣть благосостояніе училищъ. Замѣчательно еще, что директорамъ и учителямъ высшихъ классовъ поручалось присылать въ Коммисію училищъ статистическія и географическія свѣдѣнія о тѣхъ намѣстничествахъ, въ которыхъ они жили: программа этихъ свѣдѣній заключала въ себѣ:

а) Вѣрное описаніе общаго состоянія губерніи, какъ-то: горъ, большихъ равнинъ, лѣсовъ и проч.

б) Описаніе рѣкъ, которыя изъ нихъ судоходны и на коихъ мельницы, или заводы какіе.

(¹) Журн. Комм. Учил. 30-го мая и 12 августа 1783, 27-го августа и 10-го сентября 1784, 30-го января 1787 и 20 го января 1788 года.

в) Озера и рыбныя ли они.

г) Краткое извѣстіе о древней исторіи губерніи и о народахъ тамъ жившихъ; есть ли гдѣ древніе остатки, курганы— и что о нихъ повѣтствуютъ.

д) Произведенія изо всѣхъ трехъ царствъ природы и которая страна, или уѣздъ того намѣстничества тѣмъ или другимъ произведеніемъ больше славится.

е) Каковы земледѣліе, скотоводство, рыбная ловля, промыслы, заведенія, фабрики, заводы и торги не только въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но и въ деревняхъ, и чьи отличныя сіи деревни? Куда съ оныхъ фабрикъ товары по большей части въ продажу отправляются?

ж) Какія науки и художества съ означеніемъ, сколько есть училищъ и семинарій?

з) Какое вообще свойство народа въ нравахъ и обычаяхъ, какое въ языкѣ нарѣчіе и къ какимъ промысламъ вообще народъ того намѣстничества склоненъ.

и) Коликое число душъ мужескаго и женскаго пола во всей губерніи считаютъ и какъ далеко отстоятъ уѣздные города, или знатныя селенія отъ губернскаго города, въ которую сторону свѣта и при какихъ рѣкахъ, или озерахъ именно.

і) Какой гербъ каждаго уѣзда.

Доставлялись ли такія свѣдѣнія въ Коммисію училищъ, не знаемъ; но идея объ этомъ предметѣ заслуживаетъ вниманія.

Послѣ всего сказаннаго нами естественно является вопросъ, какой же результатъ всѣхъ этихъ трудовъ Янковича? Не безплодны ли были его усилія, потому-что народныя училища оказались на дѣлѣ далеко не соотвѣтствующими идеалу объ нихъ составленному, превратившись въ формальныя школы съ характеромъ ученія болѣе или менѣе механическимъ? На вопросы эти отвѣтимъ коротко: идеи воспитательныя, какъ и всякія идеи, проникаютъ въ жизнь народную весьма медленно; по духовному своему свойству, онѣ остаются на долго неуловимыми для массы, ухватывающейся сначала за внѣшнее ихъ проявленіе, за форму. Духъ европейской цивили-

заціи, перенесенный на нашу почву геніемъ Петра Великаго, былъ понятъ сначала только немногими избранниками; масса же усвоила только внѣшнія его формы. То же самое сталось и съ училищами: въ первый періодъ существованія ученіе и воспитаніе въ нихъ получили характеръ форменный; но идеи, ихъ создавшія, несмотря на всю неблагопріятность обстановки, не погибали, поддерживаясь небольшимъ кружкомъ людей, постепенно расширявшимся. Доказательствомъ тому служатъ неопровержимые факты: при Императорѣ Александрѣ I-мъ изъ народныхъ училищъ развились гимназіи, а изъ гимназій университеты; при Императорѣ Николаѣ потребность въ ученіи изъ городовъ перешла—въ села. Не дремали между-тѣмъ и воспитательныя идеи, сѣмена которыхъ посѣяны были при Екатерины II-й; мало-по-малу развиваясь и осиливая форму, онѣ выразились наконецъ сознательно въ настоящее царствованіе цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ педагогическихъ статей. Плоды поздніе, но очевидные.

Поэтому естественно, что грандіозная мысль Императрицы Екатерины II-й о заведеніи въ Россіи университетовъ, сначала въ Екатеринославлѣ, потомъ въ Псковѣ, Пензѣ и Черниговѣ не могла осуществиться въ ея царствованіе; для исполненія такого предположенія не приготовлена была еще почва, что и было, по нашему мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ неудачи въ этомъ дѣлѣ, изложеніе котораго мы вносимъ въ нашу статью, потому-что между прочими лицами и Янковичъ принималъ нѣкоторое участіе въ трудахъ по составленію плана университетскаго ученія. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе перваго указа Императрицы, даннаго на имя князя Потемкина о заведеніи университета въ Екатеринославлѣ, такъ-какъ по этому предмету не было приступлено къ исполненію, мы начнемъ съ Высочайшаго указа, на имя Коммисіи училищъ 20-го января 1786 года. «Видѣвъ съ особливымъ удовольствіемъ успѣхъ и пользу отъ трудовъ Коммисіи объ учрежденіи училищъ происходящія, мы признаемъ за нужное, чтобъ оная приступила къ сочиненію плана университетамъ и гимназіямъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей заводимымъ. Для испол-

пенія сего, доставляя свѣдепія Нами собранныя по сей части, и книги по другимъ мѣстамъ для таковыхъ высшихъ училищъ употребляемыя, повелѣваемъ той Коммисіи представить Намъ мнѣніе ея, на каковомъ пространствѣ устроить помянутые университеты и гимназіи; въ руководство же ей предписываемъ: *первое* на первое время достаточнымъ мы почитаемъ имѣть три университета и именно: въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; *второе* «Богословскій факультетъ не долженъ входить въ университеты; ибо по правиламъ, отъ предковъ Нашихъ принятымъ и отъ насъ свято соблюдаемымъ, ученіе Богословія присвоено училищамъ духовнымъ, изъ коихъ «не токмо двѣ духовныя Академіи», Московская Заиконоспасская и Кіевская, тѣмъ факультетомъ снабжены, но и всякая семинарія можетъ завести сіе ученіе; *третіе* Медицинскій факультетъ при означенныхъ университетахъ непремѣнно положенъ быть имѣетъ на такомъ пространствѣ, колико то нужно для снабдѣнія обширной Имперіи Нашей искусными врачами; *четвертое* Коммисія не оставитъ войти въ разсмотрѣніе, въ которыхъ именно мѣстахъ сообразнѣе съ пользою государственною и съ состояніемъ жителей завести гимназіи; вслѣдствіе чего долженствуютъ вступить въ распоряженіе ея, исключая духовныя училища и университетъ Московскій, всѣ прочія по Государству заведенныя мѣста для ученія подъ какимъ бы ни было названіемъ; *пятое* при сочиненіи проекта объ университетахъ и гимназіяхъ, Коммисія да имѣетъ за правило, чтобъ управленіе оныхъ, подчиненность ихъ, права и преимущества ихъ соглашены были съ учрежденіями государственными; *шестое* Коммисія для исправленія дѣла отъ Насъ ей порученнаго можетъ требовать пособія силою сего указа Нашего какъ отъ духовныхъ училищъ, такъ отъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и Московскаго университета, кои таковое пособіе всемѣрно подавать обязаны.»

Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія Коммисія училищъ поручила члену своему статскому совѣтнику Крейдеману и коллежскимъ совѣтникамъ Янковичу, Козадавлеву и надворному совѣтнику Коху разсмотрѣть подробно учрежде-

нія высшихъ училищъ Австрійской Имперіи и представить замѣчанія, «по колику правила ихъ могутъ или не могутъ быть приняты въ основаніе проектируемымъ здѣсь въ государствѣ училищамъ высшаго рода». При разсмотрѣніи этомъ, по предложенію тайнаго совѣтника П. В. Завадовскаго, принятъ былъ въ соображеніе и проектъ составлявшагося въ то время новаго Устава Московскаго университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы выиграть время, сдѣлано было немедленно распоряженіе о переводѣ на русскій языкъ учебныхъ книгъ для будущихъ университетовъ, слѣдуя тому правилу, «что науки распространяться въ государствѣ иначе не могутъ, какъ чрезъ преподаваніе ихъ на языкѣ народномъ (1); гдѣ же науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно». Что успѣла сдѣлать Коммисія въ этомъ послѣднемъ отношеніи, мы уже сказали выше (2).

Въ слѣдующемъ году 15-го апрѣля планъ будущихъ университетовъ, уже вполнѣ готовый, поднесенъ былъ на Высочайшее усмотрѣніе. Изъ доклада по этому дѣлу мы видимъ, что Коммисія напрасно обращалась къ С.-Петербургской Академіи Наукъ и къ Московскому Университету для оказанія ей содѣйствія, при учрежденіи университетовъ. «Управляющая С.-Петербургскою Академіею Наукъ статсъ-дама Екатерина Романовна Дашкова отозвалась Коммисіи, что Академія ни подъ какимъ видомъ ни единаго учителя не можетъ новымъ университетамъ отъ себя доставить, не имѣя между членами своими ни единаго человѣка лишняго, равно и въ Академической гимназіи нѣтъ таковыхъ учащихся, кои бы въ университетахъ могли быть помѣщены учителями. Кураторъ Московскаго университета И. И. Шуваловъ сообщилъ Коммисіи, что Московскій университетъ для заводимыхъ высшихъ училищъ, хотя нынѣ въ готовности учителей не имѣетъ, но что

---

(1) Журн. Комм. Учил. 10-го февраля 1786 года. Планъ университетовъ.

(2) См. выше стр. 141.

онъ можетъ приготовить оныхъ нѣкоторое число. Сей отзывъ почесть слѣдуетъ такимъ же недостаткомъ, какъ и первый: ибо гдѣ уже готовый учитель надобенъ, тамъ несовмѣстно ожидать пріуготовленія, которое отъ времени и еще отъ удачи зависитъ; а сверхъ того отъ одного Московскаго университета невозможно ожидать потребнаго числа учителей и для одного заводимаго высшаго училища: ибо «въ каждое изъ оныхъ потребно двадцать четыре профессора; въ университетѣ же Московскомъ и не всѣ тѣ науки преподаются, каковыя въ нынѣ подносимомъ планѣ назначены».

Поэтому Коммисія училищъ просила Высочайшаго разрѣшенія выписать на первый случай иностранныхъ профессоровъ для вновь заводимыхъ университетовъ, имѣя въ виду при этомъ лицъ знаменитыхъ своею учоностью. «Иногда и одинъ знаніями своими и сочиненіями знаменитый профессоръ можетъ присутствіемъ своимъ возвести устрояющійся университетъ на весьма высокую степень славы. Таковый человѣкъ преподаваніемъ своимъ и привлеченіемъ учащихся не только прославитъ университетъ, но и принесетъ оному, равно какъ и государству, великую пользу, а посему и нужно хотя одного или двухъ таковыхъ прославившихся мужей для университетовъ выписать» и т. д. Въ такомъ выборѣ могло бы встрѣтиться затрудненіе; поэтому на первый разъ Коммисія училищъ полагала ограничиться учрежденіемъ только одного университета, гдѣ будетъ приказано [1]. На будущее же время, для обезпеченія университетовъ со стороны профессоровъ, предполагалось опредѣлить при каждомъ новомъ русскомъ университетѣ 50 казенныхъ студентовъ, выбранныхъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Московскаго университета или духовныхъ семинарій, или наконецъ изъ вольноопредѣляющихся. Студенты эти должны были приготовляться подъ руководствомъ иностранныхъ профессоровъ и обязаны были посвятить себя, по окончаніи университетскаго курса, профессорскому званію. Каждому изъ иностранныхъ профессоровъ

---

[1] Журн. Комм. Учил. 13-го марта 1787.

вмѣнено было въ обязанность втеченіе 8-ми лѣтъ приготовить по-крайней-мѣрѣ двухъ профессоровъ. Когда же университеты наполнятся профессорами изъ русскихъ, или знающими русскій языкъ, тогда предполагалось уничтожить при университетѣ казенныхъ студентовъ, какъ учрежденіе несовмѣстное съ цѣлью университетскаго ученія и допущенное только на первый разъ по необходимости. «Университетъ, обращая все вниманіе и попеченіе свое на ученіе и на собственное свое управленіе и хозяйство, никакимъ образомъ не можетъ заниматься хозяйствомъ и содержаніемъ студентовъ. Опытомъ уже извѣстно, что обширное хозяйство заведеній, имѣющихъ предметомъ своимъ науки, отвлекаетъ ихъ отъ своей цѣли и тѣмъ самымъ бываетъ имъ помѣхою къ достиженію оной.» Университетскія же каѳедры должны быть замѣщаемы на будущее время извѣстными по своимъ трудамъ учоными вслѣдствіе испытанія, производимаго въ полномъ собраніи профессоровъ, или магистрами философскаго факультета и докторами юридическаго и медицинскаго. Послѣдніе возводятся въ эти степени также по испытанію и допускаются въ случаѣ, если бы и не было свободныхъ профессорскихъ каѳедръ, къ чтенію публичныхъ лекцій при университетѣ, приготовляясь такимъ образомъ къ профессорскимъ должностямъ.

Отношеніе профессоровъ къ студентамъ по плану россійскихъ университетовъ заслуживаетъ вниманія. «Основательныя знанія и пріятное оныхъ преподаваніе суть необходимыя качества учонаго. Благонравіе есть существенное качество человѣка, коего дѣянія въ слушателяхъ впечатлѣваются по причинѣ самаго его положенія и пріемлются предметомъ подражанія какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. *Пріятность обхожденія пріобрѣтаетъ учителю дружбу учащихся, а любовь оныхъ къ учителю производитъ любовь къ наукамъ.* Ксенофонтъ, Эсхинъ, Платонъ и другіе извѣстные ученики Сократа были его искреннѣйшіе друзья. Привлекательное обхожденіе учителей и потому весьма полезно, что учоность лишаетъ онымъ грубости педантической, которая не только науки безобразитъ, но и дѣлаетъ ихъ для дѣлъ и свѣта менѣе употребительными.»

Входъ въ университетъ открывался лицамъ всѣхъ званій безъ различія, по свидѣтельствамъ объ окончаніи курса въ главномъ народномъ училищѣ, или по испытаніи въ самомъ университетѣ.» Путь къ просвѣщенію отверзается каждому, лишь бы желающій просвѣтиться былъ человѣкъ, имѣющій неповрежденный умъ. Да и исторія, какъ древняя такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу. Въ отечествѣ нашемъ, стяжавшій оную Ломоносовъ служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ.»

Порядокъ посѣщенія тѣхъ или другихъ лекцій предоставлялся выбору самихъ студентовъ; требовалось только, чтобы они выслушали извѣстный положенный курсъ, причемъ назначалась весьма умѣренная плата, не превышавшая 30 руб. въ годъ; бѣдные же допускались къ безденежному ученію.

По плану университетъ составлялъ высшую степень учебнаго заведенія, и такимъ образомъ замыкалъ собою образованіе человѣка и гражданина, необходимое въ благоустроенномъ обществѣ. «Великолѣпнѣйшая, но и притомъ и нелицемѣрнѣйшая похвала наукамъ», сказано въ планѣ, заключается въ томъ, «что онѣ умножаютъ приверженность ко всеобщему порядку и повиновеніе законамъ, дѣлая внѣшнее принужденіе чрезъ внутреннее убѣжденіе ненужнымъ и приводя законодательство въ состояніе уменьшить свою строгость.»

Принимая въ свои нѣдра окончившихъ курсъ главнаго народнаго училища, или имѣющихъ соотвѣтственныя курсу его свѣдѣнія, университетъ необходимо долженъ былъ имѣть предварительное отдѣленіе, общіе всѣмъ гимназическіе классы. Такимъ отдѣленіемъ былъ факультетъ философскій; слушаніе курса его, продолжавшагося три года, было обязательно для всѣхъ. «Ученіе философское соединяетъ главныя народныя школы съ высшими науками. Посему оно есть собственно среднимъ звеномъ той цѣпи, которая начальное ученіе съ науками званія (т. е. съ юридическими и медицинскими) соединяетъ и къ обоимъ имѣетъ свое отношеніе: къ первому, дабы предшествовавшее собрать, устроить, умножить и

приложить, а къ послѣднимъ дабы пріуготовить.» Предметы философскаго факультета составляли: философія (логика, метафизика и нравственная философія), исторія, словесныя науки (теорія краснорѣчія, стихотворства и эстетика съ чтеніемъ писателей русскихъ, греческихъ и латинскихъ), математика (чистая и прикладная), естественная исторія, дипломатика, древности (т. е. филологическія изслѣдованія языковъ греческаго и латинскаго) и технологія.

Доказавшіе удовлетворительныя познанія въ предметахъ философскаго факультета избирали потомъ, смотря по склонности, одинъ изъ факультетовъ *званія:* юридическій или медицинскій; число лѣтъ учебнаго курса по первому неопредѣлено въ планѣ, а рѣшеніе этого вопроса предоставлено соображенію самого факультета; на полный же медицинскій курсъ назначено пять лѣтъ. Оставляя весьма любопытныя подробности касательно преподаванія той или другой науки въ университетѣ, надзора за студентами и управленія университетскаго, мы ограничимся приведенными нами указаніями, дающими, по нашему мнѣнію, вмѣстѣ съ сказаннымъ о народныхъ училищахъ достаточное понятіе, на какихъ основаніяхъ предполагалась при Императрицѣ Екатеринѣ II-й система общенароднаго воспитанія.

Имѣя предметомъ статьи Янковича, мы преимущественно выставляли его дѣятельность; но здѣсь мы должны присовокупить, что еще бóльшая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ предсѣдателю Коммисіи училищъ, бывшему впослѣдствіи первымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, графу П. В. Заводовскому. Дѣятельность этого государственнаго мужа, руководившаго такъ долго нашимъ народнымъ просвѣщеніемъ, сочувствовавшаго такъ горячо всякому живому движенію въ наукѣ, требуетъ еще подробной оцѣнки. Не говоримъ уже о самой Императрицѣ Екатеринѣ II-й, принимавшей къ сердцу дѣло народнаго воспитанія и потому успѣвшей создать его на прочныхъ, непоколебимыхъ основаніяхъ. Это былъ вѣкъ колосальныхъ предпріятій и въ жизни и въ наукѣ, предпріятій, которымъ не всегда впрочемъ соотвѣтствовали

средства. Припомним для этого, кромѣ сказаннаго нами, учрежденіе Вольнаго Экономическаго Общества въ 1765 г., путешествія академиковъ по всѣмъ областямъ Россіи, обогатившія науку драгоцѣнными для изученія нашей страны свѣдѣніями, основаніе Россійской академіи, содѣйствовавшей безспорно развитію отечественнаго языкознанія, и обширные труды разныхъ лицъ по части сравнительнаго языкоученія.

Янковичъ, трудившійся столько для русскаго воспитанія, и здѣсь является важнымъ дѣятелемъ. Какъ членъ Россійской академіи (въ званіе это онъ выбранъ былъ 28-го октября 1783 г.), онъ участвовалъ въ трудахъ по словопроизводному словарю. Составленіе словъ на буквы И и I принадлежитъ ему вмѣстѣ съ преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ Новгородскимъ и С. Петербургскимъ ([1]).

Но гораздо значительнѣе былъ трудъ Янковича по составленію Сравнительнаго Словаря всѣхъ языковъ, идея котораго сильно занимала Императрицу Екатерину II-ю. Еще въ 1784 году она сама начертала планъ Словаря, по которому предполагалось взять для сравненія до 300 коренныхъ словъ, выражающихъ самыя простыя понятія на всѣхъ языкахъ. Для приведенія въ исполненіе этой идеи, она поручила въ слѣдующемъ году Берлинскому книгопродавцу Николаи собрать полную филологическую библіотеку, заключающую въ себѣ лексиконы всѣхъ языковъ и всѣ книги, касающіяся ихъ происхожденія и этимологіи. Николаи составилъ общую таблицу языковъ числомъ до 300, потомъ каталоги всѣхъ лексиконовъ и филологическихъ книгъ, полезныхъ для этой цѣли. На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ редакція труда поручена была Императрицею академику Палласу. Словарь являлся по частямъ: первая часть вышла въ 1787 и вторая въ 1789 году подъ заглавіемъ: «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей Особы». Кромѣ

([1]) Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., Т. LX, 1848 г. Опытъ Исторіи Императорской Россійской Академіи.

русскаго заглавія прибавлено еще латинское для иностранцевъ; текстъ принятъ русскій, потому-что признавали русскую азбуку наиболѣе способною для выраженія звуковъ всѣхъ языковъ, а для иностранцевъ прибавлено объясненіе выговора русскихъ буквъ. Въ словарь Палласа вошло 285 словъ на двухъ стахъ языкахъ и нарѣчіяхъ: 149 азіятскихъ и 51 европейскихъ. Въ расположеніи словъ не видно особенной системы ни альфабетической, ни этнографической, ни лингвистической.

Словарь Палласа считали только началомъ дѣла; въ немъ недоставало еще многихъ языковъ азіятскихъ и европейскихъ и не было ни одного языка африканскаго и американскаго. По этимъ причинамъ и для приданія труду этому бóльшей системы Императрица поручила Янковичу составить новый полнѣйшій словарь съ расположеніемъ словъ въ альфабетическомъ порядкѣ. Первая часть словаря Янковича вышла въ 1790, а остальныя три части въ 1791 году подъ названіемъ: «Сравнительный Словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный». Въ концѣ четвертой части помѣщено до 272 японскихъ словъ и кромѣ того 12 числительныхъ именъ со словъ жившаго тогда въ Петербургѣ японца Кодайю. Въ словарѣ Янковича сравниваются 279 языковъ: 171 азіятскихъ, 55 европейскихъ, 30 африканскихъ и 23 американскихъ; слѣдовательно здѣсь 79-ю языками больше, чѣмъ въ первомъ изданіи; всѣхъ словъ 61,700: самое бóльшое число на букву К — 6,510 и самое меньшее на Ѳ — 78. И такой громадный трудъ совершонъ былъ Янковичемъ только въ два года, несмотря на множество другихъ постороннихъ его занятій. Заключая въ себѣ больше языковъ и больше системы, словарь Янковича уступаетъ труду его предмѣстника въ томъ отношеніи, что при текстѣ его, напечатанномъ также по-русски, нѣтъ объясненія выговора русскихъ словъ для иностранцевъ, чтó дѣлало словарь его недоступнымъ для послѣднихъ; краткія замѣтки, какъ нѣкоторые звуки чужихъ языковъ выражать русскими буквами, въ этомъ отношеніи далеко недо-

статочны ([1]). Нужно ли прибавлять, что съ точки зрѣнія современной филологіи эти труды Палласа и Янковича имѣютъ мало значенія; самое появленіе ихъ показываетъ, что языкоученіе въ ихъ время было еще въ младенческомъ состояніи.

Показавъ такимъ образомъ педагогическіе и ученые труды Янковича, мы считаемъ излишнимъ ко всему сказанному нами прибавлять еще какой-либо выводъ; дѣло громко говоритъ само за себя. Притомъ же мы убѣждены, что послѣднее слово здѣсь и произнести невозможно, пока не будутъ собраны и обработаны всѣ матеріалы касательно народнаго просвѣщенія при Императрицѣ Екатерины II-й, пока офиціальные источники не будутъ дополнены и оживлены записками частныхъ людей, придающими фактамъ животрепещущій интересъ свѣжести и современности. Отбросимъ только вмѣстѣ съ тѣмъ всякое пристрастіе къ тому или другому роду учебныхъ заведеній, всякое самовосхваленіе и самообольщеніе и будемъ руководиться однимъ чистымъ желаніемъ доискаться истины; въ какомъ бы видѣ ни предстала она намъ, воспользуемся ея уроками и смѣло станемъ къ ней лицомъ къ лицу, не скрывая себя отъ живительнаго ея свѣта за ширмами обскурантизма, нерѣдко величающаго себя у насъ громкими именами благонамѣренности и любви къ отечеству.

([1]) Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, von Fr. Adelung. С. Петербургъ, 1815 г., стр. 41—160.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Біографическія свѣдѣнія объ Янковичѣ. Краткій обзоръ состоянія учебныхъ заведеній до Императрицы Екатерины II-й. Духовныя училища. Военно-учебныя заведенія. Общество воспитанія благородныхъ и училище мѣщанскихъ дѣвицъ. Гимназія и университетъ при С. Петербургской Академіи Наукъ. Московскій университетъ и учебныя заведенія, при немъ состоявшія. Домашнее ученіе и воспитаніе. Частные пансіоны и школы. Народныя училища въ эпоху отъ Петра I-го до Екатерины II-й. Учрежденіе Коммисіи училищъ въ 1782 году. Участіе Янковича въ трудахъ Коммисіи. Открытіе училищъ. Устройство учительской семинаріи и приготовленіе учителей. Составленіе учебныхъ книгъ. Введеніе въ училищахъ новаго способа преподаванія и новаго взгляда на воспитаніе. Труды по составленію плана для будущихъ университетовъ. Филологическія занятія Янковича. Заключеніе.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

С. Петербургъ, 9-го Сентября 1858 г. Ценсоръ *А. Фрейганъ*.

